

ISSN 2414-5815

ПРАВО ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

№ 2(34)

2024
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год. Издаётся с января 2015 года

2024 № 2(34)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:

С.В. Агиевец (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
С.Л. Богомаз (ответственный за раздел «Психология»),
Е.М. Бахмат, В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурщенков, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев,
Е.Ф. Ивашкевич, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, С.В. Лауткина,
А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменщик,
Л.Ф. Трацевская, Е.Е. Фролова,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков,
В.А. Янчук

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименко (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазилев (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень
научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

ПРАВО

Ивашкевич Е.Ф. Современные тенденции развития избирательного законодательства и модификации избирательных технологий (на примере Скандинавских стран) 3

Стаценко В.Г., Батура Д.С. Убийства как объект криминологического анализа 9

Гуминский М.Н. Историко-правовой анализ становления законодательства о противодействии незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на территории Республики Беларусь 17

Сухарев А.А. Социально-психологическое отчуждение личности как криминогенный фактор 26

ЭКОНОМИКА

Богатырёва В.В., Панков Д.А., Самоховец М.П. Сущностные аспекты финансового потенциала 32

Трацевская Л.Ф. Промышленность Витебской области Беларуси: инновационный вектор развития 39

Самоховец М.П. Методика агрегированной оценки финансового потенциала аграрного бизнеса 44

Чёрный В.П., Бельская А.А. Об оценке гендерного неравенства в Беларуси в контексте международных сравнений 52

ПСИХОЛОГИЯ

Слепкова В.И., Коженевская Е.Ю. Уровни деформации межличностных отношений в семье, воспитывающей ребенка с особенностями психофизического развития 59

Стреленко А.А. Особенности структурно-содержательных характеристик вербального и невербального компонентов социально-перцептивных образов матерей различного типа и их детей 65

Крестьянинова Т.Ю., Торчило Ю.Н., Карпов А.М., Герасимова В.В., Артёменко Т.К. Психолого-педагогическое сопровождение рефлексии участников групп взаимопомощи для лиц с химической аддикцией 73

Косаревская Т.Е., Яцухно О.Н. Психологическая помощь подросткам, склонным к аутоагрессивному поведению 80

Лауткина С.В., Крупская И.И. Гендерные проявления буллинга в подростковой образовательной среде 85

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year. Published since January 2015

2024 № 2(34)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

Editor-in-Chief:

V.V. Bogatyreva

Editorial Board:

S.V. Agiyevets (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
S.L. Bogomaz (in charge
of the Psychology Studies section),
E.M. Bakhmat, V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev,
E.F. Ivashkevich, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, S.V. Lautkina,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenshchik,
L.F. Tratsevskaya, E.E. Frolova,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov,
V.A. Yanchuk

Editorial Council:

T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
"Law. Economics. Psychology"
is included in the List of scientific
publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

Ivashkevich E.F. Modern Trends in the Development of Electoral Legislation and Modifications of Electoral Technologies (Using the Example of Scandinavian Countries) **3**

Statsenko V.G., Batura D.S. Murder as an Object of Criminological Analysis **9**

Huminski M.N. Historical and Legal Analysis of the Formation of Legislation on Countering Illicit Trafficking in Drugs and Psychotropic Substances in the the Republic of Belarus **17**

Sukharev A.A. Social and Psychological Alienation of the Individual as a Criminogenic Factor **26**

ECONOMICS

Bogatyreva V.V., Pankov D.A., Samokhovets M.P. Essential Aspects of Financial Potential **32**

Tratsevskaya L.F. Industry of Vitebsk Region of Belarus: Innovation Development Vector **39**

Samokhovets M.P. Methodology of the Financial Potential Aggregated Assessment of Agricultural Business **44**

Chorny V.P., Belskaya A.A. On Assessing Gender Inequality in Belarus in the Context of International Comparisons **52**

PSYCHOLOGY

Slepkova V.I., Kozhenevskaya Ye.Yu. Stages of the Distortion of Interpersonal Relations in a Family Which Raises a Child with Psychophysical Disability **59**

Strelenko A.A. Features of Structural and Content Characteristics of the Verbal and Non-Verbal Components of Social and Perception Images of Different Type Mothers and their Children **65**

Krestyaninova T.Yu., Torchyllo Yu.N., Karpov A.M., Gerasimova V.V., Artemenko T.K. Psychological and Pedagogical Support for the Reflection of Participants in Mutual Assistance Groups for People with Chemical Addiction **73**

Kosarevskaya T.E., Yatsukhno O.N. Psychological Aid for Teenagers Prone to Autoaggressive Behavior **80**

Lautkina S.V., Krupskaya I.I. Gender Manifestations of Bullying in the Adolescent Educational Environment **85**

УДК 342.8(48)

Современные тенденции развития избирательного законодательства и модификации избирательных технологий (на примере Скандинавских стран)

Ивашкевич Е.Ф.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Избирательное право в объективном значении является одной из самых динамично развивающихся отраслей права, сильное влияние на которую оказывает расстановка политических сил, воля законодателя, происходящие геополитические процессы. Итоги выборов во многом обусловлены не только объективными, но и субъективными факторами. В последнее время страны Северной Европы встали на путь активного обновления избирательного законодательства, часто одними из первых применяя экспериментальные избирательные технологии, являясь «первопроходцами» в области их цифровизации. Цель статьи – охарактеризовать особенности и основные тенденции современного развития избирательного законодательства на примере Скандинавских стран.

Материал и методы. Материалом исследования послужило избирательное законодательство скандинавских стран, научные статьи ведущих отечественных и зарубежных правоведов по данной проблематике. Основными методами являются метод формально-юридического и сравнительно-правового анализа.

Результаты и их обсуждение. В работе рассмотрены главные направления реформирования избирательного права Норвегии, Швеции, Финляндии на современном этапе, дана характеристика особенностей правового регулирования организации и проведения парламентских и местных выборов, основных этапов избирательного процесса.

Заключение. Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что специфика избирательного законодательства и избирательных технологий скандинавских стран заключается в демократизации цензового избирательного права, что влечёт увеличение электорального корпуса высокой явки избирателей, повышение социальной активности молодёжи, высокой явки избирателей на выборах при добровольности их участия. Особенности организации избирательного процесса являются децентрализованность его управления и открытость избирательных процедур, использование новых экспериментальных электронных средств учёта электората, ведения предвыборной агитации, порядка голосования и определения его результатов.

Ключевые слова: избирательные цензы, виды выборов, предвыборная агитация, способы голосования.

Modern Trends in the Development of Electoral Legislation and Modifications of Electoral Technologies (Using the Example of Scandinavian Countries)

Ivashkevich E.F.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Suffrage in an objective sense is one of the most dynamically developing branches of law, which is strongly influenced by the alignment of political forces, the will of the legislator, and ongoing geopolitical processes. The election results are largely determined not only by objective, but also by subjective factors. Recently, the countries of Northern Europe have taken the path of actively updating electoral legislation, often being one of the first to use experimental electoral technologies, being "pioneers" in the field of their digitalization. The purpose of the study is to characterize the features and main trends of modern development of the electoral legislation on the example of the Scandinavian countries.

Material and methods. *The research material was the electoral legislation of the Scandinavian countries, scientific articles by leading domestic and foreign legal scholars on this issue. The main methods are the method of formal legal and comparative legal analysis.*

Findings and their discussion. *The work examines the main directions of reforming the electoral law of Norway, Sweden, Finland at the present stage, and characterizes the features of the legal regulation of the organization and conduct of parliamentary and local elections, the main stages of the electoral process.*

Conclusion. *To summarize, it is necessary to emphasize that the specificity of the electoral legislation and electoral technologies of the Scandinavian countries lies in the democratization of qualified voting rights, which entails an increase in the electoral corps with a high voter turnout, an increase in the social activity of young people, a high voter turnout in elections with the voluntariness of their participation. Features of the organization of the electoral process are the decentralization of its management and openness of electoral procedures, the use of new experimental electronic means of electorate accounting, conducting election campaigns, voting procedures and determining its results.*

Key words: *electoral qualifications, types of elections, election campaigning, voting methods.*

Избирательное право в объективном значении является одной из самых динамично развивающихся отраслей права, сильное влияние на которую оказывает расстановка политических сил, воля законодателя, происходящие геополитические процессы. Итоги выборов во многом обусловлены не только объективными, но и субъективными факторами, синергетичны. В последнее время страны Северной Европы встали на путь активного обновления избирательного законодательства, часто одними из первых применяя экспериментальные избирательные технологии, являясь «первопроходцами» в области их цифровизации, что частично предопределено быстротечностью избирательных кампаний (как правило, до 2-х месяцев). Цель статьи – охарактеризовать особенности и основные тенденции современного развития избирательного законодательства на примере Скандинавских стран.

Материал и методы. Материалом исследования послужило избирательное законодательство скандинавских стран, научные статьи ведущих отечественных и зарубежных правоведов по данной проблематике. Основными методами являются метод формально-юридического и сравнительно-правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Избирательное законодательство скандинавских стран не кодифицировано и отличается множественностью правовых источников, затрагивающих различные аспекты порядка организации и проведения выборов. Так, в Швеции к их числу можно отнести Акт о форме правления и Акт о свободе печати 1974 г., Основной закон о свободе высказываний 1991 г., Акт о выборах в Риксдаг 1997 г., Акт о выборах 2005 г., Акт о прозрачности финансирования политических партий 2018 г. и мн. др. Основными избирательными законами Финляндии наряду с Конституцией являются Закон о выборах 1998 г., Закон о финансировании предвыборной агитации кандидатов в депутаты 2009 г., Закон о местном управлении 2015 г., Закон о средствах массовой информации 1993 г. и иные акты.

Аналогичного содержания для избирательного права характерны и нормативные правовые акты Норвегии, помимо Конституции в их число входят Закон о выборах 2002 г., Акт о политических партиях 2005 г. и др. В последнее время в указанные правовые документы вносилось множество изменений, краткая характеристика которых будет дана в дальнейшем в работе.

Одним из основных направлений реформирования избирательного права Скандинавских стран является либерализация избирательных цензов для активизации участия населения в реализации активного и пассивного права. Так, в настоящее время возрастные требования как к избирателю, так и к избираемому в Скандинавских странах составляет 18 лет. Причём, ведётся общественная дискуссия о возможности снижения возрастного порога на муниципальных выборах до 16 лет. В 2023 г. доля депутатов в Финляндии до 30 лет составила 10,7%. Характерной чертой Скандинавских стран является активная предвыборная агитационная работа с молодёжью вплоть до посещения представителей политических партий и особенно их лидеров школ с целью ознакомления со своей программой, однако данная форма возможна в Норвегии, Швеции, Финляндии только по инициативе директоров школ. Помимо этого, например, в Швеции учителя часто могут давать специальные задания (взять интервью у членов партии, ответить на вопросы об экологии, здравоохранении, социальном обеспечении и т.д., исходя из программных партийных установок ведущих национальных политических партий). Интересно, что в стране для старшеклассников (с седьмого класса) как будущих потенциальных избирателей экспериментально проводятся так называемые «школьные выборы», когда они могут голосовать по предварительной заявке школ бюллетенями, которые при подведении итогов просто не учитываются [1].

Обращаясь к историческому прошлому, необходимо подчеркнуть, что Скандинавские страны были первыми европейскими странами, обеспечившими электоральное гендерное равенство, так как женщины получили избирательные права в Финляндии ещё в составе Российской империи в 1906 г., в Норвегии – в 1913 г., в Швеции – в 1919 г. Гендерный паритет в настоящее время – ещё одна отличительная особенность данного региона. Фактически равное представительство женщин в Риксдаге Швеции, доля женщин в Эдускунте Финляндии – 46%, причём, они составляют 12 из 19 членов правительства и возглавляют 5 популярных политических партий. Специальные нормы в избирательном законодательстве Финляндии не требуют обязательных гендерных квот, но с 1986 г. в стране действует Закон о равенстве мужчин и женщин, положений которого придерживаются и при составлении партийных списков (до 40% женщин). В Норвегии гендерный баланс учитывается и при формировании избирательных органов.

Для скандинавских стран характерны широкие возможности участия в региональных и муниципальных выборах иностранных граждан, постоянно проживающих на их территории. Возможно, поэтому информация о выборах, например, в Финляндии доступна в интернете на 31 языке, а теле-радиовещательные предвыборные дискуссии кандидатов ведутся не только на финском, шведском и саамском языках, но и ряде других. Ценз оседлости в Финляндии для граждан ЕС, Норвегии и Исландии составляет всего 51 день, для выходцев из других государств – 2 года в стране и 51 день непосредственно в коммуне, в Норвегии и Швеции иностранцы голосуют через 3 года, за исключением представителей других стран Северной Европы, для которых предусмотрены значительные послабления. Например, в Норвегии необходимо зарегистрироваться в реестре населения до 30 июня года выборов. Граждане, проживающие за рубежом более 10 лет, обязаны подать заявку на включение в список избирателей в муниципалитет по последнему месту регистрации [2].

В последнее время большое внимание уделяется созданию условий для голосования лицам с ограниченными возможностями путём выпуска бюллетеней с использованием шрифта Брайля, графических изображений, обеспечения свободного доступа в помещения избирательных участков в Финляндии. Однако, если в этой стране допускается только личное голосование, то в Швеции возможно голосование через представителя (попечителя) или электорального курьера по доверенности, в исключительных случаях на дому, по почте [3].

Перечень лиц, лишённых законодательно избирательных прав, традиционен: находящиеся под опекой, в местах лишения свободы по приговору суда, поступивших на службу иностранного государства без согласия правительства (ст. 53 Конституции Норвегии), в отношении которых вынесено судебное решение об ограничении избирательных прав (часто является составной частью наказания за уголовные преступления). Интересно, что вопрос о восстановлении в избирательных правах в Норвегии решается не в рамках судебных споров, а парламентом страны – Стортингом. Как и в большинстве других стран действует принцип неизбираемости. Так, в Норвегии не могут выдвигать свои кандидатуры служащие министерств (кроме министров!), представители дипкорпуса, судьи и иные категории госслужащих [4]. Необычным является тот факт, что политические партии имеют право здесь включить по своему усмотрению

нию любого кандидата. На избирательные органы в связи с этим возложена обязанность оповещения всех внесённых в списки лиц, которые могут заявить отвод по причине принадлежности к другой партии или голосования не в том округе, от которого выдвинуты. Если же протест своевременно не заявлен, то избранный кандидат остаётся в списках и обязан принять итоги выборов, если в течение 3-х дней после избрания не выразит своего несогласия. Нестандартным является и то, что выдвинутые на выборах кандидаты могут работать в составе избирательных комитетов и участковых комиссий. До 2022 года «упрощенные» требования к членам избирательных комиссий были и в Швеции. Только с указанного года Национальным избирательным управлением страны было рекомендовано не включать в избирательные участковые комиссии баллотирующихся кандидатов, что было учтено многими муниципалитетами.

Давней традицией региона стало использование досрочных выборов, в которых принимает значительное количество избирателей (например, до 30% норвежских граждан на парламентских выборах 2017 г.). В Финляндии досрочное голосование начинается за 11 дней до даты выборов и завершается за 7 дней, в Швеции оно проводится в течение 18 дней до голосования, причём сделать это можно на любом избирательном участке страны или за её пределами.

Характеризуя особенности избирательного процесса, хотелось бы отметить практически отсутствие законодательных ограничений агитационной кампании и информационного освещения избирательного процесса. Вести агитацию можно и в день голосования, но за пределами помещений избирательных участков, не запрещается и оглашение результатов общественного мнения [5]. В последнее время политическими партиями и их кандидатами широко используются электронные ресурсы, особенно соцсети, в связи с чем, например, Норвежское управление по СМИ инициировало пересмотр системы государственных субсидий с целью их перераспределения с выделением квоты на формы интернет-агитации.

Особенностью избирательных систем стран Скандинавии является исключительное применение пропорциональной системы (в Норвегии с 2021 г.), основными признаками которой является голосование по партийным спискам и отсутствие «независимых» кандидатов. Следствием благоприятных законодательных условий для участия партий в избирательной кампании (отсутствие заградительного барьера в Финляндии,

низкий заградительный пункт в Норвегии – 4% с предоставлением «уравнивающих» мандатов для малых партий, Швеции – 4% по стране или 12% в одном из 29 избирательных округов на парламентских выборах и 2–3% на местных) является большое их количество на выборах. Так, в Норвегии в борьбе за депутатские места в Стортинге в 2021 г. участвовало 25 партий, из которых 6 были новыми (представительство получило 10 партий), в Швеции при избрании Риксдага в 2022 г. было зарегистрировано более 30 партий (прошло 8 партий), в Финляндии на парламентских выборах участвовало 26 политических партий, в том числе 12 новых (места получили 9 партий). Разнообразие представленных на выборах политических сил, несомненно, создаёт трудности для политического выбора избирателя. Для выхода из этой ситуации приходят часто на помощь СМИ. Так, их новацией в Финляндии, например, стал так называемый «избирательный компас», когда потенциальному избирателю предлагают пройти онлайн-анкету по самому разноплановому перечню вопросов, выразив своё мнение в отношении экологии, здравоохранения, сферы образования, социального обеспечения и других (содержание предвыборных программ сконцентрировано, как правило, на решении внутригосударственных проблем). Таким образом, избиратель получает список партий, чья предвыборная программа наиболее близка его взглядам, с возможным последующим более подробным ознакомлением с ответами на заданные вопросы лидеров этих партий или наиболее известных кандидатов, полученными в результате их интервьюирования. Надо сказать, что подробных правовых предписаний относительно деятельности СМИ в процессе избирательной кампании в Скандинавских странах не наблюдается. Фактически они ограничиваются общими требованиями соблюдения принципов беспристрастности, объективности, предоставления равных возможностей и запрета дискриминации, соблюдения личных прав политических участников. Помимо этого, доминирующее положение в источниках финансирования избирательных кампаний традиционно занимает государственное как за счёт центрального бюджета, так и местных властей с учётом итогов предыдущих парламентских, региональных и муниципальных выборов, количества полученных партиями депутатских мест, не предусмотрены и избирательные залоги [6]. Так, в Норвегии запрещена платная предвыборная телереклама, национальные аудиовизуальные

средства вещания предоставляются за счёт государственных субсидий. Только с 2010 г. шведским партиям разрешено приобретать платное эфирное время.

Характерен для Скандинавских стран и ослабленный контроль за финансовой отчётностью предвыборной деятельности партий, что свидетельствует о пробельности избирательного законодательства. Преодолению этого недостатка фактически посвящены избирательные реформы последних лет стран региона. Так, в Финляндии не закреплена законодательная норма, обязывающая к открытию специального счёта избирательного фонда, что позволяет партиям получать неучтённые наличные денежные средства, не определённый лимит избирательных партийных расходов, не требуется промежуточных финансовых отчётов наряду с итоговым, который предоставляется в течение 2-х месяцев после выборов в Национальное контрольно-ревизионное управление. Только в последнее время запрещены анонимные пожертвования до определённого порога. Существует договорённость лишь о добровольной отчётности партий о взносах частных лиц свыше определённой суммы, лишь в 2014 году был внесён законопроект о допустимости анонимных пожертвований до установленного предела, который, кстати, достаточно высок [7]. Сходная ситуация наблюдается и в Швеции, где также не лимитированы пожертвования партиям и их кандидатам и общий порог избирательных расходов.

Голосование проводится в общественных местах, иногда даже в супермаркетах, временные избирательные пункты организуются в больницах, домах престарелых, местах временного содержания, диппредставительствах за рубежом и даже на судах. В последнее время в Финляндии избирательные участки часто организуются на открытом воздухе в специальных крытых павильонах, что полюбилось гражданам страны, для которой характерна традиция завершения выборов обязательной чашечкой кофе. Необходимо отметить, в скандинавских странах предусмотрен достаточно обширный перечень документов, удостоверяющих личность. Помимо паспорта, это может быть банковская карта, водительское удостоверение и др. Примечательно, что в Норвегии предъявление документа необходимо, если член участковой комиссии или сотрудник учреждения лично не могут подтвердить личность избирателя. Нельзя выносить избирательный бюллетень из помещения для голосования, пересылать его изображение с помощью технических средств. С учётом возможностей развития современных

информационных технологий, с 2008 года норвежское Министерство местного самоуправления и регионального развития впервые инициировало пилотный проект интернет-голосования, правовым основанием которого стали Рекомендации Совета Европы REC (2004)¹¹ и Руководство по электронному голосованию. Отсутствие национального правового определения порядка дистанционного голосования поставили задачу перед законодателем восполнить данный пробел в избирательном законодательстве. В 2021 году 3,5 млн избирателей впервые получили от Национального избирательного комитета цифровые электоральные удостоверения, а для автовладельцев были организованы специально выделенные автомобильные электоральные линии (технология «Макавто»). Новеллой стал и перевод формы избирательного бюллетеня в цифровой формат, создание электронного регистра избирателей, что облегчает возможность быстрого внесения изменений в банк данных при перемене места жительства потенциального избирателя и других обстоятельствах. С 2016 г. эксперимент интернет-голосования стартовал в Финляндии, причём решение о его включении в способы голосования было отдано на усмотрение муниципалитетов. В настоящее время окончательного законодательного оформления он не получил, но широко используется на местных консультативных референдумах для изучения общественного мнения. Не предусмотрено законодательно в должной мере использование электронного голосования, технических средств при подсчёте голосов, видеонаблюдения на участках и в шведском законодательстве, хотя проект дистанционного участия в выборах при помощи интернета был запущен в 2018 г. с целью упрощения участия в выборах пожилых, больных людей и инвалидов, а также находящихся за границей. В итоге развернулась оживлённая парламентская дискуссия с широким участием общественности о необходимости данного нововведения, в процессе которой были высказаны сомнения в сохранении тайны голосования, возможности искажения его результатов под воздействием хакерских атак и другие аргументы [8].

Характерной особенностью избирательного права рассматриваемых стран является отсутствие законодательных положений об институте национальных и тем более международных наблюдателей, хотя их присутствие широко применялось. Вместе с тем на последних парламентских выборах всех 3-х стран международные наблюдатели отсутствовали, что объяснялось ковидной

эпидемией и, следовательно, невозможностью обеспечения им безопасных условий. Несмотря на добровольность участия в выборах для скандинавских стран характерна высокая явка избирателей. Так, на парламентских выборах в Норвегии в 2021 г. приняли участие 76,5% избирателей от потенциального электорального корпуса, в Швеции в 2022 г. – 84,21%, в Финляндии в 2023 г. – 72%.

Ещё одной из важнейших скандинавских особенностей избирательных технологий, на наш взгляд, позволяющей преодолеть такой наиболее очевидный недостаток пропорциональной избирательной системы, как «диктат партийной верхушки» и невозможность учёта личных предпочтений избирателя в рамках предоставленного на выборах партийного списка, является безоговорочное устранение неизменности очередности кандидатов при распределении депутатских мест в случае электоральной победы, а также их «открытость» в Швеции и Норвегии. Так, во всех странах избиратель имеет право предпочтения, делая отметку в избирательном бюллетене в отношении наиболее поддерживаемого кандидата от партии. Помимо этого, в Швеции в единый день голосования избирателю предлагаются в зависимости от территориального уровня выборов жёлтые (парламентские), голубые (региональные) и белые (муниципальные) избирательные бюллетени 3-х видов – партийные (с 2013 г. с использованием логотипа партии), партийно-именные (с указанием сведений о кандидатах для предпочтительного вотума избирателя) и незаполненные, позволяющие самостоятельно вписать название партии или голосовать «против всех» (в последнем случае бюллетень считается недействительным) [9]. В Норвегии допускается, чтобы избиратель пришёл с простым листом бумаги, на котором будет указана партия, а член комиссии обязан поставить печать и предоставить специальный избирательный конверт.

Заключение. Подводя итоги вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что специфика избирательного законодательства и избирательных технологий Скандинавских стран заключается в демократизации цензового избирательного права, что влечёт увеличение электорального корпуса, повышение социальной активности молодёжи, высокую явку избирателей на выборах при добровольности их участия. Особенности организации избирательного процесса является децентрализованность его управления и открытость избирательных процедур, использование новых экспериментальных

электронных средств учёта электората, ведения предвыборной агитации, порядка голосования и определения его результатов. В то же время основными пробелами в правовом обеспечении, по мнению многих представителей политического истеблишмента и юридического сообщества Скандинавских стран, является отсутствие детализированного правового регулирования финансирования политических партий и финансовой отчётности с их стороны в процессе осуществления деятельности в рамках избирательного процесса, о чём свидетельствуют основные направления избирательного реформирования в последнее время.

Литература

1. Выборы в Швеции: 10 особенностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.sweden.se/lyudi-i-obschestvo/demokratiya/vybory-v-shvecii-10-osobennostej>. – Дата доступа: 15.01.2024.
2. Election Act 2002 Norway [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/election-act/id2632557/>. – Data of access: 17.01.2024.
3. Ракитская, И.А. Основные этапы развития избирательного права и избирательной системы Швеции [Электронный ресурс] / И.А. Ракитская. – Моск. журн. междунар. права. – № 2(2017). – С. 97–106. – Режим доступа: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-106-2-97-106>. – Дата доступа: 16.01.2024.
4. Конституция Королевства Норвегия от 17.05.1814 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=142>. – Дата доступа: 19.01.2024.
5. Современные избирательные системы. Вып. 6: Австрия, Ирландия, Норвегия, Чили [Электронный ресурс] / Е.А. Водяницкая, [и др.]; науч. ред. А.В. Иванченко, В.И. Лафитский. – М.: РЦОИТ, 2011. – 512 с. – Режим доступа: https://www.rcoit.ru/upload/iblock/552/SIS_6_2011.pdf. – Дата доступа: 18.01.2024.
6. The Finnish Election System. Overview [Electronic resource]. – Helsinki: Ministry of Justice, 2023. – 44 p. – Mode of access: julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/. – Data of access: 20.01.2024.
7. Евдокимов, А.С. Избирательное право и электоральный процесс в Финляндии: парламентские выборы 2023 [Электронный ресурс] / А.С. Евдокимов, А.О. Лядов // Вестн. науки. – 2023. – № 5(62). – С. 245–254. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/izbiratelnoe-pravo-i-eklektoralnyy-protsess-v-finlyandii-parlamentskie-vybory-2023-g/viewer>. – Дата доступа: 27.01.2024.
8. Особенности избирательного законодательства Королевства Норвегия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/international/docs/nrveg.html>. – Дата доступа: 19.01.2024.
9. Избирательное законодательство Швеции и некоторые направления его реформирования [Электронный ресурс]. // Избирательное право. – 2014. – № 2(26). – С. 43–46. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/izbiratelnoe-zakonodatelstvo-shvetsii-i-nekotorye-napravleniya-ego-reformirovaniya/>. – Дата доступа: 27.01.2024.

Поступила в редакцию 19.02.2024

Убийства как объект криминологического анализа

Стаценко В.Г., Батура Д.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Как на уровне международного права, так и в законодательстве Республики Беларусь первой среди наиболее охраняемых правом ценностей определяется право на жизнь. Часть 2 статьи 24 Конституции Республики Беларусь устанавливает, что «государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств». Между правовыми требованиями и жизненной реальностью, однако, зачастую существуют расхождения, к сожалению, это можно отнести и к обеспечению защиты высшей конституционной ценности – человеческой жизни.

Исследование актуальных вопросов, связанных с состоянием и динамикой умышленных убийств, особенностями их криминологического анализа, обеспечением и совершенствованием мер превенции этих наиболее тяжких преступлений против личности, сохраняет свою актуальность на современном этапе развития страны и представляет собой большую научную проблему.

Цель статьи – основываясь на данных официальной статистики, результатах криминологических исследований, провести анализ убийств, совершаемых в Республике Беларусь, и сформулировать предложения по совершенствованию их превенции.

Материал и методы. Основой исследования являются правовые источники, эмпирический материал, научные публикации, отражающие различные позиции по рассматриваемым в статье проблемам. В работе использовались общенаучные методы, а также частно-правовые, включая формально-юридический, статистический, компаративистский.

Результаты и их обсуждение. Криминологический анализ убийств, регистрируемых в Республике Беларусь, свидетельствует, с одной стороны, о существенном снижении числа убийств за последние десятилетия и относительной стабилизации их объема и уровня на современном этапе, с другой – о существовании ряда проблем, определяемых особенностями их официальной регистрации и методов расследования.

Заключение. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости как дальнейшего развития криминологического научного изучения данных преступлений, так и совершенствования мер профилактики.

Ключевые слова: убийство, объем и уровень (коэффициент) убийств, динамика убийств, латентность убийств, криминологические характеристики убийств, личность убийцы, жертва (потерпевший), профилактика убийств.

Murder as an Object of Criminological Analysis

Statsenko V.G., Batura D.S.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Both at the level of international law and in the legislation of the Republic of Belarus, the first value among the most protected by law is the right to life. Part 2 of Article 24 of the Constitution of the Republic of Belarus establishes that "The State protects human life from any unlawful attacks". However, there are often discrepancies between legal requirements and life reality; unfortunately, this can also be attributed to ensuring the protection of the highest constitutional value – human life.

The study of problematic issues related to the state and dynamics of intentional murders, the peculiarities of their criminological analysis, ensuring and improving measures to prevent these most serious crimes against the individual remains relevant at the present stage of the country's development and represents a major scientific problem.

The purpose of this study is, based on official statistics and the results of criminological research, to analyze murders committed in the Republic of Belarus and formulate proposals for improving their prevention.

Material and methods. The research material includes legal sources, empirical material, scientific publications reflecting different positions on the issues discussed in the article. The work used general scientific methods, as well as private legal methods, including formal legal, statistical, and comparative methods.

Findings and their discussion. A criminological analysis of murders registered in the Republic of Belarus indicates, on the one hand, a significant decrease in the number of murders over the past decades and a relative stabilization of their amount and level at the present stage, on the other hand, the existence of a number of problems determined by the peculiarities of their official registration and investigation methods.

Conclusion. The results of the study indicate the need for both further development of the criminological scientific study of these crimes and improvement of preventive measures.

Key words: murder, amount and level (rate) of murders, dynamics of murders, latency of murders, criminological characteristics of murders, personality of the killer, victim, prevention of murders.

Убийство, т.е. умышленное противоправное лишение жизни человека, в силу своей особой общественной опасности практически во все времена и во всех культурах мира является

морально осуждаемым и уголовно наказуемым преступлением. В 2021 году в мире было зафиксировано 458 000 убийств, что превысило показатели предыдущих лет. Росту убийств способ-

ствовали экономические последствия пандемии Covid-19 и всплеск организованной преступности, бандитского и социально-политического насилия. Число смертей от убийств в период с 2021 по 2022 год, несмотря на рост смертности в результате вооруженных конфликтов более чем на 95%, вдвое превысило количество смертей в результате этих конфликтов и по-прежнему остается глобальной проблемой. Общемировой уровень убийств 2021 года – 5,8 преступлений на 100 000 человек – это среднее значение сильно различающихся национальных показателей, варьирующихся от 0,1 в Бахрейне до 100 на Ямайке [1].

Актуальность рассматриваемой проблемы для Республики Беларусь определяется и тем обстоятельством, что несмотря на фиксируемое официальной статистикой в последние десятилетия значительное снижение числа регистрируемых убийств, так же как и удельного веса убийств в общем объеме регистрируемых преступлений (0,3–0,5%), коэффициент (уровень) убийств в стране остается относительно высоким. По данным Всемирного Банка, по этому показателю (около 3 в расчете на 100 тысяч населения) Республика Беларусь оказалась в 2021 году в четвертом десятке стран в мире и на 5-м месте в Европе, уступая значительно только РФ (7,3) и Латвии (4,9) и находясь примерно на уровне Украины (3,9) и Литвы (3,5). По показателю коэффициента смертности от убийств (на 100 000 населения), по данным Всемирной организации здравоохранения по состоянию на 2019 год, Беларусь занимала 118 место в мире из 185 стран (2,7) и 8 место в Европе, уступая РФ (7,8), Украине (6,3), Латвии (5), Литве (4,8), Молдове (4,1), Албании (3,6), Черногории (2,8) [2].

Цель статьи – провести криминологический анализ умышленных убийств как особо тяжких преступлений против личности и на этой основе определить меры по совершенствованию их профилактики.

Материал и методы. Основой исследования являются международные и национальные правовые источники, научные публикации, отражающие различные точки зрения отечественных и зарубежных специалистов по рассматриваемой проблеме, статистические и уголовно-правовые материалы. В работе использованы как общие методы познания (системный, логический метод, метод анализа и синтеза, индукции и дедукции), так и частно-правовые методы: формально-юридический, компаративистский метод.

Результаты и их обсуждение. Прежде всего, следует определиться с предметом исследования, с тем, какие преступные деяния попадают под определение *умышленных убийств*. Поскольку достоверность статистики убийств зависит в значительной степени от национальных различий в содержании уголовно-правовых определений составов преступлений, Управлением по наркотикам и преступности (УНП) ООН была разработана т.н. Международная классификация преступлений для статистических целей (ICCS), определяющая умышленное (преднамеренное) убийство как «незаконное причинение смерти лицу с намерением причинить смерть или серьезное увечье» [3]. Это определение включает в себя три критерия, в соответствии с которыми убийство подпадает под понятие «умышленное убийство»: 1) убийство человека другим лицом (объективный элемент); 2) намерение (умысел) преступника убить или серьезно ранить жертву (субъективный элемент); 3) незаконность (противоправность) убийства (правовой элемент).

Для целей регистрации убийств УНП ООН все преступления, соответствующие перечисленным выше признакам, относит к умышленным убийствам, независимо от определений, предусмотренных национальным законодательством.

В соответствии со статьей 139 УК Республики Беларусь [4] убийство определяется как «умышленное противоправное лишение жизни другого человека». При этом термином «убийство» обозначается только умышленное преступление, а неосторожное убийство определяется как причинение смерти по неосторожности (статья 144 УК).

Из анализа правового содержания понятия «убийство» следует, что оно обладает рядом характерных черт: «1. Это общественно опасное деяние, направленное на причинение смерти другому человеку (лишение жизни). 2. Оно является противоправным, то есть запрещено уголовным законом, хотя в самой статье 139 УК этот аспект не назван. Признак противоправности позволяет разграничить убийство от законных видов лишения жизни. 3. Оно совершается с умыслом» [5].

Убийство, предусмотренное частью 1 статьи 139 Уголовного кодекса, является основным составом данного преступления. Оно заключается в умышленном причинении смерти другому человеку без отягчающих (часть 2 статьи 139 УК) и смягчающих (статьи 140–143 УК) обстоятельств, указанных в законе.

В ряде статей Особенной части УК сформулированы многообъектные, в том числе и составные,

преступления, которые охватывают собой убийство и не требуют дополнительной квалификации по статье 139 УК: часть 2 статьи 124 УК; статья 126 УК; статья 127 УК; статья 128 УК; часть 3 статьи 135 УК; часть 3 статьи 289 УК; часть 3 статьи 357 УК; часть 2 статьи 359 УК; часть 2 статьи 360 УК; статья 362 УК.

Почти во всех национальных юрисдикциях убийство считается наименее латентным преступлением. Как отмечается многими исследователями, именно это обстоятельство позволяет рассматривать умышленные убийства в качестве «важнейших индикаторов криминальной ситуации на конкретной территории, а динамика их показателей позволяет судить о состоянии преступности в целом» [6, р. 260]. Следует заметить при этом, что существует т.н. «проблема скрытых тел», в результате чего некоторое количество убийств (по различным оценкам, их число не превышает 15–20% от общего количества фиксируемых убийств) не попадает в официальную статистику. Как полагает Я.И. Гилинский, для понимания того, насколько объективна официальная статистика убийств, следует анализировать и сопоставлять ряд альтернативных источников, например, данные Министерства здравоохранения о т.н. внешних причинах смерти [6, р. 280].

Особое значение при этом сравнительном анализе могут иметь данные о случаях смерти, вызванных «повреждениями с неопределенными намерениями», т.е. когда «доступной информации недостаточно, чтобы медицинские и юридические эксперты могли сделать вывод о том, является ли данный инцидент несчастным случаем, самоповреждением или насилием с целью убийства или нанесения повреждений» [7, с. 90]. Согласно некоторым исследованиям, данные о смертности, вызванной повреждениями с «неопределенными намерениями», часто могут отражать латентные убийства [8].

Выявлению латентности убийств может способствовать также исследование и учет определенных криминологических закономерностей. Одна из таких закономерностей находит отражение в соотношении убийств и причинения тяжких телесных повреждений. Как показывает анализ официальной статистики, соотношение этих преступлений на протяжении ряда лет в Республике Беларусь выражается, примерно, как 1:2 – 1:2,5 [9, с. 847]. Существенное нарушение данной пропорции может свидетельствовать о проявлении искусственной латентности.

Латентность убийств может быть также исследована посредством анализа и сопоставления сведений о розыске граждан (без вести пропавших, установленных и необнаруженных). Если учесть, что в течение года в органы внутренних дел поступает 8–9 тысяч сообщений об исчезновении людей, а проведенные исследования показывают, что в среднем около 6–8% случаев безвестного исчезновения рассматриваются как криминальные, указанная проблема заслуживает внимания [10].

Данные за определенный период, свидетельствующие о росте числа лиц, пропавших без вести, находившихся в розыске, разысканных и неразысканных, и, одновременно, о снижении числа зарегистрированных убийств, могут косвенно свидетельствовать о несколько большем, нежели официально зарегистрировано, количестве совершенных убийств.

Осложняют оценку реального состояния преступности, включая умышленные убийства, особенности статистического учета. При анализе официальных статистических данных, предоставляемых МВД Республики Беларусь, определить реальное число насильственных убийств невозможно по следующим причинам. Во-первых, МВД публикует только агрегированные данные, объединяя в один показатель как убийства (ст. 139 УК), так и покушения на убийства. Во-вторых, официальные статистические данные о состоянии преступности, публикуемые Информационно-аналитическим управлением МВД Республики Беларусь, в разделе «Сведения о преступлениях, предварительное расследование по которым окончено», содержат графу «Убийства», отражающую число зарегистрированных преступлений, но не число реальных убийств, поскольку убийство двух и более лиц в статистике проходит как одно уголовное дело. В третьих, в официальную статистику убийств не попадают случаи причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшие смерть. В ведомственной статистике такие преступления, которые фактически привели к смерти потерпевшего из-за намеренных насильственных действий преступника, будут квалифицированы по другой статье – как «умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего» (ч. 3 ст. 147 УК), либо как «изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей» (ч. 3, ст. 166 УК), и, соответственно, не попадут в итоговую статистику убийств. По мнению некоторых исследователей, квалификация убийств как

Таблица 1 – Динамика регистрации убийств (с покушениями на убийство) в Республике Беларусь (2000–2023 гг.) [Рассчитано по данным источников: 11; 13; 14].

Годы	2000	2005	2010	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Количество убийств (с покушениями)	1197	1032	486	423	311	307	312	297	250	224
Коэффициент убийств на 100 тыс. человек населения	12	10,5	5	4,5	3,5	3,5	3,5	3,0	2,5	2,5

Таблица 2 – Зарегистрировано убийств (с покушениями на убийство) по областям и г. Минску (2000–2023 гг.) [11; 13; 14]

	2000	2005	2010	2015	2018	2020	2021	2022	2023
Брестская область	121	132	68	57	42	25	37	23	27
Витебская область	209	185	79	60	44	43	43	37	34
Гомельская область	216	167	71	61	72	60	56	42	30
Гродненская область	106	102	48	51	23	41	35	26	31
Минская область	222	176	95	73	56	58	48	50	33
Могилевская область	159	153	63	57	39	45	37	37	29
г. Минск	158	117	60	64	35	40	41	35	40

умышленных тяжких телесных повреждений, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего, и наоборот, «позволяет манипулировать статистическими данными и по каким-то причинам, в одни временные периоды показывать увеличение количества убийств, а во вторые – их уменьшение» [11, с. 48].

Все вышеназванное создает очевидные сложности при проведении анализа объема и уровня убийств и очевидно требует осуществления ряда мер организационного характера, как это неоднократно отмечалось в научных публикациях [12, с. 97–105].

Динамике убийств в Беларуси присущи следующие черты.

До середины нулевых годов, в течение всех последних десятилетий и особенно в 1990-е годы, число регистрируемых убийств так же, как и всех тяжких и особо тяжких насильственных преступлений, постоянно росло.

С 1960 по 1990 г. число убийств и покушений на убийство увеличилось почти в 2 раза (с 341 до 612). Постепенный рост числа убийств шел и в последующие годы и только с начала нулевых годов наметилась устойчивая тенденция к их снижению. Так, если в 1998 году было зафиксировано 1228 убийств, и это был пик регистрации этого вида насильственной преступности за все годы наблюдений, то в последующие годы происходит, сначала постепенное, а затем и достаточно резкое, снижение регистрации убийств – с 1023 в 2005 году до 224 – в 2023 (таблица 1).

Преступность в целом как социо-правовое явление (так же, как и отдельные виды преступлений) детерминирована сложным сочетанием социальных процессов, обладающих к тому же территориальной (региональной) спецификой.

Проанализируем особенности динамики убийств и некоторых факторов их детерминации с учетом региональных особенностей, исходя,

Таблица 3 – Соотношение показателей территории, плотности населения и объема и уровня убийств по областям Республики Беларусь по состоянию на 2023 год [Подсчитано по данным источников: 13, с. 28, 142; 14]

	Территория (в тыс. кв. км)	Плотность населения (число жителей на 1 кв. км)	Уровень (коэффициент) убийств (на 100 тыс. жителей)
Брестская область	32,8	40,1	1,7
Витебская область	40,1	27,3	3,4
Гомельская область	40,4	33,4	3,1
Гродненская область	25,1	39,7	2,6
Минская область	39,8	36,7	3,4
Могилевская область	29,1	34,0	3,7
г. Минск	0,3	5.637	1,7

при этом из того, что территориальные особенности преступности и детерминанты, их определяющие, являются лишь частью общего криминального комплекса и их следует рассматривать в качестве особенностей проявления на региональном уровне системных характеристик преступности в целом.

Наибольшее число убийств по годам – Минская область (исключение: 2005 г. – Витебская обл.; 2018, 2020, 2021 гг. – Гомельская обл.; 2022 год – Минская область; 2023 год – г. Минск).

Приведенные данные свидетельствуют, с одной стороны, о связи динамики регистрируемых убийств в рассматриваемых регионах с общереспубликанской, с другой – о сохранении в целом региональной разницы в числе убийств на протяжении многих лет. Последнее можно рассматривать, видимо, как показатель «нормальности», т.е. не случайности различия этих показателей (таблица 2).

Рассмотрим далее, основываясь на данных статистики, отдельные региональные особенности, которые можно оценивать в качестве детерминант, определяющих указанные территориальные различия в регистрации убийств.

Территория и плотность населения областей.

Анализ данных в таблице 3 приводит к выводу о том, что, чем выше плотность населения в регионе, тем ниже число убийств. Примерами этому могут служить Брестская и Гродненская области, где самая высокая плотность населения среди областей и где самое низкое число убийств в республике, и, с другой стороны, Могилевская, Витебская, Гомельская области, где более низкая плотность населения среди областей и где уровень убийств в течение многих лет был одним из самых высоких в республике.

Данный феномен объясняется в криминологической литературе «большим сосредоточением сил и средств правоохранительных органов в регионах, имеющих большую плотность населения, например, в г. Минске, где охрану общественного порядка осуществляют не только значительные милицейские силы, но и внутренние войска, другие силы, в то время как в регионах с малой плотностью населения такая концентрация сил и средств органов, осуществляющих охрану общественного порядка, отсутствует» [11, с. 55].

О влиянии территории на объем и уровень убийств в регионах может свидетельствовать пример с Гродненской областью, в которой фиксируется один из самых высоких показателей плотности населения и один из самых низких уровней убийств, но территория которой в полтора и более раз меньше территории Гомельской и Витебской областей, где, напротив, низкая плотность населения в республике и высокий уровень убийств.

Исключением из указанных закономерностей является Минская область, которая по территории (39,8 тыс. кв.) и плотности населения (36,7 человек на кв. км) находится в середине регионов республики, но в которой в исследуемые годы зарегистрирован самый высокий объем убийств среди областей, в то время как в больших по территории и меньших по плотности населения Витебской области (территория 40,1 тыс. кв. км, плотность 27,3 человека на кв. км) и Гомельской области (территория 40,4 тыс. кв. км, плотность населения 37,4 человек на кв. км) совершалось убийств меньше. Объясняется это авторами вышеуказанного исследования тем, что «Минская область является столичной областью, где нередко совершаются убийства жителей г. Минска (в прилежащих

Таблица 4 – Данные о потреблении алкоголя по регионам (на основе опроса)

	Число не пьющих на протяжении жизни, %	Среднее число случаев употребления алкоголя среди пьющих (за последние 30 дней)	Среднее количество стандартных доз, выпитых за один случай употребления алкоголя, среди пьющих (за последние 30 дней)	Коэффициент убийств (на 100 тыс. жителей)
Беларусь	6,3	3,4	4,3	2,5
Брестская область	10,2	2,6	5,2	1,75
Витебская область	1,3	3,2	5,2	3,4
Гомельская область	4,5	2,8	5,5	3,1
Гродненская область	4,4	2,9	4	2,6
Минская область	8,7	3,9	3,7	3,4
Могилевская область	9,9	4,1	3,4	3,7
г. Минск	5,4	4,2	3,1	1,7

к городу лесных массивах, куда совершаются выезды жителей г. Минска на отдых, в иных местах отдыха, на дачах и т.п.) и куда зачастую вывозятся трупы жертв после их убийства в г. Минске. По статистике такие убийства будут показаны зарегистрированными по месту обнаружения трупов, то есть как совершенные в Минской области, даже если потерпевшими и преступниками будут жители г. Минска» [11, с. 56].

По данным МВД, в 2022 году в республике на учете в связи с совершением домашнего насилия состояло около 18 тысяч человек; за 2021 год в стране применили почти 17 тысяч защитных предписаний [15]. В определенном смысле эти цифры – показатель потенции совершения насильственных преступлений, включая убийства. Как показывает анализ уголовных дел, в Республике Беларусь большая часть умышленных убийств совершается в семейно-бытовой сфере лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. 8 из 10 убийств и умышленных тяжких телесных повреждений – ситуационные преступления на бытовой почве. Основные их мотивы – месть, ревность, личный конфликт, поводом которых зачастую выступают неприязненные отношения под влиянием употребления алкогольных напитков.

Анализ уголовных материалов позволяет сделать вывод о том, что периодические всплески убийств соответствуют основным государственным праздникам и соответствующим выходным дням. Базовый сценарий убийства: более 80% всех убийств происходит в домашних условиях, в процессе употребления алкоголя, жертва и преступник либо находятся в родственных отноше-

ниях, либо знакомы. Таким образом, праздник, по сути, оказывается той средой, где с большой частотой воспроизводится ситуация, которая с высокой вероятностью может завершиться убийством.

В состоянии алкогольного опьянения совершается в стране порядка 90% убийств. Не в последнюю очередь это связано с объемом потребления спиртных напитков в Республике Беларусь. Общий объем годового потребления алкоголя устойчиво составляет в последние годы порядка 12 литров в абсолютном алкоголе на душу населения в возрасте 15 лет и старше (2022 год – 11,8 литра) [13, с. 241]. Диагноз «синдром зависимости от алкоголя» выставлен примерно у 145 тысяч белорусов, находящихся под диспансерным наблюдением [16].

Именно поэтому весьма важна для анализа причинности убийств и их территориальных различий сравнительная характеристика потребления алкоголя.

В опубликованном в 2021 году отчете по результатам «Второго общенационального исследования» распространенности основных факторов риска неинфекционных заболеваний содержится сравнительный анализ потребления алкоголя по областям и городу Минску [17] (таблица 4):

Приведенные данные (с учетом того, что они получены в результате опросов) позволяют все же проследить наличие определенной корреляции показателей потребления алкоголя и коэффициентом убийств, прежде всего, в Брестской, Витебской, Могилевской, Минской областях. Чем выше, в частности, показатель среднего числа случаев употребления алкоголя, тем выше коэф-

фициент убийств. Исключение – г. Минск, где зафиксирован самый высокий показатель среднего числа случаев употребления алкоголя при низком, относительно, уровне убийств, но зато здесь отмечен и самый низкий показатель количества стандартных доз, выпиваемых за один случай потребления алкоголя, что можно оценить, как результат более высокого уровня культуры потребления алкоголя.

Криминологический анализ уголовных материалов показывает, что при сокращении регистрируемых убийств происходит: увеличение доли преступлений, совершаемых в маргинальной среде (до 60% всех убийств); снижение порога мотивации и увеличение числа «неадекватных» преступлений; сохранение высокого уровня рецидива преступлений насильственной направленности: доля рецидивных преступлений в совершении убийств составляет почти 30%.

Заключение. Предупреждение совершения убийства, по сути, – решение двуединой задачи – спасение жизни потенциальной жертвы и предотвращение уголовного наказания для потенциального убийцы.

Основные направления осуществления профилактики убийств с точки зрения ее организационных начал и принципов деятельности компетентных органов государства могут быть определены следующим образом:

- усиленный социальный контроль за криминогенными лицами, склонными, в силу особенностей их личности и условий образа жизни, совершить убийство;
- особый порядок надзора за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, склонными к рецидивному насилию, т.н. постпенитенциарная профилактика убийств;
- комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на предотвращение подготавливаемых убийств и их пресечение;
- розыск лиц, совершивших убийство, их задержание, изобличение в процессе расследования, обеспечение неотвратимости наказания;
- виктимологическая профилактика убийств.

Существует необходимость в совершенствовании информационного обеспечения розыска лиц, пропавших без вести. Можно согласиться, например, с предложениями об усилении контроля за «своевременностью постановки на централизованный учет в Межгосударственный информационный банк дактилоскопических карт неопознанных трупов; ...создать информационно-анализирующую систему по розыску лиц, пропавших без вести; рас-

ширять функции имеющихся поисковых систем и информационных ресурсов анализом идентификационных признаков разыскиваемых лиц и неопознанных трупов» [18, с. 257].

Основными детерминирующими факторами, определяющими предупреждение подобных преступлений, могут явиться, прежде всего, позитивные изменения ситуации на микроуровне (семья, референтные группы), в качестве и образе жизни, повышение культуры населения, включая правовую культуру, изживание поведенческих стереотипов негативной и девиантной направленности.

Представляется необходимым при разработке и реализации мер по предупреждению убийств особое внимание уделять вопросам качественного и своевременного разрешения заявлений по фактам семейно-бытового насилия (супруги, дети–родители, родственники, соседи).

Результаты исследования свидетельствуют об актуальности разрешения проблемы алкоголизации населения, а в данном случае о снижении уровня бытового пьянства; об усилении профилактических работ с лицами, ранее судимыми и лицами, склонными к девиантному поведению; о необходимости разработки и внедрения виктимологической профилактики.

Литература

1. UNODC's Global Study on Homicide Report 2023 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.drishtiias.com/daily-updates/daily-news-analysis/unodc-global-study-on-homicide-report-2023>. – Data of access: 31.01.2024.
2. Количество умышленных убийств в странах мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svspb.net/danmark/umyshlennye-ubijstva.php>; Mortality rate due to homicide (per 100 000 population) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://data.who.int/ru/indicators/i/361734E>. – Data of access: 01.01.2024.
3. International Classification of Crime for Statistical Purposes (ICCS): version 1.0. – Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2015. – 131 p. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/crime/ICCS/ICCS_English_2016_web.pdf. – Data of access: 01.01.2024.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 02 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
5. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 17 дек. 2002 г. № 9 (с изм. и доп.). – Режим доступа: https://court.gov.by/special/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/vsmen/a4aa0f48c2394187.html. – Дата доступа: 28.01.2024.
6. Gilinskiy, Y. Crime in Contemporary Russia / Y. Gilinskiy // European Journal of Criminology. – 2006. – Vol. 3, № 3. – P. 259–292.

-
7. Васин, С. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями в России и в других странах / С. Васин // Демографическое обозрение. – 2015, Т. 2, № 1. – С. 89–122.
8. Pridemore, W.A. (2003). Measuring homicide in Russia: a comparison of estimates from the crime and vital statistics reporting systems / W.A. Pridemore // Social Science & Medicine. 57(8): 1343–1354 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12927465/>. – Data of access: 11.01.2024; Семенова, В.Г. Оценки реальных уровней насильственной смертности в России / В.Г. Семенова [и др.] // Общественное здоровье и профилактика заболеваний. – 2005. – № 3. – С. 14–23.
9. Стаценко, В.Г. Преступность как системное явление / В.Г. Стаценко // Государство и право в XXI веке: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию юрид. фак-та Белорус. гос. ун-та, Минск, 26–27 нояб. 2020 г. / БГУ, Юрид. фак.; редкол.: Т.Н. Михалёва (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2021. – С. 843–847. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/36259>.
10. Скосарев, В.В. Организация розыска без вести пропавших лиц, исчезнувших при криминальных обстоятельствах: метод. пособие / В.В. Скосарев [и др.]. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. – 48 с.
11. Криминологическая характеристика умышленных убийств, совершенных в Республике Беларусь в 1999–2008 гг. / Прокуратура Респ. Беларусь; Отд. ситуац.-аналит. обеспечения. – Минск, 2009. – 149 с.
12. Стаценко, В.Г. О некоторых проблемных вопросах криминологического анализа уголовно-правовой статистики / В.Г. Стаценко // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прокуратуры Респ. Беларусь»; редкол.: И.А. Мороз (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2023. – Вып. 16. – С. 97–105.
13. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2023 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_78550/. – Дата доступа: 19.01.2024.
14. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Search?code=1063066>. – Дата доступа: 31.03.2024.
15. Семья под защитой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/semya-pod-zashchitoj.html>. – Дата доступа: 25.01.2024.
16. РНПЦ психического здоровья: около 145 тысяч белорусов зависимы от алкоголя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sputnik.by/20231123/okolo-145-tysyach-belorusov-zavisimy-ot-alkogolya--rnpts-psikhicheskogo-zdorovya-1081372076.html>. – Дата доступа: 12.01.2024.
17. Steps 2020. Распространенность факторов риска неинфекционных заболеваний по регионам Республики Беларусь, 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dtegg.by/wp-content/uploads/2022/03/Прил._3_Сравнение-Регионов-РБ.pdf. – Дата доступа: 16.01.2024.
18. Кайбелев, П.А. Перспективные направления совершенствования деятельности оперативных подразделений по розыску лиц, пропавших без вести, в Республике Беларусь / П.А. Кайбелев // Вестн. Восточ.-Сиб. ин-та МВД России. – 2019. – № 3(90) – С. 250–258.
-
- Поступила в редакцию 08.02.2024*

Историко-правовой анализ становления законодательства о противодействии незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на территории Республики Беларусь

Гуминский М.Н.

Витебский филиал УО ФПБ «Международный университет "МИТСО"»

Изучение основных этапов развития законодательства о противодействии незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на территории Республики Беларусь является ключевым аспектом в понимании построения концепции антинаркотической политики нашей страны в ее динамике, совершенствования данной политики; отражает эволюцию подходов в решении глобальной проблемы наркопотребления и совершения преступлений (правонарушений) в сфере оборота наркотиков.

Цель научной работы – исследование основных тенденций развития антинаркотического законодательства, начиная с Российской империи и по настоящее время.

Материал и методы. Материалом для данной публикации стали нормативные правовые акты в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, акты правового характера, как концептуального, так и программного свойства. В процессе работы использовались общенаучные методы, метод историко-правового анализа, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Автором исследованы основные этапы развития законодательства о противодействии незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на территории Республики Беларусь. Кроме того, сформулированы выводы об основных тенденциях развития законодательства, начиная с Российской империи и по настоящее время.

Заключение. Формирование законодательства в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков и построение системы уполномоченных государственных органов, начиная с периода Российской империи, прошло несколько самостоятельных этапов, характеризующихся присущей им спецификой.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств, законодательство, развитие, становление, противодействие, государственные органы.

Historical and Legal Analysis of the Formation of Legislation on Countering Illicit Trafficking in Drugs and Psychotropic Substances in the the Republic of Belarus

Huminski M.N.

Vitebsk Branch of the Education Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus
"International University MITSO"

The study of the main stages of development of legislation on combating the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances on the territory of the Republic of Belarus is a key aspect in understanding the construction of the concept of the anti-drug policy of our country in its dynamics, improving this policy; it reflects the evolution of approaches to solving the global problem of drug abuse and the commission of crimes (offenses) in the field of drug trafficking.

The purpose of the scientific work is study of the main trends in the development of anti-drug legislation, starting from the Russian Empire up to the present.

Material and methods. The material for this study was regulatory legal acts in the field of combating drug trafficking, acts of legal nature, both conceptual and programmatic. During the research process, general scientific research methods, the method of historical and legal analysis, and the formal legal method were used.

Findings and their discussion. The author examined the main stages of development of legislation on combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances on the territory of the Republic of Belarus. In addition, conclusions are formulated about the main trends in the development of legislation, starting from the Russian Empire to the present.

Conclusion. Shaping the legislation on combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances as well as building the system of responsible state bodies starting from the period of the Russian Empire passed through several specific stages.

Key words: illegal drug trafficking, legislation, development, formation, counteraction, government agencies.

Политика государства в сфере наркооборота представляет собой целенаправленную, специально организованную деятельность всех субъектов профилактики и гражданского общества, которая призвана удерживать под контролем складывающуюся наркоситуацию, предупредить ее осложнение, вывести на новый качественный уровень борьбу с наркопотреблением и совершением наркопреступлений как с абсолютно негативными социальными явлениями.

В текущий период развития общества и государства в целях дальнейшего усовершенствования антинаркотической политики страны представляется очень актуальным в исторической ретроспективе проследить становление и развитие института противодействия незаконному обороту наркотиков на территории нашей страны с периода Российской империи.

История зарождения законодательства Республики Беларусь в области противодействия незаконному обороту наркотиков берет свое начало с первой половины XX века. Ранее, в период нахождения государства в составе Российской империи такого рода проблема остро не стояла перед государственными органами. Как отмечает С.А. Николаев, специально уполномоченными органами в системе внутренних дел Российской империи являлись Департамент государственной полиции Министерства внутренних дел Российской империи (образован в 1880 году) и Медицинский совет Министерства внутренних дел Российской империи (создан в 1803 году). Данные структуры являлись органами общей компетенции, поскольку еще не существовало специализированных подразделений, деятельность которых направлена на борьбу с незаконным оборотом наркотиков [1, с. 142]. Взаимодействие медицинских и правоохранительных учреждений в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств в рассматриваемый период происходило вплоть до 1917 года.

Необходимо отметить, что, несмотря на достаточно большое количество научных трудов, не осуществлена попытка периодизации процесса становления института противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, начиная с периода, когда территория современной Республики Беларусь входила в состав Российской империи.

Цель научной работы – исследование исторических, в том числе архивных документов, начиная с периода Российской империи, посредством которых можно проследить эволюцию и станов-

ление института противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Также автором делается акцент на выделении этапов становления и формирования государственных органов, которые были уполномочены осуществлять борьбу с незаконным оборотом наркотиков.

Материал и методы. Материалом для данной публикации стали нормативные правовые акты в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, акты правового характера, как концептуального, так и программного свойства. В процессе работы использовались общенаучные методы, метод историко-правового анализа, формально-юридический метод.

Результаты и их обсуждение. В начале 20-х годов XX века меры по противодействию незаконному обороту наркотических средств были направлены на борьбу со спекуляцией кокаина. Данный вид наркотического средства был самым распространенным и имел свое происхождение еще с времен Первой мировой войны, где кокаин использовали для лечения раненых военных. В дальнейшем его использование имело коммерческие цели. Одним из первых исторических документов в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств являлось Предписание Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) от 31 июля 1918 г. № 7206-7212 «О борьбе со спекуляцией кокаином», где спекуляция кокаином была признана одним из самых общественно вредных действий, за которые устанавливались жесткие меры юридической ответственности [2].

В Предписании СНК было поручено в срочном порядке начать работу по разработке нормативной правовой базы в области борьбы со спекуляцией кокаина. В целях исполнения Предписания было принято Постановление СНК от 28 февраля 1918 г. «О борьбе со спекуляцией кокаина». Отметим, что данный документ носил довольно «жесткий» характер, предусматривающий, в частности, конфискацию всего имущества у виновного лица, а также его подсудность для вынесения приговора революционным трибуналом. Революционные трибуналы советского времени (1917–1922 гг.) были созданы в рамках принятия Декрета о суде № 1 и представляли собой чрезвычайные судебные органы [3].

Административно-правовое регулирование 1917–1922 гг. в большей степени было направлено на регламентацию государственного контроля за законным (в медицинских целях) оборотом наркотических средств. В частности, в декабре

1918 года был принят Декрет СНК о национализации аптек, реализующих наркотикосодержащие лекарства.

Анализ нормативных правовых актов раннего советского периода позволяет сделать вывод об отсутствии четкого разграничения между административным правонарушением и преступлением за незаконный оборот наркотических средств. Речь идет о применении, как правило, норм уголовной ответственности за совершение такого рода противоправных деяний (без разграничения на общественно вредные и общественно опасные). Так, в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года содержалась статья 215, предусматривающая ответственность за приготовление ядовитых и сильнодействующих веществ лицами, не имеющими такого права [4].

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года (далее – УК РСФСР 1926 года) были криминализованы действия, связанные с изготовлением и хранением с целью сбыта и сам сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения [5]. Однако криминализация таких деяний не повлекла должного эффекта, что связано, на наш взгляд, с весьма слабой мерой наказания за совершенные деяния. Так, в соответствии со ст. 104 УК РСФСР 1926 года лицо привлекалось к лишению свободы или исправительно-трудовым работам на срок до одного года с конфискацией части имущества или без таковой [5]. Редакция УК РСФСР 1950 года оставила содержание ст. 104 в прежней редакции.

Нормы об уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств были установлены и в Уголовном кодексе БССР 1928 года. В частности, в ст. 151 введена уголовная ответственность за «изготовление, хранение или покупку с целью сбыта или сбыт без надлежащего разрешения кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ».

Административное регулирование было направлено также и на отношения экономического характера в области оборота наркотических средств. Так, было принято постановление ВЦИК и СНК СССР от 23 мая 1928 г. «О мерах регулирования торговли наркотическими веществами» [6]. Данный правовой акт вводил запрет на свободное обращение на территории СССР кокаина, его солей, гашиша, опия, морфия, героина, дионина и их солей и пантопона.

Важным этапом развития белорусского советского законодательства в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств стал

факт присоединения СССР в 1936 году к Международной конвенции о наркотических средствах 1925 года, в нормах которой определялись правила оборота наркотических средств в зависимости от цели (медицинской, научной и т.д.). Так, с целью приведения в соответствие норм советского законодательства вышеупомянутой Конвенции в 1935 году были внесены изменения и дополнения в УК БССР 1928 года в части введения нового состава преступления за посевы опиумного мака и индийской конопли без специального разрешения. Вместе с тем отметим, что в целом ситуация того периода не находилась в «критическом состоянии», что обусловлено достаточно низким уровнем преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, и не требовала разработки большого блока законодательства в данной области. Доказательством этому является факт создания специального органа в сфере борьбы с наркопреступностью только в начале 80-х гг. XX века. Так, 7 июля 1973 года был впервые создан Отдел по борьбе с наркоманией в составе Управления уголовного розыска МВД СССР [7].

Развитие норм юридической ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств в БССР нашло свое отражение в УК БССР 1960 года, в текст которого были включены ст. 219 «Изготовление или сбыт ядовитых или наркотических веществ» и ст. 220 «Посев опийного мака или индийской конопли без разрешения» [8]. Значимым итогом данного Уголовного кодекса является расширение перечня альтернативных действий, которые включаются в понятие незаконного оборота.

13 января 1964 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета БССР «О ратификации Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года». Значение данного Указа в области становления и развития института противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ состоит в начале организации комплексной работы, направленной не только на установление норм уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств (как за правонарушения, так и за преступления без разграничения), а также на выявление, профилактику и предупреждение таких деяний. Отметим свою приверженность подходу Э.Г. Гасанова, который называет Конвенцию первым международным правовым фундаментом в сфере системной работы по противодействию незаконному обороту наркотических средств

[9, с. 60]. Начало 1964 года следует назвать отправной точкой в истории зарождения административного законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств.

Ситуация с низким уровнем преступности в период СССР существовала не на протяжении всего времени. Так, в период перестройки, с 1984 по 1990 год численность лиц, употребляющих наркотические средства, увеличилась в два раза – с 35 254 до 67 622 человек. В данный исторический период идет активная работа по созданию институциональных структур государственного аппарата в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств. Так, в 1989 году произошла реорганизация Отдела по борьбе с наркотиками в 3-е Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и преступлений, связанных с иностранными гражданами ГУУР МВД СССР. При этом специализация двух отделов из предусмотренных трех была основана на проблеме незаконного оборота наркотических средств [7]. При этом количество занятых в данном Управлении составило 12 человек, что значительно превышает численность сотрудников за предыдущие годы. Усиление роли и значимости осуществления мер, направленных на противодействие незаконному обороту наркотиков, а также необходимость реформирования структуры МВД СССР главным образом обусловлена развитием «наркобизнеса» в частности, как на территории СССР, так и в целом на международном рынке.

Итогом развития административного законодательства на территории БССР стало принятие 6 декабря 1984 года первого Кодекса БССР об административных правонарушениях [10]. В ст. 44 была установлена административная ответственность за потребление наркотических средств без назначения врача; в ст. 162 – административная ответственность для родителей за употребление несовершеннолетними детьми наркотических средств без назначения врача [10]. Следовательно, нормы об административной ответственности за незаконный оборот наркотических средств не были предусмотрены в рамках административного законодательства, а по-прежнему были урегулированы в рамках уголовного закона, что свидетельствует о «жестком» подходе белорусского советского законодателя относительно привлечения к ответственности лиц, виновных за такие деяния.

В 1990 году создается Управление по борьбе с распространением наркомании ГУУР МВД

СССР. В его структуру входили два центральных и семь межрегиональных отделов по борьбе с наркобизнесом, подчиненных непосредственно МВД СССР. Как отмечает А.В. Морозов, «в 1990 г. в МВД СССР была создана определенная система борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков, организационно и структурно функционально адекватная внутриведомственному, межведомственному и международному направлениям работы. В целом задача борьбы с НОН по-прежнему возлагалась на подразделения уголовного розыска» [11, с. 500]. Отметим свою приверженность позиции А.В. Морозова в части того, что, несмотря на достаточную «внутриорганизационную специализацию», такого рода отделы и управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в целом не носили самостоятельного характера. Вместе с тем подчеркнем, что в 1990 году, на наш взгляд, в СССР произошла переоценка функций и роли специально создаваемых структурных подразделений. Это обусловливается даже новым наименованием Управления, где на смену «борьбы с незаконным оборотом» приходит Управление по борьбе с «распространением наркомании». Данный факт может лечь в основу формирования научной позиции относительно того, что начиная с 1990 года ситуация на территории СССР с наркотиками «набирала обороты», расширялась, приобретала новые формы и уже не сводилась к сугубо к противодействию самого факта незаконного оборота, а негативно влияла на социальную, культурную, экономическую и иные сферы общественной жизни.

Одним из первых международных актов на уровне СНГ стало заключение Соглашения о взаимодействии министерств внутренних дел независимых государств в сфере борьбы с преступностью 1992 года (далее – Соглашение 1992 года). В ст. 1 данного Соглашения в качестве одного из направлений сотрудничества в борьбе с преступностью определена «борьба с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ». В Соглашении определены формы сотрудничества сторон-участниц, порядок оформления запросов и просьб, порядок обеспечения конфиденциальности сведений, передаваемых между государствами и др.

История развития современного законодательства Республики Беларусь в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ после распада СССР начинается с первых указов Президента

Республики Беларусь, в рамках которых определялись основные направления работы и ответственные субъекты. Так, согласно п. 12 Указа Президента Республики Беларусь от 27 декабря 1994 г. № 274 «О неотложных мерах по борьбе с преступностью и стабилизации обстановки в Республике Беларусь» было поручено «Министерству внутренних дел совместно с Комитетом государственной безопасности, Государственным комитетом пограничных войск, Государственным таможенным комитетом, органами исполнительной власти с участием Прокуратуры осуществлять операции по выявлению и пресечению преступных формирований, коррупции, контрабанды, незаконного оборота наркотических средств» [12]. Данный Указ носил сугубо общий характер, где наравне с иными видами преступной деятельности выделялся незаконный оборот наркотических средств. Кроме этого, в рассматриваемый период понятие «психотропные вещества и их прекурсоры» не были известны белорусскому законодательству.

Следующим Указом Президента Республики Беларусь от 30 июня 1995 года была образована межведомственная комиссия по борьбе с преступностью и наркоманией при Совете Безопасности. Через год принимается первый программный целевой документ – Концепция государственной политики по контролю за наркотическими средствами и психотропными веществами и их злоупотреблением в Республике Беларусь. Принятие Концепции обусловлено необходимостью выполнения положений, закрепленных в международных соглашениях на уровне государств – участников СНГ, а также набирающей рост преступной ситуацией в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Кроме Концепции в 1996 году была принята также Государственная программа комплексных мер противодействию злоупотреблению наркотическими средствами и психотропными веществами и их незаконному обороту на 1997–2000 годы [13].

Следовательно, этап с 1994 по 2000 г. в Республике Беларусь стоит определить, как период установления программных документов и определения базовых направлений в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств. В изучаемый период происходит законодательная регламентация терминологии в рассматриваемой сфере, четкое следование положениям международных конвенций, а также соглашений, достигнутых на уровне СНГ.

Первым документом на уровне СНГ, который носит специальный «антинаркотический характер», явилось Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров от 30 ноября 2000 года. В качестве целей заключения данного Соглашения явились следующие: а) озабоченность государств глобальными масштабами распространения наркотических средств и психотропных веществ и их использование в немедицинских целях; б) осознание опасности употребления наркотических средств в немедицинских целях; в) признание выполнения действий по пресечению незаконного оборота наркотических средств в качестве коллективной обязанности государств-участников СНГ; г) обеспокоенность масштабами транзита наркотических средств и психотропных веществ.

Важным документом стала Концепция сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров от 7 октября 2002 года, в рамках которой были определены и усовершенствованы принципы и направления межгосударственного взаимодействия в области противодействия незаконному обороту наркотиков.

Следующим комплексным и профильно-целевым документом стало принятие Государственной программы комплексных мер противодействия злоупотреблению наркотическими веществами и их незаконному обороту на 2001–2005 годы [14]. В рассматриваемый период также принимается первый Закон Республики Беларусь от 22 мая 2002 года № 102-З «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах».

Важное и базовое значение имеет модельный Закон СНГ «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах» 2006 г. Роль Модельного закона носит рекомендательный, образцовый характер и служит основанием для дальнейшего сближения национальных правовых систем государств-участников СНГ в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Модельный Закон предусматривает три вида оборота наркотических средств и психотропных веществ: гражданский, законный и незаконный.

Следовательно, развитие интеграционного законодательства СНГ в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств

и психотропных веществ заняло достаточно большой период времени. Первоначально, противодействие незаконному обороту наркотических средств не выделялось на уровне соглашений в качестве специального вида деятельности, а носило общий характер в ряде направлений в борьбе с преступностью в целом. Вместе с тем с развитием общественных отношений, возможностей использования транзита, расширения возможностей изготовления и сбыта в немедицинских целях стали разрабатываться специальные соглашения «антинаркотического характера», а борьба с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ выделена в отдельное специфическое направление в борьбе с преступностью с определением перечня компетентных государственных органов государств – участников СНГ.

После 2005 года наркоситуация в Республике Беларусь ухудшается, что связано с незаконным ввозом и употреблением ряда синтетических наркотиков (героин, метадон). Основными причинами такой обстановки являлись географическое положение Республики Беларусь, интенсивное развитие транспортной инфраструктуры, а также прозрачность границ с Российской Федерацией. В 2008 году была принята новая Государственная программа комплексных мер противодействия наркомании, незаконному обороту наркотиков и связанным с ними правонарушениям в Республике Беларусь на 2009–2013 годы [15].

В рассматриваемый период также принят Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» от 17 июля 2008 г. № 427-З, нормами которого установлен запрет на распространение в СМИ, а также на интернет-ресурсах сведений, пропагандирующих потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических и других одурманивающих веществ, а также сведений о способах и методах разработки, изготовления, использования и местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Установление данного законодательного запрета в полной мере соответствовало направлениям борьбы в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, определенных в предыдущим государственных программах и концепциях.

К числу последних программных документов в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров относится Информационная стра-

тегия по профилактике наркопотребления и противодействию незаконному обороту наркотиков в Республике Беларусь на 2020–2025 годы, которая разработана в соответствии с пунктом 14 Комплексного плана мероприятий, направленных на принятие эффективных мер по противодействию незаконному обороту наркотиков, профилактике их потребления, в том числе среди детей и молодежи, социальной реабилитации лиц, больных наркоманией, на 2019–2020 годы, утвержденного заместителем Премьер-министра Республики Беларусь 21.03.2019. Отметим прогрессивность данной Стратегии, которая определяется даже в ее названии «информационная». Употребление данного термина в Стратегии с точностью обуславливает реалии современного развития государства, общественных отношений, информационных технологий, с помощью которых происходит распространение информации, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. В рамках Стратегии под незаконным оборотом наркотиков понимается осуществляемая в глобальных масштабах незаконная коммерческая деятельность, включающая в себя культивирование, изготовление, распространение и сбыт веществ, попадающих под действие запретительных законов о наркотиках.

В современный период на уровне законодательства Республики Беларусь принято достаточно большое количество нормативных правовых актов, целью которых является оказание противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. В рамках Основного закона государства – Конституции Республики Беларусь – определены главные конституционные ценности, которые поставлены под защиту государства. В частности, речь идет о здоровье населения, признании человека высшей ценностью для общества и государства и др.

Базовым нормативным правовым актом является Закон Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» 2012 года, в рамках которого раскрывается понятийно-категориальный аппарат в области незаконного оборота наркотиков, компетенция государственных органов и др.

Отдельный блок белорусского законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров составляют нормативные правовые акты Министерства здравоохранения Республики Беларусь. Одним из первых таких

актов было принято постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28 мая 2003 г. № 26 «Об установлении республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь». В 2014 году в данное постановление были внесены изменения и дополнения в части дополнения списка 1 особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, не используемых в медицинских целях, а также дополнения таблицы 1 «Химические вещества и их соли, из которых образуются наркотические средства или психотропные вещества в процессе их изготовления или производства» списка 4 прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ».

В настоящий момент действует постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 11 февраля 2015 г. № 19 «Об установлении республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь». Данное постановление принято на основании части первой пункта 15 Декрета Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» и подпункта 9.1 пункта 9 Положения о Министерстве здравоохранения Республики Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 октября 2011 г. № 1446 «О некоторых вопросах Министерства здравоохранения и мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 360».

Важным этапом стало принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» (далее – Декрет № 6). Целью принятия данного Декрета явилось следующее: а) защита жизни и здоровья граждан; б) создание условий для безопасного развития детей и молодежи; в) пресечение распространения наркомании; г) обеспечение безопасности общества и государства.

Среди нововведений Декрета № 6 стоит отметить усиление мер уголовной ответственности по ряду составов преступлений, снижение возраста уголовной ответственности, наложение обязанностей на субъектов культурно-развлекательного сектора по принятию мер, направленных на противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, а также

ряд обязанностей для владельцев интернет-ресурсов в части содержащихся на данных ресурсах информационных материалов. Кроме этого, согласно нормам Декрета № 6 Министерство внутренних дел Республики Беларусь становится главным координатором среди государственных и правоохранительных органов в сфере оказания противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

В нормах Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях 2021 года (далее – КоАП Республики Беларусь) в ст. 17.1 установлена административная ответственность за незаконные посев и (или) выращивание растений либо грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Историко-правовой анализ Кодекса БССР 1984 года и КоАП Республики Беларусь 2021 года позволяет выделить тенденцию смягчения («гуманизации») мер юридической ответственности за незаконный оборот наркотических средств. В частности, современный законодатель в отличие от советского закрепляет основание для привлечения к административной ответственности за незаконный оборот наркотических средств (в частности, за культивирование (посев или выращивание)). В ранее рассматриваемый советский период любые из альтернативных действий, входящих в незаконный оборот наркотических средств, являлись уголовно наказуемыми.

Заключение. В результате проведенного исследования были сформулированы следующие выводы:

1. В период Российской империи противодействие в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств осуществлялось органами общей компетенции – Департаментом государственной полиции и Медицинским советом Министерства внутренних дел Российской империи. Отсутствие специального направления правоохранительной деятельности было обусловлено низким уровнем наркопреступности в рассматриваемый период.

2. В становлении и развитии советского законодательства в области противодействия незаконному обороту наркотических средств следует выделить следующие этапы:

2.1. 1917–1922 гг. – развитие советского законодательства в области противодействия незаконному обороту наркотических средств берет свое начало с установления жестких мер (привлечение к ответственности чрезвычайными судебными органами) за спекуляцию кокаином. Администра-

тивное регулирование в большей степени касается лишь установления государственного контроля за законным оборотом наркотических средств (в медицинских целях).

2.2. 1922–1960 гг. – данный период характеризуется отсутствием четкого разделения между административными правонарушениями и преступлениями за незаконный оборот наркотических средств. Происходит кодификация уголовного законодательства СССР и БССР, по мере развития которого все большее количество действий, входящих в незаконный оборот наркотических средств, подвергаются криминализации. Административное регулирование заключается в мерах государственного контроля сферы торговли и медицины в области оборота наркотических средств.

2.3. 1961–1991 гг. – влияние норм международного права на развитие советского законодательства, в результате чего расширяется перечень деяний, за которые наступает уголовная ответственность в области незаконного оборота наркотических средств. Данный этап характеризуется увеличением уровня наркопреступности, что влечет за собой создание специализированных подразделений в области противодействия незаконному обороту наркотических средств.

3. Правовой анализ документов в области противодействия незаконному обороту наркотических средств в современный период позволяет выделить следующие этапы развития законодательства:

3.1. 1992–2000 гг. – данный период характеризуется развитием интеграционного законодательства (на уровне СНГ), в правовых актах устанавливаются принципы и направления межведомственного и межгосударственного сотрудничества в области противодействия незаконному обороту наркотических средств. В Республике Беларусь принимается большое количество программно-целевых документов, в рамках которых регламентируются общие принципы и задачи государственной политики в области противодействия незаконному обороту наркотических средств, что свидетельствует о повышении значимости данной проблемы и о комплексном подходе к ее решению со стороны государства.

3.2. С 2001 г. по настоящее время в Республике Беларусь принимается большое количество нормативных правовых актов (декреты и указы Президента, законы Республики Беларусь, постановления Совета Министров и др.) в области противодействия незаконному обороту

наркотических средств. Происходит кодификация уголовного и административного законодательства, в результате чего установлены меры уголовной и административной ответственности за незаконный оборот наркотических средств. В результате проведенного анализа сформулирована идея о более гуманном характере современного законодательства в отличие от советского периода, что обусловлено установлением мер административной ответственности за отдельные действия в области незаконного оборота наркотических средств (культивирование – посев или выращивание).

Литература

1. Николаев, С.А. Роль и место специальных подразделений в борьбе с незаконным оборотом наркотиков: история и современность / С.А. Николаев // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч., Красноярск, 4–5 апр. 2019 г. / отв. ред.: Н.Н. Цуканов; Фед. гос. казенное обр. учр. высш. обр. «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т Мин-ва. внутр. дел Рос. Федерации, 2019. – Ч. 2. – С. 142–144.
2. О борьбе со спекуляцией кокаином (Предписание СНК РСФСР): офиц. текст // Госархив РФ (быв. ЦГАОР). Ф. 130. Оп. 2. Д. 66.
3. Декрет о суде // Декреты Советской власти. Т. I. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 124–126.
4. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1922 года // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
5. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года с изменениями на 1 июля 1950 года. – Москва: Гос. изд-во юрид. литературы, 1950. – 256 с.
6. О мерах регулирования торговли наркотическими средствами [Электронный ресурс]: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 23.05.1928 // КонсультантПлюс. – М., 2023.
7. Основные законодательные акты по советскому государственному строительству и праву: сборник / Высш. парт. шк. при ЦК КПСС, Каф. гос. права и совет. строительства; [сост.: А.П. Косицын, А.Л. Недавий, Т.А. Помыкаева; предисл. А.П. Косицына]. – Москва: Мысль, 1972. – Т. 2. – 484 с.
8. Об утверждении Уголовного кодекса Республики Беларусь (документ утратил силу) [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 29 дек. 1960 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2023.
9. Гасанов, Э.Г. Борьба с наркотической преступностью: междунар. и сравн.-прав. аспекты / Э.Г. Гасанов. – Москва: ЮрИнформ, 2000. – 207 с.
10. Кодекс Белорусской ССР об административных правонарушениях: Закон Белорус. ССР, 6 дек. 1984 г., № 4048-X // Собр. законов Белорус. ССР, указов Президиума Верхов. Совета Белорус. ССР, постановлений Совета Министров Белорус. ССР. – 1984. – № 35. – Ст. 505.
11. Морозов, А.В. Некоторые исторические аспекты становления антинаркотической полиции МВД России / А.В. Морозов // Российская полиция: три века служения Отечеству: Сб. ст. Юбилейной междунар. науч. конф.:

в 2-х ч., Москва, 21 дек. 2018 г. / под ред. В.Л. Кубышко. – Москва: Академия управления Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2019. – Ч. 1. – С. 498–506.

12. О неотложных мерах по борьбе с преступностью и стабилизации обстановки в Республике Беларусь (документ утратил силу) [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 27 дек. 1994 г., № 274 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

13. Об утверждении Государственной программы комплексных мер противодействия злоупотреблению наркотическими средствами и психотропными веществами и их незаконному обороту на 1997–2000 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 окт. 1996 г., № 660 (документ утратил силу) // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

14. Об утверждении Государственной программы комплексных мер противодействия злоупотреблению наркотическими веществами и их незаконному обороту на 2001–2005 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 янв. 2001 года № 25 (документ утратил силу) // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

15. Об утверждении Государственной программы комплексных мер противодействия наркомании, незаконному обороту наркотиков и связанным с ними правонарушениям в Республике Беларусь на 2009–2013 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 окт. 2008 г., № 1634 (документ утратил силу) // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Поступила в редакцию 16.02.2024

Социально-психологическое отчуждение личности как криминогенный фактор

Сухарев А.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Проблема отчуждения личности выступает как универсальная и многогранная категория, представляющая широкий диапазон социальных, социально-психологических процессов и состояний и пока еще носит описательный характер. Исследование особенностей отчуждения индивида от общения с другими людьми и морали, от трудовой деятельности и ее результатов, от социальных институтов и от самого себя позволяет не только установить причины, но и определить криминогенную значимость данного явления.

Цель статьи – определить криминогенную значимость процесса отчуждения личности с учетом новых научных данных и различных социальных и психолого-криминологических теорий, комплексно рассмотреть указанный процесс.

Материал и методы. Материалом исследования являются научные публикации, различные теории и подходы к проблеме отчуждения личности ведущих ученых, социальная и правоприменительная практика. В работе использовались общенаучные методы, а также сравнительный и контент-анализа.

Результаты и их обсуждение. В статье предпринята попытка уточнить и унифицировать факторы отчуждения личности. Отчуждение личности рассматривается как объективный социальный процесс в системе общественного труда, при неуспешной социализации в семейной сфере, как субъективный – при возникновении внутриличностных конфликтов, деформации личности при длительном пребывании в виртуальной среде, приобщении к криминальной среде. Формирующаяся отчужденность на основе социальной и психической депривации рассматривается как фактор криминогенной значимости.

Заключение. Исследование социальных и психологических факторов отчуждения личности способствует созданию эффективной системы профилактики процесса дистанцирования и обособления индивида от нормальной общественной среды как на ранней, так и зрелой стадии; приобщения его к криминальной среде.

Ключевые слова: отчуждение личности, отчуждение от труда, аномия, криминогенный фактор, внутриличностный конфликт, психические аномалии, тревожность, эмоциональное благополучие.

Social and Psychological Alienation of the Individual as a Criminogenic Factor

Sukharev A.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The problem of the alienation of the individual is a universal and multifaceted category which involves a wide range of social as well as social and psychological processes and states, and is still of descriptive character. The study of the features of the individual alienation from the communication with other people and moral, from labor activity and its results, from social institutions and from themselves makes it possible not only to establish reasons but also identify criminological significance of the phenomenon.

The purpose of the article is to identify criminogenic significance of the process of individual alienation taking into account new research data and various social as well as psychological and criminological theories, to consider the process in its complexity.

Material and methods. The research material was leading scholars' research publications, various theories and approaches to the problem of the alienation of the individual, social and law enforcement practice. General scientific, comparative and content analysis methods were used.

Findings and their discussion. An attempt is made to specify and unify factors of the individual's alienation. Alienation of the individual is considered as an objective social process in the system of public labor with unsuccessful socialization in the family sphere; it is also considered to be subjective when internal personality conflicts emerge, when personality is distorted due to long-term presence in virtual environment or joins criminal environment. The shaping alienation on the basis of social and psychic deprivation is considered as a factor of criminogenic significance.

Conclusion. The study of social and psychological factors of alienation of the individual provides the creation of efficient system of the prevention of the process of distancing and isolation of the personality from normal social environment both as the early and the mature stages, his joining criminal environment.

Key words: alienation of the individual, alienation from labor; anomy, criminogenic factor, internal personality conflict, psychic anomalies, anxiety, emotional well-being.

Исследование процесса отчуждения личности в условиях, происходящих в обществе социально-культурных трансформаций, динамичных изменений в сфере трудовой деятельности, приобретает

особую значимость и актуальность. На современном этапе отчуждение личности в значительной мере обусловлено ростом психического перенапряжения из-за высокого темпа жизнедеятельности,

всеобщей информатизации общества. В оценке отчуждения личности зачастую присутствуют противоположные мнения и ожидания. Наряду с признанием отчуждения как стихийного непроизвольного неприятия мира и основных базовых ценностей допускается его сознательный и намеренный характер, часто находящий реализацию в тяжких преступлениях против личности, экстремизме и терроризме. Если для большей части людей важна принадлежность к какой-либо социальной группе, то для других в такой же степени необходимо отчуждение.

Цель статьи – определить криминогенную значимость процесса отчуждения личности с учетом новых научных данных и различных социальных и психолого-криминологических теорий, комплексно рассмотреть указанный процесс.

Материал и методы. Материалом исследования выступают научные публикации, различные теории и подходы к проблеме отчуждения личности ведущих ученых, социальная и правоприменительная практика. В работе использовались общенаучные методы, а также сравнительный и контент-анализа.

Результаты и их обсуждение. В современном понимании «отчуждение» выступает как синтетическая категория, как фундаментальная тенденция нынешней эпохи, как выражение симптомов неблагополучия личности. В российской «Большой энциклопедии» «отчуждение» (в современной западной науке) определяется как состояние, при котором индивид своими действиями противоречит реализации личностной сущности; испытывает чувство отчужденности к своей деятельности и самому себе; восприятие себя одиноким, заброшенным во враждебном мире [1, с. 542].

В целом в научной литературе выделяют следующие теории и подходы к проблеме «социальное отчуждение»:

- теория общественного договора (К.А. Гельвеций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо);
- классическая немецкая философия;
- экзистенциализм;
- экономическая теория (К. Маркс);
- социально-экономическая теория (Г. Маркузе, Э. Фромм);
- социологические теории (Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, М. Вебер);
- психологические теории (А.Н. Леонтьев, Э. Мунье, В.А. Петровский, С.Л. Рубинштейн, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни);
- психолого-криминологические теории (Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов, Г.Г. Шиханцов) [2, с. 10].

Проблема отчуждения личности изучается в философии, социологии, психологии личности, социальной психологии, юридической психологии, криминологии.

Впервые проблема отчуждения рассматривалась в эпоху барокко в рамках теории «общественного договора». По мнению представителей данного подхода, социальные институты в обществе выполняют роль посредников между людьми. Однако в силу того, что эти институты являются выразителями интересов частных лиц, они начинают противоречить природе человека, становятся для него чуждыми.

К. Маркс определил четыре вида отчуждения: от процесса труда, продукта труда, от других людей и человеческого в себе. По его мнению, отчуждение характеризует определенные отношения между личностью и обществом, когда продукт труда индивида отчуждается от него и трансформируется в противостоящую силу. Э. Фромм, опираясь на идеи К. Маркса, разработал углубленную концепцию отчуждения человека не только как субъекта деятельности, но и как уже личности. Он считал отчуждение главным фактором капиталистического общества. По мнению Э. Фромма, отчуждение можно рассматривать как обобщающее выражение социальной психопатологии современной цивилизации.

Значительный интерес к различным аспектам отчуждения проявили экзистенциалисты А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс. М. Хайдеггер рассматривал категорию «отчуждение» в виде понятия «нигилизм», подразумевая утрату ценностных качеств бытия, опустошенность сознания. Также экзистенциальный психолог С. Мадди определил четыре формы отчуждения:

- нигилизм – уверенность в отсутствии смысла. На эмоциональном уровне нигилизм проявляется в желании замечать только негатив, в раздражении, цинизме;
- бессилие – потеря личной уверенности, отсутствие веры в возможность влиять на весомые жизненные ситуации;
- вегетативность – воплощение смысла жизни в удовлетворении физиологических потребностей;
- авантюризм – немотивированная агрессия, склонность к рискованному и виктимному поведению.

Представитель экзистенциальной психологии В. Франкл выделил три сферы жизни, дающих людям смыслы для жизни: творчество, ценности переживания, ценности отношений. Также он раскрыл особенности виктимного поведения в состоянии отчуждения.

В обобщающем смысле экзистенциалисты пришли к выводу о том, что технические новшества все больше подчиняют человека и приводят к техногенному отчуждению, в том числе, и от природы. Технический прогресс обусловил формирование технократического общества со сложной общественной структурой, чтобы управлять высокотехнологическим производством и механизмом материального потребления, возросшим до небывалых величин.

В настоящее время в научной литературе существует множество определений понятия «отчуждение личности». Например, отчуждение рассматривают как процесс и результат изменения жизнедеятельности личности, что приводит к ее отвержению другими людьми и обществом, к обособленности, одиночеству. При этом «отчужденность» понимается как состояние, формирующееся в процессе отчуждения личности и проявляющееся в отчаянии, озлобленности, конформности, замкнутости, ассоциальности, самопротивоставлении (А.А. Силяева).

Определены следующие четыре способа отчуждения (И.Е. Оспанова, Н.С. Шадрин):

- отчуждение личности от сформированного ею представления об образе мира;
- отчуждение личности от мотивов ее деятельности и активности;
- отчуждение личности от общения с непосредственным окружением;
- отчуждение личности от профессиональной деятельности, связанной с эмоциональным выгоранием [3, с. 22–23].

Значительный рост интереса к проблеме отчуждения наблюдался в 90-е годы прошлого века в связи с распадом СССР и Варшавского договора. Как известно, эти события сопровождали процессы, обусловленные нарастанием межэтнических конфликтов, ростом организованной преступности, информатизацией общества. Также в данный период получили широкое распространение различные формы девиантного поведения: алкоголизм, наркомания, агрессия, суициды, преступность. Рассматриваемые негативные явления вполне объяснимы с позиции теории Э. Дюркгейма – аномии, которая наступила после распада СССР. Аномию здесь следует рассматривать как переходный период, при котором состояние общества характеризуется тем, что многие прежние социально-правовые нормы уже не действуют или значительно ослаблены, а новые еще не получили должного закрепления. В целом в условиях аномии в обществе сильно ослаблены нормативные стандарты поведения. Интенсивное распространение «отчуждения» в 90-е годы об-

условлено следующими социальными факторами:

- развал многих предприятий, безработица;
- падение жизненного уровня населения;
- смена приоритета духовных ценностей на материальные;
- появление частной собственности на средства производства, бизнеса;
- определенное расслоение общества;
- смена ориентиров в воспитании и образовании молодого поколения;
- процесс секуляризации;
- значительный «всплеск» преступности;
- рост суицидального поведения.

Психолого-криминологические исследования показывают значительный отрыв части преступников от нормальной социальной среды, общества в целом, от его нравственно-правовых ценностей. Анализ личности отчужденных преступников свидетельствует, что для них характерно отсутствие оседлости жизни, бродяжничество, частая сменяемость работы, невысокая квалификация, ослабление связи с близкими людьми, отсутствие семьи, замкнутость, одиночество. Содержательные результаты были получены при обследовании преступников путем использования методики многостороннего исследования личности (ММИЛ). В частности, было установлено, что для преступников свойственны пики показателей по шкалам: импульсивность и ригидность; изоляция; отсутствие эмпатии.

Согласно результатам криминальной практики, наиболее часто среди насильственных преступников встречаются дезадаптированные и отчужденные личности. Отсутствие мотивированности к соблюдению социальных и правовых норм приводит к нарушению социальной адаптации. Наличие психических аномалий создает реальные предпосылки для возникновения дистанции между аномальными личностями и нормальной социальной средой. Так, среди насильственных преступников 18–20% занимают лица с психическими аномалиями. Особенно высокий процент психопатов «взрывного» типа среди убийц [4, с. 14].

Анализ трудовой практики современного общества подтверждает широкое распространение отчуждения личности от труда. Этот процесс в мировой практике набирает обороты и масштабность, значительно опережая по массовости проявления данного феномена в период конца XIX – начала XX в. Отчуждение от труда в современных условиях обусловлено следующими факторами:

- высокий темп трудовой деятельности в значительной степени благодаря внедрению информационных технологий;

- формализация и бюрократизация трудовых отношений;
- высокая конкурентность на рынке труда, в том числе, из-за использования в производственной деятельности искусственного интеллекта;
- профессиональное выгорание, психическая усталость;
- излишняя регламентация, детализация, увеличение количества критериев в профессиональной деятельности;
- неудовлетворенность в материальном вознаграждении;
- быстрое устаревание профессий;
- тревожность и опасения молодых специалистов по поводу карьерных устремлений;
- опасения и ожидания работников в предпенсионный период.

Внутренний мир индивида представляет собой перманентно возобновляющуюся интерпретацию своего «Я» в происходящих изменениях жизни. В этой связи одной из существенных психологических проблем современного взрослого человека является чувство утраты своего «подлинного Я», разрушение аутентичности, то есть самоотчуждение. Исследования, проведенные К. Хорни, А.С. Валеевой, доказывают, что возникновение внутриличностных конфликтов в значительной мере обусловлено рыночными отношениями. У индивида может существовать одновременно несколько взаимоисключающих потребностей, интересов, целей. Постоянное острое соперничество в условиях конкуренции порождает невротическую личность, которая демонстрирует враждебность как к конкурирующим субъектам, так и к себе. Возникает постоянное недовольство собой, переходящее в отчуждение индивида от своей сущности (Э. Фромм). Здесь мы имеем дело с конфликтом между сущностью и существованием личности. Отчуждение личности от своей сущности может привести к утрате самоидентичности и собственной независимости. Такой тяжелый психологический удар трудно выдержать, особенно если индивид обладает невысоким уровнем эмоционально-волевой устойчивости. В результате неадекватной самооценки может возникнуть дистресс и невротический срыв. Индивиды, находящиеся в состоянии внутриличностного конфликта, могут представлять реальную угрозу для межличностных отношений в группе.

Отчуждение индивида от труда формирует к последнему негативное отношение, вырабатывает готовность обеспечивать материальный достаток противоправными способами. Стремление индивида вступить в общественные отношения (управлен-

ческие, коммерческие, коррупционные, легальные или нелегальные) с целью приобретения значительных материальных благ при минимальной затрате усилий также ведет к его отчуждению, к снижению трудовой активности. Зачастую индивид может занимать позицию, когда ему выгоднее самому «ничего не решать» и он делегирует свое право на решение производственных проблем другому лицу (начальнику, компаньону, авторитарному лидеру), устраняясь таким образом от ответственности и активной профессиональной роли.

Представители юридической психологии (Ю.М. Антонян, О.В. Ванновская, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов) полагают, что в основе коррупционного поведения находится отчуждение личности от малых социальных групп и от общества в целом. Они отмечают невосприимчивость коррупционерами профессиональных, моральных и правовых норм. Также коррупция снижает веру добросовестных работников в социальную справедливость, ухудшает морально-психологический климат в производственных коллективах и представляет в целом большую общественную опасность. Ведущий американский социолог Р. Мертон убедительно доказал, что преступность в низших слоях приобретает наибольший размах тогда, когда в обществе культурные ценности соединяются с целью достижения денежного успеха. Существуют предложения, чтобы при поступлении на государственную службу осуществлять диагностику личности на предмет склонности к коррупции и коррупционной устойчивости [5, с. 24].

В настоящее время особую актуальность приобретают исследования связи процессов отчуждения личности и приобщения ее к экстремизму и крайней его форме – терроризму (В.В. Витюк, В.В. Дроздов, А.В. Никитин, Р. Рубинштейн, В.В. Чеботарев). Терроризм порождает такие глобальные векторы отчуждения, как отчуждение между христианским и исламским миром; отчуждение между странами – сторонниками однополярного мира и странами-приверженцами многополярного мира; между бедными и богатыми странами; противоречия между традиционным и информационным обществами, между человеком и обществом. Экстремизм, прежде всего, направлен на негативные преобразования политического пространства, а терроризм – на дестабилизацию состояния общества в целом.

Попытки объяснения природы экстремизма и терроризма привели к двойственной оценке причин деструктивного поведения индивида: с одной стороны, доминирование рационализма, с другой – глубинного бессознательного.

Молодежи свойственно стремление к принадлежности определенной социальной группе. Часть молодых людей с неустойчивой психикой, уже получивших некую «дозу» отчуждения в семье, школе, притягивает участие в законспирированных террористических группах. Здесь они надеются получить компенсацию за бывшие неудачи, несбывшиеся ожидания и свое отторжение социальным окружением. Организаторы террористических формирований тщательно подбирают кандидатуры будущих исполнителей терактов. При этом главный акцент делается на наличие у индивидов симптома «отчужденности» личности с выраженным суицидальным поведением, зачастую находящихся в пограничном психическом состоянии. Также подбираются лица, занимающие позицию конфронтации с окружающим миром, страдающие неизлечимыми формами тяжелых заболеваний, вовлеченные в отношения «кровной мести». В подготовительный период главари групп террористов-смертников стремятся создать атмосферу полного социального отчуждения и изоляции от окружающей среды. Этим самым они вовлекают будущих смертников в состояние «туннельного зрения» (Б. Ганор), при котором у субъектов максимально сужается восприятие действительности, теряется интерес к жизни, вырабатывается готовность без колебаний пройти путь до неотвратимой смерти.

В условиях всеобъемлющего Интернета отмечается устойчивая тенденция вытеснения виртуальным пространством мира реального. Появился новый термин «виртуальный эскапизм», обозначающий желание индивида уйти в мир иллюзий, дистанцируясь от действительности. Происходит замещение реальных вещей, предметов, явлений их искусственными образами. Более того, исследователи отмечают, что зачастую виртуальный мир является средством маскировки метафизической пустоты [6, с. 108]. Влечение в виртуальное пространство часто объясняется стремлением индивида оказаться в том качестве и социальной роли, в которых в обыденной жизни быть не возможно. Виртуальная среда может создавать иллюзию всевластия, могущества в моделировании событий. В действительности же, нахождение индивида в виртуальном мире формирует у него иллюзию участия в деятельности по преобразованию реальности и актуализации коммуникации. Однако, эти ожидания остаются нереализованными, что приводит к отчуждению личности. Отчуждение от реальной действительности порождает подсознательное чувство внутреннего дискомфорта, фрустрации, тревожности. Длительные и постоянные уходы в вымышленную среду

могут формировать аддиктивное поведение и, в конечном итоге, обуславливать приобретение психических заболеваний.

Человек по своей природе является существом потенциальным. Значительная часть исследователей сходится во мнении о том, что многие глубинные причины отчуждения личности закладываются в раннем возрасте. Семейное воспитание от других видов отличает огромная эмоциональная составляющая. Родители для ребенка являются своеобразным «психологическим центром» (Л.С. Выготский). Душевная изоляция ребенка в семье, неприятие его со стороны родителей в целом, эмоциональное неблагополучие порождает устойчивую реакцию тревоги, неуверенности и беспокойства, запускает механизм его потенциальной отчужденности. В раннем возрасте дети не понимают условностей мира взрослых, например, таких как умение ждать, терпеть, преодолевать временные трудности, жить надеждой на лучшее и др. Проведенные исследования психической депривации в детском возрасте (И. Лангмейер, З. Матейчек) установили, что недостаток устойчивых позитивных эмоциональных связей ребенка с матерью приводит к вмешательству в его структуру личности, формированию психопатических свойств характера и может служить предпосылкой отчуждения. Для обозначения важности межличностного взаимодействия ребенка с близкими людьми следует руководствоваться одним из основных принципов психологии, который утверждает: любая интрапсихическая функция первоначально является функцией интерпсихической, то есть межличностной. По мнению Ю.М. Антоняна, возникновение реакции тревоги – важнейшая фаза в развитии психологически отчужденных личностей. В юридической психологии повышенная тревожность рассматривается как фактор опосредованной криминогенной значимости. Тревожность может порождать мотивы отклоняющегося и криминального поведения.

В Беларуси, по данным Белстата, число разводов по отношению к заключенным бракам в 2020 году составило около 70%. Как правило, разводам предшествуют многочисленные конфликты между родителями, демонстрирующими их эмоциональную отчужденность. Зачастую в семейных конфликтах возникает физическое и психологическое насилие, которое носит кумулятивный характер. Неоднократно разрешение подобных ситуаций происходит в форме криминального конфликта. Происходящее оказывает на подростков сильнейшее негативное воздействие и способно формировать синдром посттравматического стресса, реализующегося

в виде повышенной возбудимости, импульсивного реагирования, гневливости, подавленности, ригидности, отчужденности. В дальнейшем вполне возможно развитие на основе посттравматического стресса психических аномалий.

В качестве причин отчуждения детей в семье следует выделить следующие:

- отсутствие эмоционального благополучия, часто возникаемые у ребенка состояния тревоги и страха;
- неполная семья;
- большая загруженность родителей на работе;
- недостаточный культурно-воспитательный потенциал родителей;
- пренебрежение родителями выполнения своих родительских обязанностей;
- недостаточный материальный достаток семьи;
- неразрешимые конфликты родителей;
- отсутствие у ребенка возможности реализовать свои стремления к привязанности;
- формирование у несовершеннолетнего враждебной концепции мира.

Укрепление устоев семьи, решение проблем семейного воспитания, создание атмосферы эмоционального благополучия благоприятно скажется на формировании у несовершеннолетних чувства привязанности к родителям, установлении устойчивых связей с малыми социальными группами в целом, обеспечит их полноценное гражданское становление.

Исследования подтверждают, что зачастую отчуждение является следствием ухода индивида из межличностного взаимодействия, то есть общения. В этой связи следует отметить, что недостаточность эмоционального интеллекта [EQ] может выступить существенным фактором, затрудняющим нормальное межличностное взаимодействие. У таких лиц отмечается незадействованность интуитивного восприятия и понимания других людей, неспособность к моделированию их поступков и поведения, а также неумение прогнозировать реакции окружающих на собственные действия. Поэтому у отчужденных лиц существуют серьезные нарушения адекватного эмоционального реагирования. Компетентность эмоционального интеллекта опирается на такие качества личности, как осознанность, самооценка, мотивация, адаптивность. Адаптивность, в частности, подразумевает коммуникабельность и стрессоустойчивость. Среди критериев развитого эмоционального интеллекта для данного случая выделим: способность к защите от эмоцио-

нального выгорания и степень удовлетворенности собственной жизнью. Важным способом повышения уровня эмоционального интеллекта является научение молодежи в подборе эффективных копий-стратегий для разрешения проблемы накопления жизненных, образовательных и профессиональных трудностей, снижения эмоционального дискомфорта и др.

Заключение. Отчуждение личности деформирует механизм интернализации социальных и правовых норм и, более того, зачастую приводит к их отторжению индивидом. В этой связи представляется необходимым дополнительное исследование сущности теории интуитивного права (Л.И. Петражицкий) и особенности его взаимодействия с правовыми и социальными явлениями.

Считаем, что для создания эффективной системы профилактики и преодоления феномена отчуждения личности, как криминогенного фактора, следует вернуться к тщательному изучению опыта и научных разработок А.С. Макаренки, который смог из отчужденных несовершеннолетних беспризорников и правонарушителей формировать гражданско-зрелые личности.

Учитывая определенные затруднения части родителей в воспитании эмоционально благополучных детей, создании в семье атмосферы доверия и доброжелательности, а также с целью предупреждения запуска механизма отчуждения разработать систему психолого-педагогического просвещения родителей.

Литература

1. Большая энциклопедия: в 62 т. – Москва: ТЕРРА, 2006. – Т. 34. – 591 с.
2. Смолева, Е.О. Социальное отчуждение: анализ теоретических подходов / Е.О. Смолева // Вопросы территориального развития. – 2016. – Вып. 4(34). – С. 1–14.
3. Шадрин, Н.С. Отчуждение как потеря личностной саморегуляции базовых психологических детерминаций и его стороны / Н.С. Шадрин, И.Е. Оспанова // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Психология». – 2021. – № 2. – С. 19–24.
4. Антонян, Ю.М. Отчуждение личности как причина преступности / Ю.М. Антонян // Общество и право. – 2022. – № 2(80). – С. 8–19.
5. Сухарев, А.А. Психологическая составляющая коррупционных преступлений / А.А. Сухарев, В.О. Егорова // Право. Экономика. Психология. – 2021. – № 1(21). – С. 22–32.
6. Дубравина, А.М. Иллюзорная составляющая виртуального мира как фактор отчуждения личности / А.М. Дубравина // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2013. – № 2(152). – С. 107–111.

Поступила в редакцию 14.12.2023

УДК 336.01

Сущностные аспекты финансового потенциала

Богатырёва В.В.¹, Панков Д.А.², Самоховец М.П.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

В статье определены и охарактеризованы сущностные аспекты финансового потенциала.

Цель публикации – идентификация сущностных аспектов финансового потенциала и их научное обоснование.

Материал и методы. Теоретической основой данной работы послужила история экономических учений, современная политэкономия, труды отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся изучением финансового потенциала. В качестве методов использованы следующие: познание, сравнение, обобщение, анализ (в т.ч. ретроспективный), синтез, индукция, дедукция и абстрактно-логический и монографический методы.

Результаты и их обсуждение. Изучение финансового потенциала позволяет обосновать его в четырех сущностных аспектах как: субъектную характеристику, экономическую категорию, оценочный индикатор деятельности субъекта, объект управления.

Во-первых, финансовый потенциал как субъектная характеристика – это индивидуально формируемая характеристика, присущая конкретному субъекту. Финансовый потенциал соотносится с такими субъектами, как человек, организация, экосистема, государство. Финансовый потенциал субъекта выступает обобщающим по отношению к другим видам его частных потенциалов. Финансовый потенциал субъектов неодинаков, даже находящихся на одном иерархическом уровне.

Во-вторых, финансовый потенциал как экономическая категория выражает функциональную систему экономических взаимоотношений по внутренней организации самого субъекта и с другими субъектами по поводу генерирования денежных потоков в их кругообороте.

В-третьих, финансовый потенциал – агрегированный индикатор для оценки деятельности субъекта. Финансовый потенциал зависит от функциональности всех его компонентов, характеризующихся ценностными вкладами. Максимальному финансовому потенциалу соответствует полное использование финансовой мощности и способность субъекта генерировать максимально возможный объем выходящих денежных потоков.

В-четвертых, финансовым потенциалом субъекта можно управлять в процессе его жизненного цикла с помощью дополнительных входящих денежных потоков. Финансовый потенциал является объектом управления и воспроизводится в экономике.

Заключение. Дано научное обоснование и определение финансового потенциала как новой экономической категории в финансовой науке (теоретический аспект) и как нового объекта управления в финансовом менеджменте (практический аспект).

Финансовый потенциал как новая экономическая категория в финансовой науке – это исторически сложившаяся функциональная система экономических взаимоотношений по внутренней организации составляющих компонентов внутри субъекта и с другими субъектами по поводу генерирования денежных потоков в их кругообороте.

Финансовый потенциал как объект управления в финансовом менеджменте представляет собой оценочную способность субъекта увеличивать свои выходящие денежные потоки за счет повышения функциональности ресурсов, используемых в финансово-хозяйственной деятельности, посредством изменения их состава, количества и качества с помощью сформированных входящих денежных потоков.

Ключевые слова: финансовый потенциал, историческая категория, экономическая категория, субъектная характеристика, оценка эффективности, объект управления.

Essential Aspects of Financial Potential

Bogatyreva V.V.¹, Pankov D.A.², Samokhovets M.P.²

¹Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

²Education Establishment "Belarusian State Economic University"

The article defines and characterizes the essential aspects of financial potential.

The purpose of the article is to identify the essential aspects of financial potential and their scientific justification.

Material and methods. *The theoretical basis of the research is the history of economic studies, modern political economy, the works of domestic and foreign researchers engaged in the study of financial potential. The following methods are used: cognition, comparison, generalization, analysis (including retrospective), synthesis, induction, deduction, the abstract-logical method, the monographic method.*

Findings and their discussion. *The essential aspects of financial potential are manifested in this research as: a subject characteristic; an economic category, an assessment indicator of the subject's activity, an object of management.*

Firstly, the financial potential is an individually formed subjective characteristic. The financial potential correlates with such subjects as a person, a company, an ecosystem, and a state. The financial potential is a generalizing one in relation to other types of its individual potentials. The financial potential of subjects, even those which are at the same hierarchical level, is not the same.

Secondly, the financial potential as an economic category reflects the functional system of economic relationships according to the internal organization of the entity itself and with other entities regarding the generation of cash flows in their circulation.

Thirdly, the financial potential is an aggregated indicator for assessing the performance of a subject. The financial potential depends on the functionality of all its components, characterized by value contributions. Maximum financial potential corresponds to the full use of financial capacity and the ability of the entity to generate maximum possible volume of cash flows.

Fourthly, the financial potential of an entity can be managed during its life cycle with the help of additional incoming cash flows. The financial potential is an object of management and is reproduced in the economy.

Conclusion. *A scientific justification and a definition is given for financial potential as a new economic category in financial science (theoretical aspect) and as a new financial management object (practical aspect).*

Financial potential as a new economic category in financial science is a historically established functional system of economic relationships in the internal organization of the constituent components of the entity itself and with other entities in order to generate cash flows in their circulation.

Financial potential as an object of management is the estimated ability of a subject to increase its outgoing cash flows by increasing the functionality of resources used in financial and economic activities by changing their composition, quantity and quality with the help of generated incoming cash flows.

Key words: *financial potential, historical category, economic category, subjective characteristic, efficiency assessment, management object.*

Во всех общественно-экономических формированиях присутствуют финансы – инструмент распределения и перераспределения доходов общества, обеспечивающий успешное функционирование и достойное межстрановое позиционирование экономических систем [1, с. 120].

Финансовая наука, зародившись как теория о государственных финансах, динамично развивается в направлении изучения движения денежных потоков различных субъектов в экономике [2; 3]: предпочтительным и соответствующим практике выглядит переход к пониманию финансов с позиций ресурсной концепции финансов – как «потоков, отвечающих за ресурсообеспеченность государства и субъектов хозяйствования» [4, с. 18]. Современные ученые указывают на сохраняющуюся дискуссионность сущности финансов и справедливо обосновывают необходимость ее снижения [5]. Финансовые категории считаются сложными, со множеством понятий и смыслов. До сих пор имеют неоднозначное толкование даже основополагающие категории, возникшие с появлением товарно-денежных отношений (богатство,

деньги, доход, прибыль и др.). Известные категории обогащаются со временем, возникают новые аспекты их сущности.

Настоящий этап развития финансов и финансовой науки ознаменован возникновением новых, ранее неизвестных явлений и не использовавшихся категорий. Значительный научно-практический интерес у ученых и экономистов с конца XX века вызывает финансовый потенциал¹ [6], однако он пока не получил окончательного теоретико-методологического оформления, несмотря на сформированное общее проблемное поле исследований [7].

Некоторые сущностные аспекты финансового потенциала (без непосредственного употребления

¹ Термин *потенциал* (от лат. *potentia* – сила, мощь; англ. *potential*) широко используется в различных областях знаний (физика – электрический потенциал, психология – личностный потенциал и т.д.) и в широком смысле означает совокупность имеющихся средств, возможностей, способностей (Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – 7-е изд., доп. – М.: Институт новой экономики, 2008. – 1472 с. – С. 844).

самого термина) можно выявить и эволюционно проследить в истории экономических учений – от взглядов ученых древности до современного понимания. Категория «финансовый потенциал» зародилась и трансформируется в рамках развития мировых экономических учений (классического, марксистского, кейнсианского, институционального и др.). Представители этих учений оперируют такими фундаментальными категориями, как богатство, деньги, доход, прибыль, деятельность и т.п. – синтезирование экономических содержаний этих категорий видится истоком современного формулирования и научного обоснования современной категории «финансовый потенциал».

К научным предпосылкам становления категории «финансовый потенциал» можно отнести следующие. *Во-первых*, взаимосвязь финансового потенциала с категорией богатства. Первоначально богатство отождествлялось с деньгами, затем долгий период времени с капиталом. В XXI веке богатство представляется как универсальное средство для достижения целей субъектов через реализацию их финансового потенциала. *Во-вторых*, взаимосвязь финансового потенциала с человеческой деятельностью (трудовой активностью, хозяйственной деятельностью, предпринимательством). Ученые разных временных исторических периодов сходятся в том, что отправной точкой приращения денежных средств является созидательная деятельность. В настоящее время актуальным предметом исследования становится объяснение закономерностей образования и обоснование эффективного механизма генерирования доходов субъектами, обладающими различным финансовым потенциалом. *В-третьих*, взаимосвязь финансового потенциала с деньгами (денежными потоками). История свидетельствует, что очевидна немаловажная роль денег в экономической системе. Деньги опосредуют многие сферы деятельности: хотя представляют собой вторичную от деятельности категорию, но связаны с ее результативностью.

Современные трактовки финансового потенциала многочисленны, однако понимание исследователями его сущности сводится к таким известным категориям, как финансовые ресурсы, финансовые результаты, финансовое положение, финансовое состояние и т.п. Вместе с тем финансовый потенциал не исследован и не обоснован как субъектная характеристика, экономическая категория, индикатор эффективности деятельности субъекта, объект управления. Это означает

отсутствие целостного понимания финансового потенциала в финансовой науке и финансовом менеджменте, и одновременно определяет актуальность, научный и практический интерес к исследованиям, позволяющим расширить научное мировоззрение на финансовый потенциал, идентифицировав его сущностные аспекты и придав им прикладной характер.

Материал и методы. Теоретической основой данной работы послужила история экономических учений, современная политэкономия, труды отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся изучением финансового потенциала. В качестве методов использованы следующие: познание, сравнение, обобщение, анализ (в т.ч. ретроспективный), синтез, индукция, дедукция, абстрактно-логический и монографический методы.

Результаты и их обсуждение. Сущностные аспекты финансового потенциала проявляются в его рассмотрении как субъектной характеристики; экономической категории; индикатора эффективности деятельности субъекта; объекта управления.

Финансовый потенциал как субъектная характеристика

В экономике субъектами выступают действующие агенты. Способность совершать действия, проявлять активность, вступать в отношения означает субъектность [1, с. 75].

Финансовый потенциал можно рассматривать применительно к субъектам. Финансовый потенциал является индивидуальной (уникальной) характеристикой, присущей субъекту. Финансовый потенциал соотносится с субъектами, которые можно ранжировать по уровням (рисунок 1):

1-й уровень (базисный) – человек (физическое лицо) как индивид, который способен с помощью интеллекта и других способностей своим трудом и предприимчивостью генерировать деньги (заработную плату, предпринимательский доход, дивиденды, ренту и т.д.).

2-й уровень – отдельная коммерческая организация (юридическое лицо, бизнес) как объединение с внутренней организационно-управленческой структурой, способное с помощью имеющихся ресурсов генерировать выходящие денежные потоки (прибыль, дивиденды, доходы от владения ценными бумагами и т.д.).

3-й уровень – экосистема² (регион, кластер,

² Здесь экосистема понимается как сообщество экономических субъектов (экономическая экосистема, бизнес-экосистема) в отличие от экосистемы (экологической системы, биосистемы) как системы, которая

отрасль и т.п.) как объединение организаций по географическому, отраслевому или другому признаку, способное с помощью синергетического эффекта генерировать большие денежные потоки, чем при функционировании по отдельности.

4-й уровень – государство как объединение физических и юридических лиц на его территории, которое аккумулирует денежные средства в государственных фондах и генерирует перераспределенные денежные потоки. Государства могут образовывать интеграционные объединения, участвуя в которых они способны к генерации больших денежных потоков за счет использования экономических преимуществ. Мировая экономика как результат глобализационных процессов формирует выходящие денежные потоки планетарного масштаба.

Финансовый потенциал субъектов неодинаков (даже субъектов, находящихся на одном уровне): получая одинаковые входящие денежные потоки, субъекты генерируют разные по объему выходящие денежные потоки.

Финансовый потенциал зависит от ресурсов субъекта: отдельные ресурсы можно дополнительно привлекать, но финансовый потенциал замещать нельзя, можно его формировать и развивать в процессе жизненного цикла субъекта [6].

Финансовый потенциал субъекта находит свое выражение в деятельности и представляется в виде сложной иерархической системы, в которой разнообразные связанные между собой компоненты в определенной степени влияют друг на друга, формируя свои ценностные вклады. С позиций изучения финансового потенциала рассматриваем не всю деятельность субъектов в ее многообразии, а направленную на приращение денежных средств, усиление присутствия (степени участия) в кругообороте денежных потоков в экономике [8].

Имеются отдельные исследования, посвященные рассмотрению финансового потенциала на следующих уровнях субъектов:

1. Микроуровень – финансовый потенциал предприятий (организаций). Финансовый потенциал представляется как совокупность всех ресурсов (иногда только финансовых ресурсов) и возможностей организации. При этом авторы отмечают сложность и многогранность категории, приводя различные трактовки понятия, делают попытки измерения и оценки. Изучению финансового потенциала на микроуровне объединяет живые организмы и их взаимодействие между собой и природой.

посвятили свои научные труды И.В. Барсегова, Е.В. Брызгалова, В.А. Гребенникова, А.Г. Кайгородов, Н.Г. Кот, О.А. Николаевская, О.А. Пузанкевич, А.А. Хомякова и др.

2. Региональный уровень – финансовый потенциал региона. Финансовый потенциал рассматривается как совокупность доходов (налогов) в бюджете региона. Распространены также понятия доходный потенциал, фискальный потенциал, бюджетно-налоговый потенциал региона. Определяется сущность понятия, выделяются элементы и особенности формирования, а также проводится оценка, анализ и диагностика. Среди авторов, занимающихся исследованием финансового потенциала регионов можно отметить Л.В. Буранову, Е.А. Вербиненко, К.И. Жильцову, С.В. Зенченко и др.

3. Макроуровень – финансовый потенциал экономики. Финансовый потенциал понимают с точки зрения повышения финансового благосостояния населения. Изучению финансового потенциала на макроуровне посвящены труды О.С. Ивановой, Ш.У. Ниязбековой, Н.В. Чичеватова.

Самым массовым направлением по количеству проводимых исследований, посвященных вопросам финансового потенциала, является исследование финансового потенциала организаций различных отраслей экономики (микроуровень) [9].

Финансовый потенциал субъекта выступает обобщающим, объединяющим по отношению к другим видам частных потенциалов – инновационному, инвестиционному, экспортному, логистическому, трудовому и прочим.

Финансовый потенциал как экономическая категория

Представления современных исследователей о сущности финансового потенциала как экономической категории можно условно объединить в две группы:

1-я группа: рассмотрение финансового потенциала как отдельной самостоятельной экономической категории в качестве объекта исследования. К представителям этой группы можно отнести следующих авторов: И.В. Барсегова, А.А. Хомякова, А.Г. Кайгородов, А.Г. Канкиа, О.А. Николаевская, Л.Ф. Сухова, О.А. Пузанкевич, Е.В. Брызгалова, В.А. Гребенникова, М.А. Кирокосян, А.А. Мартиросян.

2-я группа: выделение финансового потенциала как составляющего элемента в более общем потенциале, который выступает объектом исследований [7]. Этому подходу придерживаются следующие ученые: Г.Г. Надворная, С.В. Климчук,

М.С. Оборин, Т.Е. Гварлиани – финансовый потенциал в составе экономического потенциала; Т.Б. Савицкая, В.А. Скворцов, И.П. Сысоев, И.Г. Бабеня, Н.В. Калинин – в составе организационного потенциала; Л.В. Барило – в составе ресурсного потенциала.

Анализ научной литературы показал, что трактовки финансового потенциала могут быть сведены к двум подходам:

– *ресурсному* – финансовый потенциал как совокупность имеющихся финансовых ресурсов или возможность их привлечь. При таком подходе понимание финансового потенциала сводится к категориям «финансовые ресурсы», «финансирование», «источники финансирования». Большинство исследователей финансового потенциала остаются сторонниками ресурсного подхода: Л.В. Барило, И.В. Барсегова, А.И. Голубева, В.А. Гребенникова, А.Н. Гридюшко, Л.В. Давыдова, А.В. Чумакова, Н.В. Калинин, О.А. Николаевская, Т.Б. Савицкая, Л.Ф. Сухова, А.А. Хомякова, А.Г. Кайгородов, М.В. Чараева, А.В. Палеев.

– *результативному* – финансовый потенциал как достигнутое финансовое состояние или полученные финансовые результаты. Понимание финансового потенциала в этом случае близко к сущности таких категорий, как «финансовое положение», «финансовое состояние», «финансовая устойчивость», «финансовые результаты». К исследователям, придерживающимся данного подхода, можно отнести Е.В. Брызгалову, А.Г. Канкиа, Г.Г. Надворную, Н.Ю. Фомина, Э.Н. Ломову.

Экономическая сущность финансового потенциала как с позиций ресурсного, так и результативного подхода отождествляется с сущностью уже известных экономических категорий, не отражая многогранности категории и не вскрывая финансовых перспектив субъекта. Преодоление односторонности рассмотрения финансового потенциала видится возможным за счет сочетания ресурсного и результативного подходов. Важным представляется понимание сущности финансового потенциала не только как совокупности финансовых ресурсов (как это предусматривает ресурсный подход) или финансовых результатов (с позиций результативного подхода), но как совокупной способности субъекта генерировать денежные потоки с помощью задействованных ресурсов.

Финансовый потенциал – это способность субъекта генерировать выходящие денежные потоки (денежный доход) от использования входящих денежных потоков (денежных средств).

Денежные потоки – направленное движение денежных средств. Выходящие денежные потоки для одних субъектов выступают входящими денежными потоками для других (находящихся на разных уровнях, либо на одном уровне).

Денежные потоки опосредуют финансовые взаимоотношения, возникающие у субъектов как разного уровня, так и находящихся на одном уровне. Финансовые взаимоотношения возникают между субъектами в случае наличия финансового интереса хотя бы у одного из них, в конечном счете формируемый необходимостью реализации своего финансового потенциала. В случае отсутствия финансового интереса хотя бы у одного участника финансовые взаимоотношения не возникают. Выделим типы финансовых интересов:

– взаимный финансовый интерес – каждый из участников финансовых взаимоотношений реализует свой финансовый потенциал;

– односторонний финансовый интерес – только один из участников реализует свой финансовый потенциал, второй участник сохраняет свой финансовый потенциал на прежнем уровне, либо финансовый потенциал второго участника снижается [10].

Вертикальные денежные потоки возникают между разными уровнями субъектов в цепочке «человек–организация–экосистема–государство». Горизонтальные денежные потоки возникают на одном уровне между однородными субъектами. Образуется кругооборот денежных потоков и сложная система взаимных финансовых взаимоотношений между субъектами по поводу реализации каждым из них своего финансового потенциала [11]. Деньги видятся средой, в которой каждый субъект формирует свои входящие денежные потоки и генерирует свои выходящие денежные потоки из совокупного денежного потока в зависимости от реализации своего финансового потенциала.

Финансовый потенциал – это экономическая категория, отражающая функциональную систему экономических взаимоотношений по внутренней организации самого субъекта и с другими субъектами в целях генерирования денежных потоков в их кругообороте.

Финансовый потенциал как оценочный индикатор деятельности субъекта

Известные методики для оценки деятельности субъектов в основном базируются на ретроспективных данных, оценивают их текущее финансовое состояние, уровень финансового положения, но не диагностируют финансовые перспективы.

Такую возможность дает оценка зависимости финансового потенциала (FP) от функциональности и ценности составляющих его компонентов (ресурсов и процессов):

$$FP = f(\chi; \alpha),$$

где χ – функциональность компонентов;

α – ценность компонентов.

Под функциональностью χ каждого компонента понимаем соответствие компонентов субъекта их целевому значению: от неисполнения или неспособности исполнять свои целевые функции до полноценной способности в полном объеме выполнять свои целевые функции.

Ценность α компонентов показывает, на сколько уменьшается финансовый потенциал, если утрачивается функциональность компонента. Финансовый потенциал зависит от функциональности всех его отдельных компонентов.

Значение финансового потенциала FP в диапазоне от 0 (минимальное значение) до 1 (максимальное значение) показывает уровень его реализации при имеющейся функциональности компонентов, где 0 – неспособность (отсутствие возможности) субъекта в принципе генерировать выходящие денежные потоки, отсутствие либо отказ от реализации финансового потенциала; 1 – способность субъекта в полном объеме выполнять свои финансовые задачи (генерировать выходящие денежные потоки), максимальный финансовый потенциал.

Объем выходящих денежных потоков при достижении максимального финансового потенциала отражает финансовую мощность субъекта. Она характеризуется максимальным объемом выходящих денежных потоков, которые субъект способен генерировать за определенный период при заданном составе, количестве и качестве компонентов. Ему соответствует максимальный объем входящих денежных потоков. Финансовая мощность отражает скорость преобразования входящих денежных потоков – в прирост выходящих денежных потоков и зависит от функциональности компонентов.

Финансовый потенциал можно понимать как агрегированный индикатор для оценки деятельности субъекта.

Финансовый потенциал как объект управления

Финансовым потенциалом субъектов можно управлять, т.е. увеличивать значение финансового потенциала – с фактически достигнутого до максимального с помощью дополнительных входящих денежных потоков. Финансовый

потенциал субъекта видится новым объектом управления в финансовом менеджменте.

Управление финансовым потенциалом субъекта включает следующие этапы:

- 1) идентификация ресурсов субъекта и их классификация;
- 2) оценка ресурсов по:
  - составу: наличие или отсутствие;
  - количеству: в натуральных показателях;
  - качеству: в сравнении с нормами, нормативами, эталонными значениями;
- 3) оценка сбалансированности ресурсов (их пропорциональности);
- 4) оценка финансового потенциала;
- 5) прогнозирование выходящих денежных потоков;
- 6) расчет необходимых входящих денежных потоков для формирования, поддержания или развития финансового потенциала;
- 7) нормирование финансового потенциала (определение максимальных абсолютных величин денежных потоков);
- 8) расчет эффективности использования финансового потенциала;
- 9) тестирование финансового потенциала (оценка влияния внутренних и внешних факторов);
- 10) определение стадии жизненного цикла финансового потенциала;
- 11) мониторинг финансового потенциала;
- 12) аудит финансового потенциала.

Финансовый потенциал субъектов имеет свой жизненный цикл и развивается по следующим стадиям:

- возникновение финансового потенциала – связано с появлением (образованием) самого субъекта, формированием первичного состава ресурсов и началом осуществления деятельности;
- стадия формирования – наращивание финансового потенциала за счет вовлечения новых видов ресурсов, увеличения их количества и качества, совершенствования деятельности субъекта;
- стадия развития – достижение максимального значения финансового потенциала, входящих и выходящих денежных потоков;
- угасание – снижение объемов входящих и выходящих денежных потоков (вплоть до их отсутствия), возможна временная приостановка деятельности;
- исчезновение финансового потенциала – полная остановка (прекращение) деятельности субъекта, отсутствие входящих и выходящих денежных потоков.

Значимыми являются перспективы реализации финансового потенциала, способность субъекта находиться на траектории роста. Необходимо постоянное поддержание финансового потенциала субъектов за счет входящих денежных потоков. Финансовый потенциал субъекта представляется движущей силой инвестирования в экономике, которая в большей степени влияет на инвестиционные процессы, чем прирост доходов (сбережений). Финансовый потенциал видится отправной точкой инвестирования и экономического развития. Можно говорить о постоянном возобновлении (воспроизводстве) финансового потенциала в экономике.

Заключение. Выделены и научно обоснованы следующие сущностные аспекты финансового потенциала:

- финансовый потенциал как обобщающая, индивидуально формируемая субъектная характеристика;
- финансовый потенциал как экономическая категория, отражающая экономические взаимоотношения внутри субъекта и с другими субъектами по поводу генерирования денежных потоков в их кругообороте;
- финансовый потенциал как агрегированный оценочный индикатор деятельности субъекта;
- финансовый потенциал как объект поэтапного управления по стадиям жизненного цикла.

Сущностные аспекты финансового потенциала позволяют научно обосновать финансовый потенциал как новую экономическую категорию в финансовой науке (теоретический аспект) и как новый объект управления в финансовом менеджменте (практический аспект).

Финансовый потенциал как экономическая категория – это исторически сложившаяся функциональная система экономических взаимоотношений по внутренней организации составляющих ценностных компонентов самого субъекта и с другими субъектами по поводу генерирования денежных потоков в их кругообороте.

Финансовый потенциал как объект управления представляет собой оценочную способность субъекта увеличивать свои выходящие денежные

потоки за счет повышения функциональности ресурсов, используемых в финансово-хозяйственной деятельности, посредством изменения их состава, количества и качества с помощью сформированных входящих денежных потоков.

Литература

1. Современная политэкономия: учеб. пособие / В.Г. Гусаков [и др.]; под ред. В.Г. Гусакова. – Минск: РИВШ, 2022. – 464 с.
2. Финансовый менеджмент: учеб. пособие / Д.А. Панков, Л.В. Пашковская, О.В. Дражина [и др.]; под ред. Д.А. Панкова. – Минск: БГЭУ, 2005. – 363 с.
3. Бондарь, Т.Е. Дискуссионность финансовой науки и качество финансового образования / Т.Е. Бондарь // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2020. – № 13. – С. 37–43.
4. Бондарь, Т.Е. Системный взгляд на дискуссионность финансовой науки как способ ее преодоления // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2021. – № 5. – С. 15–20.
5. Барулин, С.В. К вопросу о сущности финансов: новый взгляд на дискуссионную проблему / С.В. Барулин, Е.В. Барулина // Финансы. – 2007. – № 7. – С. 55–58.
6. Богатырёва, В.В. Финансовый потенциал как новая экономическая категория в финансовой науке / В.В. Богатырёва, Д.А. Панков, М.П. Самоховец // Бухгалтерский учёт и анализ. – 2022. – № 2. – С. 10–22.
7. Самоховец, М.П. О методических подходах к оценке финансового потенциала аграрного бизнеса / М.П. Самоховец // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. – 2023. – № 6. – С. 68–80.
8. Самоховец, М.П. Управление финансовым потенциалом на разных уровнях финансового менеджмента / М.П. Самоховец // Новеллы права, образования, экономики и управления 2023: сб. науч. трудов по материалам IX Междунар. науч.-практ. конф., Гатчина, 24 нояб. 2023 г.: в 2 т. / отв. ред. О.В. Заборовская [и др.]. – Гатчина: ГИЭФПТ, 2024. – Т. 1. – С. 278–281.
9. Самоховец, М.П. Управление финансовым потенциалом в системе финансового менеджмента / М.П. Самоховец // Бизнес. Образование. Экономика: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6–7 апр. 2023 г. / редкол.: В.В. Манкевич [и др.]. – Минск: Ин-т бизнеса БГУ, 2023. – С. 246–250.
10. Самоховец, М.П. О финансовых отношениях экономических субъектов в теории финансового потенциала / М.П. Самоховец // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых, социальных и инженерных подходов: сб. материалов XXII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию науч. школы в области исследования модернизации экономики Белорус. нац. техн. ун-та, 22 дек. 2023 г. / редкол.: С.Ю. Солодовников [и др.]. – Минск: БНТУ, 2023. – С. 101–102.

Поступила в редакцию 08.04.2024

Промышленность Витебской области Беларуси: инновационный вектор развития

Трацевская Л.Ф.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В настоящее время не только успех, но и перспективы развития производственной деятельности промышленных организаций Витебской области на всех уровнях ее осуществления предопределяются степенью их восприимчивости к достижениям научно-технического прогресса. В этой связи разработка и использование нововведений становятся актуальными направлениями их функционирования. Особое значение в контексте инновационной трансформации приобретает реализация хозяйствующими субъектами региона государственной инновационной политики с учетом разнообразных факторов, оказывающих влияние на этот процесс.

Цель статьи – исследование состояния, проблем и перспектив инновационной деятельности хозяйствующих субъектов в промышленности Витебской области.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили как научные, так и специальные литературные источники, касающиеся аспектов инновационного развития современной национальной и региональной экономики. В свою очередь, его методологическую основу составили: логико-дедуктивный метод, методы восхождения от абстрактного к конкретному, анализа и синтеза, группировки и сравнения.

Результаты и их обсуждение. В статье представлен анализ потенциала и технико-технологического уровня промышленного комплекса Витебской области, который позволил произвести группировку входящих в его состав организаций в соответствии с этим признаком. Установлено, что современное стабильное социально-экономическое развитие данного региона в значительной мере определяется устойчивым и динамичным функционированием региональной промышленности и состоянием протекающих здесь инновационных процессов. Дана оценка инновационной активности промышленных организаций региона в 2023 г., выявлены определяющие ее факторы и тенденции. Особое внимание уделено характеристике ключевых проблем осуществления инновационной деятельности в промышленности Витебской области, которые будут служить отправными точками для проведения дальнейших исследований аспектов инновационного развития региона и основных направлений его совершенствования в соответствии с требованиями государственной инновационной политики.

Заключение. Инновационная деятельность промышленных организаций Витебской области выступает важнейшим фактором их делового успеха. При этом особую смысловую нагрузку приобретают нововведения, позволяющие трансформировать используемые ими технико-технологические процессы с учетом требований современного научно-технического прогресса и направлениями государственной инновационной политики. В качестве таких новшеств выступают продуктовые и процессные инновации как совокупность новых технологий, разработок, методов и средств, направленных на повышение эффективности производственно-хозяйственной деятельности промышленных хозяйствующих субъектов с целью достижения более эффективного, устойчивого развития.

Ключевые слова: Витебская область, регион, промышленность, инновации, инновационные процессы, инновационная активность, инновационная деятельность.

Industry of Vitebsk Region of Belarus: Innovation Development Vector

Tratsevskaya L.F.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

At present not only success but also development prospects of the production activity of Vitebsk Region industrial enterprises at all levels of its operation are determined by the degree of their perception of technological advances. In relation to this the development and the application of novelties become current trends of their functioning. Special significance in the context of innovation transformation is given to the implementation of state innovation policy by subjects of economy considering various factors which influence the process.

The purpose of the article is a study of the state, problems and prospects of economic entity innovation activities in the industry of Vitebsk Region.

Material and methods. The research materials were both scientific and special literature sources which deal with aspects of innovation development of the contemporary national and regional economies. The methodological base was the logical and deductive method, the methods of the ascent from the abstract to the concrete, of analysis and synthesis, grouping and comparison.

Findings and their discussion. The article presents an analysis of the potential and the technological level of the industrial complex of Vitebsk Region which made it possible to conduct grouping of its component entities in accordance with this feature. It was found out that contemporary stable social and economic development of the Region is conditioned to a great extent by stable and dynamic functioning of the Regional industry and the state of the ongoing innovation processes. An assessment was given of the innovation activities of the Region industrial companies in 2023, factors and tendencies which determine were established.

Special attention was given to characterizing the key problems of innovation activities in the industry of Vitebsk Region which are going to be starting points for further research of the innovation development aspects of the Region as well as of basic directions of its improvement in accordance with the requirements of the state innovation policy

Conclusion. *Innovation activities of industrial enterprises of Vitebsk Region are a decisive factor of their business success. Novelties which allow transforming technological processes used by them acquire special sense load considering requirements of the contemporary scientific and technological progress and trends of state innovation policy. Among such novelties are product and process innovations as a unity of new technologies, developments, methods and ways aimed at the increase of the efficiency of production and economic activities of industrial economic subjects in view of reaching more efficient sustainable development.*

Key words: *Vitebsk Region, region, industry, innovations, innovation processes, innovation activity.*

Существование и развитие современной экономики происходит в условиях значительной изменчивости хозяйственной деятельности на любом ее уровне. В связи с данным обстоятельством участникам производственного процесса необходимо постоянно адаптироваться к этим изменениям, вызываемым различными факторами, важнейшим из которых выступает восприимчивость к динамике научно-технического прогресса, проявляющаяся в применении разного рода нововведений.

Мировое сообщество в своем развитии все более уверенно переходит от индустриальной стадии к постиндустриальной, для которой характерна возрастающая роль научных знаний и инноваций. В этой связи уровень технико-технологического развития хозяйствующих субъектов, особенно промышленных, в значительной степени определяет их конкурентоспособность, как на внутреннем, так и мировом рынке. Должное восприятие и использование промышленными организациями принципов инновационного развития и обновления бизнеса позволяет им более успешно решать задачи совершенствования своей производственно-хозяйственной деятельности и трансформировать ее, способствуя долгосрочному устойчивому экономическому росту.

Исходя из вышеизложенного, целью настоящей статьи выступает исследование состояния, проблем и перспектив инновационной деятельности хозяйствующих субъектов в промышленности Витебской области.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили как научные, так и специальные литературные источники, касающиеся аспектов инновационного развития современной национальной и региональной экономики. В свою очередь, его методологическую основу составили: логико-дедуктивный метод, методы восхождения от абстрактного к конкретному, анализа и синтеза, группировки и сравнения.

Результаты и их обсуждение. Как показало исследование, устойчивое развитие регионов, укрепление и стабилизация их экономического потенциала, ориентированного на социальные

и экономические приоритеты, являются основой современного социально-экономического развития Республики Беларусь. Особое значение в этой связи приобретает реализация возможностей Витебской области как одного из самых индустриальных регионов Беларуси, специализирующегося на производстве электроэнергии, продуктов нефтепереработки, металлорежущих станков, полиэтилена, телевизоров, льняных тканей, обуви. Промышленный комплекс области обеспечивает сегодня около трети объема валового регионального продукта и 17,6% республиканского промышленного производства, являясь по своему потенциалу, структуре и масштабам производства экспортоориентированным: за пределами Витебской области реализуется более трети объема промышленного производства [1]. При этом на территории региона внешнеэкономическую деятельность осуществляют около 1900 субъектов хозяйствования, внешнеторговые отношения налажены со 117 государствами мира. Основой данных отношений служат двусторонние межрегиональные соглашения о сотрудничестве и мероприятия дорожных карт. Основными торговыми партнерами области традиционно остаются страны СНГ, в особенности Российская Федерация (более 70 российских регионов получают продукцию товаропроизводителей из Витебщины). В то же время имеющийся промышленный потенциал создает и основные угрозы реализации эффективной внешнеэкономической деятельности региона, так как ведущие промышленные производства в основном ориентированы на переработку импортного сырья, материалов и комплектующих. Удельный вес промежуточного продукта в структуре импорта составляет более 89%, в то время как доля продукции, произведенной с использованием местного сырья, не превышает в объеме промышленного производства области 15%. В данных обстоятельствах наиболее благоприятные внешнеторговые перспективы имеют производства пищевой и обувной промышленности, текстильное и швейное производство, производство продуктов химии и нефтехимии, а также производство электронного и оптического оборудования. Модернизация

обозначенных производств в соответствии с приоритетами, определенными на 2021–2025 гг. в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь, позволит создать здесь дополнительные производственные мощности, повысить эффективность хозяйственной деятельности, увеличить занятость [2].

Тем не менее следует отметить, что работа по реализации мероприятий Программы в Витебской области, на наш взгляд, испытывает затруднения в связи с тем, что региональный промышленный комплекс имеет сложную структуру.

В первую очередь в его составе следует выделить промышленные организации, осуществляющие хозяйственную деятельность и развивающиеся на основе природно-ресурсного потенциала области. Это небольшие, с замкнутым технологическим циклом, относительно независимые от других регионов, производства. К ним относятся в основном организации местной промышленности и промышленности строительных материалов, часть организаций легкой промышленности. Отличительной особенностью данных организаций является недостаточно высокий технический и научно-технологический уровень, что делает их продукцию неконкурентоспособной на внешнем рынке вследствие низкого качества и примитивного товарного вида. Здесь незначителен удельный вес научно-технических кадров, велика доля ручного труда, технологическое оборудование и используемые технологии морально и физически устарели. Вследствие этого себестоимость продукции, производимой данными организациями, очень высока. Однако их существование и функционирование для экономики области крайне необходимо. Именно в них возможны максимальное использование местных ресурсов, внедрение импортозамещающих и безотходных технологий и производств, развитие экспортного потенциала, трудоустройство большинства проживающего в местах их расположения населения. Поэтому реконструкция и техническое перевооружение этих организаций, освоение в них современных технологий является важной задачей региональной промышленной и инновационной политики.

Следующая группа хозяйствующих субъектов, определяющих развитие промышленности Витебской области, – организации, использующие импортное сырье и развивающиеся благодаря выгодному географическому положению региона. Их локализация обеспечивает удобный выход на внешний рынок сбыта готовой продукции. К данной

группе можно отнести организации электроэнергетики, легкой, химической и нефтеперерабатывающей промышленности. Это крупные, узкоспециализированные современные отраслеобразующие производства, хорошо технически оснащенные.

Третья структурная составляющая регионально-го промышленного комплекса представлена организациями машиностроения и металлообработки. Это мощные современные производства, обладающие высоким научно-техническим потенциалом, который в настоящее время практически исчерпан: оборудование многих из них физически и морально устарело, имеет место существенная нехватка высококвалифицированного и опытного персонала. В силу обозначенных причин многие из них испытывают трудности в освоении выпуска новой конкурентоспособной продукции.

Исходя из вышеобозначенного очевидно, что без активизации инновационной деятельности создание реальных предпосылок устойчивого развития промышленного комплекса Витебской области невозможно. Не подлежит сомнению тот факт, что именно инновационное развитие, являясь одним из главных современных условий модернизации экономики и важнейшим фактором экономического роста, позволяет осуществить качественный прорыв на внутреннем и внешнем товарном рынке.

Исследование инновационных процессов в промышленном комплексе Витебской области показал, что в настоящее время в его организациях преимущественное распространение получили продуктовые и процессные инновации. Применяемые инновационные разработки преследуют различные цели. Большинство организаций осуществляют продукт-инновации, прежде всего, для того, чтобы перейти к выпуску новых товаров, оставаясь в рамках своей базовой отрасли (40% промышленных организаций, осуществляющих инновации). На втором по значимости месте – выпуск импортозамещающей продукции (35,7%). На третьем – выпуск продукции, выходящей за рамки базовой отрасли (диверсификация), удельный вес которой составляет 24,3%. Что же касается процесс-инноваций, то их первой и важнейшей целью является внедрение трудо-, материало- и энергосберегающих технологий. На осуществлении инновационной деятельности в этом направлении сосредоточена работа 53,5% промышленных организаций региона. На втором месте – повышение гибкости и мобильности производства (27,3% организаций, занимающихся инновационной деятельностью). На третьем – улучшение условий труда (11,1% хозяйствующих субъектов, осуществляющих инновации). Замыкает

иерархию целей процесс-инноваций снижение техногенной нагрузки на окружающую среду (8,1% организаций региональной промышленности).

Преобладание в иерархии инновационных целей ресурсосберегающих технологий вызвано, на наш взгляд, тем, что для промышленности Витебской области все еще характерно значительное технико-технологическое отставание. В связи с этим участники регионального промышленного комплекса свою задачу видят, прежде всего, в том, чтобы, сменив устаревшие технологии на современные, получить доступ к экономии основных производственных ресурсов. Это позволит им приобрести возможность повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции, как в ценовом, так и в качественном аспектах.

Важнейшим показателем динамики инновационных процессов в промышленном комплексе региона является инновационная активность его участников, измеряемая инновационной квотой (долей организаций, осуществляющих нововведения, в их общем числе). Ее исследование позволило установить, что среди них в настоящее время самой высокой инновационной активностью отличаются организации топливной промышленности (50%), химической и нефтехимической промышленности (30%), а также организации машиностроения и металлообработки (25%). Причем, если для двух первых отраслей она характеризовалась определенной устойчивостью, то последней было свойственно ее снижение. Недостаточно активно осваивали инновации организации промышленности стройматериалов: их инновационная квота колеблется на уровне 12%. В результате в целом по промышленности Витебской области инновационная активность остается невысокой: доля организаций, осуществляющих нововведения, в общем числе организаций составляет только 8,2%. В течение последних трех лет только 32 промышленных организации были достаточно инновационно активны. Среди них 15 организаций машиностроения и металлообработки, 6 организаций пищевой промышленности, 4 организации легкой промышленности, 2 организации промышленности строительных материалов, 2 – химической и нефтехимической промышленности. В электроэнергетике, топливной, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности инновации осуществили только по одной организации.

Таким образом, инновационную деятельность в промышленности Витебской области можно характеризовать как недостаточно эффективную. На наш взгляд, это предопределено факторами, которые можно объединить в две группы:

1. Экономические факторы. Важнейшими из них являются: нехватка собственных денежных средств, низкий платежеспособный спрос на новые продукты, высокая стоимость нововведений, недостаточное финансирование научно-исследовательских работ и создания инновационных структур, высокий экономический риск при осуществлении инновационной деятельности, длительный срок окупаемости нововведений.

2. Производственные факторы. Среди них следует выделить: низкий инновационный потенциал организаций регионального промышленного комплекса, их недостаточную восприимчивость к достижениям научно-технического прогресса, нехватку квалифицированного персонала, недостаток информации о новых технологиях и рынках сбыта. Кроме того, в промышленности региона медленно осваиваются наукоемкие и так называемые мини-технологии (энергосберегающие, экологически чистые), позволяющие использовать местные ресурсы.

Одним из путей совершенствования инновационной деятельности в регионе, помогающим нивелировать сложившиеся в этой сфере негативные тенденции, является, по нашему мнению, создание современной инфраструктуры, которая бы обеспечивала организационную, информационную, консультационную и маркетинговую поддержку инновационного развития субъектов хозяйствования в промышленности. С этой точки зрения необходимо формирование и расширение сети региональных центров информационной поддержки инновационной деятельности, включающей как действующие, так и вновь создаваемые. В настоящее время в Витебской области функционируют: 1 инкубатор инновационного предпринимательства, 2 центра трансферта технологий, 50 малых инновационных предприятий, Региональное отделение Республиканского центра трансферта технологий при Полоцком государственном университете, а также 10 инжиниринговых структур [3]. Для решения существующих в региональном промышленном комплексе технико-технологических проблем этого явно недостаточно. В качестве нового подхода к развитию инновационной деятельности в регионе можно отметить использование возможностей, предоставляемых глобализацией. Имеющиеся в настоящее время коммуникационные средства позволяют создавать производственные структуры нового типа: сети, альянсы, кластеры. Их отличительная особенность состоит в умении не только создать и воспринять, но и использовать с коммерческой целью синергетический эффект, от возникающего

комплекса отношений, выходящий далеко за рамки возможностей отдельных хозяйствующих субъектов. В результате коренным образом меняется их отношение к инновациям, они становятся более восприимчивыми к требованиям рынка. Особое значение в этом смысле имеют инновационные кластеры.

Наименее затратным и быстрым путем формирования данных структур в Витебской области может стать, на наш взгляд, более активное использование потенциала свободной экономической зоны (СЭЗ) «Витебск». Сейчас этот инструмент региональной политики в области инновационного развития используется не в полной мере. В то же время мировой опыт показывает, что при правильном использовании СЭЗ можно эффективно стимулировать концентрацию в регионе наукоемких производств. Так, использование специфики СЭЗ позволило в свое время создать региональные инновационные кластеры в США, Японии, Китае. Что же касается СЭЗ «Витебск», то в условиях сформировавшейся инфраструктуры и льготного налогообложения здесь можно было бы расположить такие эффективные составляющие кластера, как центры трансфера технологий и инкубаторы малого инновационного предпринимательства [4].

Таким образом, исследование инновационных процессов в промышленности Витебской области позволяет сделать вывод о том, что сложившаяся структура промышленного комплекса региона не может быть признана рациональной и создает определенные угрозы его устойчивому социально-экономическому развитию, так как ведущие промышленные производства ориентируются на переработку импортного сырья, материалов и комплектующих. Кроме того, технико-технологический уровень большинства промышленных организаций области не позволяет им быть достаточно конкурентоспособными.

Вследствие недостаточного вовлечения в экономический оборот местных ресурсов и малой глубины их переработки промышленные организации региона, ориентированные на использование местной сырьевой базы, не представляют собой в настоящее время серьезной альтернативы производствам, работающим на импортном сырье и материалах. Также следует отметить, что в обрабатывающей промышленности региона преобладают виды деятельности с низкой долей добавленной стоимости в общем объеме выпускаемой продукции.

Заключение. В современных экономических условиях инновационная деятельность промышленных хозяйствующих субъектов требует совер-

шенствования, без которой создание реальных предпосылок устойчивого развития промышленного комплекса Витебской области невозможно. Особое внимание с точки зрения активизации инновационных процессов необходимо уделить развитию инновационной инфраструктуры, обеспечивающей открытые динамичные связи научного сообщества и промышленности. Это обусловлено тем, что она помогает сформировать локальные сети исследователей, предпринимателей, инвесторов и, таким образом, способствует трансферу технологий, установлению контактов с партнерами в процессе инновационной деятельности. Кроме того, инновационная инфраструктура действует как канал получения необходимых субъектам хозяйствования инновационных услуг (технологических, патентно-правовых, услуг лицензирования и сертификации, подготовки бизнес-планов и других).

Своевременное и эффективное решение обозначенных проблем осуществления инновационной деятельности будет способствовать устойчивому и динамичному развитию промышленного комплекса Витебской области, позволит осуществлять региональную технико-технологическую политику, адекватную требованиям современной экономической ситуации.

Литература

1. Социально-экономическое развитие Витебской области за январь–декабрь 2023 г. – Витебск: Управление статистики и анализа Витебского облисполкома, 2024. – 192 с.
2. Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 15 сент. 2021 г., № 348 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2021. – Режим доступа: http://etalonline.by/document/?regnum=u215e2913&q_id=1491004. – Загл. с экрана. – Дата доступа: 05.01.2024.
3. Трацевская, Л.Ф. Инновационное развитие промышленного комплекса Витебской области: состояние и перспективы / Л.Ф. Трацевская // Ресурсосбережение. Эффективность. Развитие [Электронный ресурс]: материалы V Респ. науч.-практ. конф., Донецк, 30 окт. 2020 г.; отв. ред. А.В. Ярошенко; кафедра «Экономика предприятия и инноватика» ГОУ ВПО «ДонНТУ». – Донецк: ДонНТУ, 2020. – С. 420–426.
4. Трацевская, Л.Ф. Организационно-правовые условия осуществления инвестиционной деятельности в свободных экономических зонах Республики Беларусь / Л.Ф. Трацевская // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 74 Регион. науч.-практ. конф. препод., науч. сотр. и аспирантов, Витебск, 18 фев. 2022 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – С. 397–399. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/31738/397-399.pdf> (дата обращения: 28.12.2023).

Поступила в редакцию 08.02.2024

Методика агрегированной оценки финансового потенциала аграрного бизнеса

Самоховец М.П.

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

В статье впервые предложена, обоснована, разработана и описана авторская методика агрегированной оценки финансового потенциала аграрного бизнеса на основе логики-аксиологического подхода.

Цель статьи – обосновать и описать методику агрегированной оценки финансового потенциала аграрного бизнеса на основе логики-аксиологического подхода.

Материал и методы. Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов, занимающихся изучением финансового потенциала организаций, а также исследованием агрегированной оценки состояния систем. Информационным обеспечением для формирования базы знаний для применения методики служат данные статистической и бухгалтерской отчетности сельскохозяйственных организаций. В качестве методов использованы следующие: познание, анализ и синтез, математический метод, метод экспертных оценок, сравнительный анализ, абстрактно-логический метод.

Результаты и их обсуждение. Содержательная сторона методики агрегированной оценки финансового потенциала аграрного бизнеса состоит в определении финансового потенциала субъекта аграрного бизнеса, исходя из предложенных количественных показателей компонентов, его формирующих. Предложенная методика включает: 1) смоделированную покомпонентную структуру и устойчивые внутрисистемные взаимосвязи субъекта аграрного бизнеса для формирования его финансового потенциала; 2) определенную систему ценностей и функциональности каждого из компонентов, формирующих финансовый потенциал субъекта аграрного бизнеса; 3) выявленные зависимости преобразования фактической базы знаний в итоговые результаты.

Заключение. В отличие от существующих, данная методика позволяет измерить финансовый потенциал с учетом внутрисистемных взаимосвязей, ценностей и функциональности формирующих его компонентов, а также определить необходимые изменения в ресурсах субъекта аграрного бизнеса для наилучшей реализации финансового потенциала. Применение методики позволяет провести оценку финансового потенциала и планировать входящие денежные потоки для управляемого изменения выходящих денежных потоков аграрного бизнеса, что позволит повысить уровень обоснованности финансирования инвестиций в аграрном бизнесе из разных источников.

Ключевые слова: финансовый потенциал, методика оценки, аграрный бизнес, агрегированная оценка, логики-аксиологический подход.

Methodology of the Financial Potential Aggregated Assessment of Agricultural Business

Samokhovets M.P.

Education Establishment "Belarusian State Economic University"

In the article the author proposes, substantiates, develops and describes the methodology for the financial potential aggregated assessment of agricultural business based on a logic axiological approach for the first time.

The purpose of the article is to substantiate and describe the methodology for the financial potential aggregated assessment of agricultural business based on a logic axiological approach.

Material and methods. The theoretical basis of the study is the work of domestic and foreign authors engaged in the study of the financial potential of organizations, as well as the study of aggregated system assessment. The information foundation for the knowledge base for the methodology application is data of statistical and accounting reports of agricultural organizations. The following methods are used: cognition, analysis and synthesis, mathematical method, expert assessment method, comparative analysis, abstract logical method.

Findings and their discussion. The content of the methodology for the financial potential aggregated assessment of agricultural business consists in determining the financial potential of an agricultural business entity based on the proposed quantitative indicators of the components. The proposed methodology includes: 1) a modeled component-by-component structure and stable intra-system relationships of the subject of agricultural business for the formation of its financial potential; 2) a certain system of values and functionality of each of the components forming the financial potential of agricultural business; 3) identified dependencies of the transformation of the actual knowledge base into the final results.

Conclusion. This methodology (unlike the existing ones) allows to measure the financial potential, taking into account the intra-system relationships, values and functionality of its components, as well as to determine the necessary changes in the resources of agricultural business for the best realization of financial potential. The application of the methodology makes it possible to assess the financial potential and plan incoming cash flows for a controlled change in the outgoing cash flows of agricultural business. This will increase the level of justification for financing investments in agricultural business from various sources.

Key words: financial potential, assessment methodology, agricultural business, aggregated assessment, logic and axiological approach.

Сельскохозяйственное производство в современных условиях рассматривается не только как база для обеспечения продовольственной безопасности, но также как агробизнес – предпринимательская деятельность с характерными отраслевыми особенностями. Рост прибыли с единицы площади сельскохозяйственных угодий становится основным критерием эффективности реализации Государственной программы «Аграрный бизнес» в 2021–2025 годах. Это повышает актуальность изучения различных аспектов развития финансовых отношений в аграрной сфере.

Актуальной научно-методологической задачей на современном этапе, результаты решения которой будут востребованы на практике, является разработка подходящей методики оценки финансового потенциала аграрного бизнеса.

Изучению экономической сущности категории «финансовый потенциал» и его качественному и количественному измерению посвящено большое количество научных исследований современных ученых-экономистов (Е.В. Брызгалова [1], А.Г. Канкиа [2], В.А. Гребенникова, М.А. Кирокосян, А.А. Мартиросян [3], Н.Г. Кот [4], Л.Ф. Сухова [5], А.А. Хомякова, А.Г. Кайгородов [6], М.В. Чараева, А.В. Палеев [7] и др.). В англоязычных источниках литературы финансовый потенциал сводится к пониманию его как возможности роста прибыли «financial capability» (G. Çera, K. Ajaz Khan, A. Mlouk, T. Brabenec [8], Y. Nam, C. Loibl [9] и др.). Однако несмотря на предпринимаемые многочисленные попытки исследователей решить эту задачу, однозначного подхода и единой методики оценки финансового потенциала организаций до сих пор не сформировано.

Учитывая сложность и многогранность этой категории, представляется возможным и целесообразным расширение научных взглядов на финансовый потенциал в современной финансовой науке и практике, рассмотрение его применительно к сельскохозяйственному производству и обоснование финансового потенциала аграрного бизнеса как нового объекта управления в системе финансового менеджмента [10–12] на базе сочетания ресурсного и результативного подходов к его изучению. Это позволит развить теоретико-методологические представления о финансовом потенциале аграрного бизнеса и особенностях его формирования, расширить возможности по его управлению на практике, придать прикладной характер исследованиям финансовых отношений в аграрном секторе.

С учетом проведенного критического анализа литературных источников можно заметить, что особенности разработанных авторами методик оценки финансового потенциала организации зависят от избранных концептуальных положений о сущности финансового потенциала. Выявлено, что в большинстве своем исследователи склоняются к ресурсной природе финансового потенциала организации, понимая его как совокупность всех ресурсов и возможностей (иногда только финансовых ресурсов) либо как источник финансирования деятельности, хотя и отмечают его влияние на повышение эффективности деятельности и будущее развитие [13].

Используя категорию финансового потенциала, различные авторы зачастую приравнивают ее к уже известным объектам управления в финансовом менеджменте: либо к финансовым ресурсам (в нашем понимании это входящие финансовые потоки), либо к финансовым результатам (в нашем понимании это выходящие финансовые потоки).

Измерение финансового потенциала как элемента производственного (ресурсного) потенциала происходит в общей совокупности разрозненных (иногда взаимозависимых друг от друга) оценочных показателей эффективности сельскохозяйственной организации, и, по нашему мнению, не может обеспечить руководству организации единого понимания финансовой ситуации [14]. Для исследования финансового потенциала организации применяются финансовые модели, которые используются также для диагностики финансового состояния, уровня финансового положения субъекта. Методики, как правило, базируются на ретроспективных данных, которые, на наш взгляд, не дают оценки финансового потенциала организации исходя из его понимания, наоборот, как перспективной способности бизнеса реализовывать финансовые цели.

В силу обозначенных нами характеристик финансового потенциала, считаем, что оценка финансового потенциала субъекта аграрного бизнеса должна быть объединяющей, комплексной, системной и сочетать преимущества ресурсного и результативного подходов. Она должна выражать неделимую и неотделимую, присущую данному субъекту способность реализовывать в определенной степени возможности по генерированию выходящих денежных потоков на основе осуществления производственного процесса с использованием имеющихся ресурсов [14; 15].

Материал и методы. Теоретической основой исследования послужили работы отечественных

Таблица 1 – Компоненты в предлагаемой методике агрегированной оценки финансового потенциала аграрного бизнеса

Обозначение компонента	Наименование компонента
C₁	Производство продукции растениеводства
C ₁₁	земельные ресурсы
C ₁₂	семенной и посадочный материал
C ₁₃	техника в растениеводстве
C ₁₄	трудовые ресурсы в растениеводстве
C₂	Производство продукции животноводства
C ₂₁	сельскохозяйственные животные
C ₂₂	корма
C ₂₃	животноводческие помещения и оборудование
C ₂₄	трудовые ресурсы в животноводстве
C₃	Реализация произведенной сельскохозяйственной продукции
C ₃₁	сохранность продукции
C ₃₂	качество продукции
C ₃₃	трудовые ресурсы в реализации продукции

Примечание. Собственная разработка автора на основе проведенных исследований.

и зарубежных авторов, занимающихся изучением финансового потенциала организаций, а также исследованием агрегированной оценки состояния систем.

В основе предлагаемой методики агрегированной оценки финансового потенциала аграрного бизнеса лежит логико-аксиологический подход [16]. При разработке методики агрегированной оценки финансового потенциала аграрного бизнеса нами употреблен ряд понятий с позиций логико-аксиологического подхода: система, компоненты, ключевой компонент, ценность, эффективность, убыль эффективности, функциональность.

Использование логико-аксиологического подхода обусловило следующую последовательность действий: разбиение системы на однородные компоненты первого уровня иерархии; указание значений и ценностей компонентов; формирование набора продуктов; разбиение компонентов на компоненты второго уровня иерархии; формирование дополнительных наборов продуктов; формирование базы знаний из всех продуктов, описывающей взаимосвязи компонентов системы; присвоение потери эффективности компонентам второго уровня, если такое наблюдается; вычисление агрегированной оценки состояния системы.

Предлагаемая методика агрегированной оценки финансового потенциала аграрного бизнеса включает два последовательных этапа: 1-й этап – моделирование структуры и взаимосвязей системы с помощью онтологий (онтологическое моделирование); 2-й этап – преобразование онтологии в продукционную базу знаний [17]. В качестве методов использованы следующие: познание, анализ и синтез, математический метод, метод экспертных оценок, сравнительный анализ, абстрактно-логический метод.

Информационным обеспечением для формирования базы знаний для описания системы служат данные статистической и бухгалтерской отчетности сельскохозяйственных организаций.

Результаты и их обсуждение. В рамках предлагаемой методики агрегированной оценки финансового потенциала исходим из того, что финансовый потенциал является выражением производственного потенциала сельскохозяйственной организации, который в свою очередь базируется на ресурсном потенциале [18]. Изменения количества и качества ресурсов организации за счет вложения в них финансовых ресурсов приводят к изменению производственного потенциала, и как следствие, финансового потенциала организации.

Приведем пример расчета по предлагаемой методике агрегированной оценки финансового

потенциала аграрного бизнеса. Система S состоит из многочисленных составляющих ее компонентов первого уровня $C_1, C_2, C_3 \dots C_i$ и компонентов второго уровня $C_{11}, C_{12} \dots C_{ij}$, где i и j – индексы компонента. Степень детализации разложения системы на компоненты зависит от цели исследования, способности эксперта к онтологическому моделированию и доступа к необходимой информации для проведения расчетов. Для целей нашего исследования финансовый потенциал (S) является агрегированием функциональности компонентов первого уровня (процессов) C_1, C_2, C_3 и функциональности компонентов второго уровня (соответствующих этим процессам совокупности ресурсов) C_{ij} , представленных следующим образом (таблица 1).

С каждым компонентом первого уровня $C_1, C_2, C_3 \dots C_i$ и компонентом второго уровня $C_{11}, C_{12} \dots C_{ij}$ связаны числа, называемые ценностью – $\alpha(C, S) \in [0,1]$, т.е. выраженная по шкале $[0,1]$ степень падения эффективности компонента, обусловленная утратой компонента. Ценность $\alpha(C, S)$ показывает, на сколько уменьшается характеризующее число $\chi(S)$ при утрате компонента C (когда $\chi(C)=0$). Для задания ценностей используется метод экспертных оценок. Компонент C является ключевым для S , если $\chi(C)=0$ влечет $\chi(S)=0$. Если C ключевой для S , то $\alpha(C, S)=1$.

Пусть компоненты C_1, C_2, C_3 имеют ценности $\alpha_1=0,3, \alpha_2=0,3, \alpha_3=1$ для S ;

$C_{11}, C_{12}, C_{13}, C_{14}$ имеют ценности $\alpha_{11}=1, \alpha_{12}=1, \alpha_{13}=0,5, \alpha_{14}=1$ для C_1 ;

$C_{21}, C_{22}, C_{23}, C_{24}$ имеют ценности $\alpha_{21}=1, \alpha_{22}=1, \alpha_{23}=0,3, \alpha_{24}=1$ для C_2 ;

C_{31}, C_{32}, C_{33} имеют ценности $\alpha_{31}=1, \alpha_{32}=0,3, \alpha_{33}=1$ для C_3 .

Числами $\chi(C_i) \in [0,1]$ (характеризующие числа) описывается состояние каждого из компонентов системы, где 0 – это утрата компонента, неисполнение или неспособность компонента исполнять свои целевые задачи, а 1 – полноценное функционирование компонента, способность в полном объеме выполнять свои целевые задачи.

Целевой группой для оценки финансового потенциала по разработанной методике нами выбраны субъекты аграрного бизнеса в Республике Беларусь, отвечающие одновременно трем следующим критериям: юридические лица, осуществляющие сельскохозяйственную деятельность; являющиеся типичными сельскохозяйственными организациями для Республики Беларусь по размеру: имеющие площадь сельскохозяйственных земель 300 и более гектаров и (или) численность

скота и птицы в пересчете на условное поголовье скота 100 и более голов; имеющие растениеводство и (или) животноводство в качестве основных направлений аграрного бизнеса.

Характеризующие числа компонентов $\chi(C_{11}), \chi(C_{12}), \chi(C_{13}), \chi(C_{14})$ равны 0,85, 0,88, 0,9, 0,8, далее иницируются значения истинности всех исходных компонентов системы (таблица 2).

Под эффективностью понимается выраженный по шкале $[0,1]$ уровень соответствия системы (компонента) своему целевому значению. Считаем χ истинностью суждения «Компонент C эффективен», а Δ – суждения «Компонент C не эффективен», которые будем обозначать как c и $\neg c$. Обозначая истинность произвольного суждения a как $\|a\|$, можно записать: $\|c\| = \chi$ и $\|\neg c\| = \Delta$. Аналогично:

$$\| \text{«Компонент } C_i \text{ эффективен»} \| = \|ci\| = \chi(C_i);$$

$$\| \text{«Компонент } C_i \text{ не эффективен»} \| = \| \neg ci \| = \Delta(C_i).$$

Ценность $\alpha(C_i, S)$ свяжем с истинностью суждения:

$$\| \neg ci \rightarrow \neg c \| = \alpha(C_i, S).$$

$$\neg c11, \neg c11 \rightarrow \neg c11 \vdash \neg c11: \| \neg c11 \|11 = \| \neg c11 \| \cdot \| \neg c11 \rightarrow \neg c11 \| = \| \neg c11 \| \cdot \alpha11 = (1-0,85) \cdot 1 = 0,15 \text{ и т.д.}$$

проводятся расчеты по всем компонентам. Для расчета результирующего значения $\Delta(S)$ пользуемся функцией $u(\Delta_1(S), \dots, \Delta_i(S))$, а результирующее значение χ рассчитываем с использованием функции $v(\chi_1, \dots, \chi_i)$. Цепочка вывода выстраивается так, чтобы учесть последовательность взаимодействия компонентов. Считается, что S полноценно функционирует, когда полноценно функционируют все влияющие на него компоненты C_i ; утрата ключевого компонента (когда $\Delta_i = 1$) влечет утрату S ; ущерб для S монотонно возрастает с ростом Δ_i , а функциональность S падает с падением функциональности влияющих на него компонентов. Результаты расчетов приведены в таблице 3.

Таким образом, нами описаны методические основы агрегированной оценки финансового потенциала сельскохозяйственной организации. В итоге расчета по предложенной методике получаем показатель финансового потенциала S в диапазоне $[0,1]$ при имеющихся характеристиках ресурсов, где 0 – неспособность (отсутствие возможности) организации в принципе выполнять свои финансовые задачи (генерировать доход), отсутствие либо отказ от финансового потенциала; 1 – способность организации в полном объеме выполнять свои финансовые задачи (генерировать доход), максимальный финансовый потенциал. Расчетное значение финансового потенциала

Таблица 2 – Исходные данные для расчета по предлагаемой методике агрегированной оценки финансового потенциала аграрного бизнеса

Наименование компонента	Обозначение	χ	α
Естественное плодородие почв	C_{111}	0,75	1
Обеспеченность посевов минеральными удобрениями	C_{1121}	0,88	0,5
Обеспеченность посевов органическими удобрениями	C_{1122}	0,9	0,5
Внесение пестицидов	C_{113}	0,8	0,1
Обеспеченность семенами	C_{121}	0,93	1
Качество семян	C_{122}	0,75	0,5
Исправность техники в растениеводстве	C_{131}	0,85	0,8
Современность техники в растениеводстве	C_{132}	0,75	0,3
Обеспеченность работниками в растениеводстве	C_{141}	0,95	1
Производительность труда работников в растениеводстве	C_{1421}	0,85	0,5
Квалификация работников в растениеводстве	C_{1422}	0,9	0,3
Приплод	C_{2111}	0,99	0,5
Стельность скота	C_{2112}	0,89	0,5
Излечиваемость скота	C_{2121}	0,95	0,5
Сохранность скота	C_{2122}	0,87	0,5
Обеспеченность покупными кормами	C_{221}	0,8	0,9
Обеспеченность собственными кормами	C_{222}	0,95	0,1
Животноводческие помещения и оборудование	C_{23}	0,66	0,3
Обеспеченность работниками в животноводстве	C_{241}	0,99	1
Производительность труда работников в животноводстве	C_{2421}	0,75	0,5
Квалификация работников в животноводстве	C_{2422}	0,88	0,3
Сохранность продукции	C_{31}	0,97	1
Качество продукции	C_{32}	0,37	0,3
Обеспеченность работниками в реализации продукции	C_{331}	0,9	1
Производительность труда работников в реализации продукции	C_{3321}	0,9	0,5
Квалификация работников в реализации продукции	C_{3322}	1	0,3

Примечание. Собственная разработка автора на основе проведенных исследований.

Таблица 3 – Финансовый и производственный потенциал сельскохозяйственной организации, рассчитанный по предлагаемой агрегированной методике оценки финансового потенциала аграрного бизнеса

Показатель	Расчетное значение
Финансовый потенциал сельскохозяйственной организации	0,5027
Производственный потенциал растениеводства	0,4482
Производственный потенциал животноводства	0,5699
Потенциал реализации сельскохозяйственной продукции	0,6917

Примечание. Собственная разработка автора на основании расчетов по предлагаемой методике.

сельскохозяйственной организации составило 0,5027, это означает что финансовый потенциал организации реализован не полностью. Следовательно, полученное значение означает способность

организации выполнять свои финансовые задачи (генерировать доход) в неполном объеме, т.е. частично реализованный финансовый потенциал, т.к. является промежуточным в диапазоне [0,1].

Рисунок 1 – Ресурсный потенциал сельскохозяйственной организации

Примечание. Собственная разработка автора на основании расчетов по предлагаемой методике.

Такая ситуация возникла по причине неполного использования производственного потенциала растениеводства ($\chi(C_1)=0,4482$), производственного потенциала животноводства ($\chi(C_2)=0,5699$) при потенциале реализации сельскохозяйственной продукции – $\chi(C_3)=0,6917$. Следовательно, по каждому из направлений производственно-хозяйственной деятельности возможно внесение изменений для улучшения финансовой ситуации субъекта аграрного бизнеса. Полученный агрегированный показатель финансового потенциала комплексно характеризуют ситуацию, понятен для практического использования специалистами различного уровня управления в аграрной сфере и позволяет принимать на этой основе обоснованные финансовые решения. Разработанная методика может быть дополнена базами знаний (дополнительными компонентами), т.е. оценивание может углубляться за счет внесения в систему новых компонентов, расширяющих нижний уровень иерархии. Это позволит более детально объяснять условия, определившие рассчитанный уровень финансового потенциала организации.

В результате расчетов по предлагаемой методике может быть сформирована информационно-аналитическая информация о ресурсном потенциале сельскохозяйственной организации по отдельным видам ее ресурсов (рисунок 1) для принятия обоснованных управленческих реше-

ний о необходимости их изменения за счет входящих денежных потоков.

Анализ и оценка ресурсного потенциала сельскохозяйственной организации в рамках предлагаемой методики позволяет:

- оценить функциональность ресурсов сельскохозяйственной организации по видам;
- обосновывать необходимость инвестирования в конкретные виды ресурсов;
- выбирать обоснованные направления инвестирования и формировать различные варианты программ развития субъекта аграрного бизнеса за счет улучшения различных ресурсов либо их любой комбинации;
- прогнозировать объемы входящих денежных потоков для формирования ресурсного потенциала сельскохозяйственной организации;
- прогнозировать объемы выходящих денежных потоков в результате изменения ресурсного потенциала сельскохозяйственной организации;
- рассчитывать прирост финансового потенциала сельскохозяйственной организации за счет изменения ее ресурсного потенциала.

Возможности разработанной методики агрегированной оценки финансового потенциала субъектов аграрного бизнеса для управленческих целей представлены на рисунке 2.

Таким образом, применение логико-математического моделирования позволило разработать методику агрегированной оценки финансового

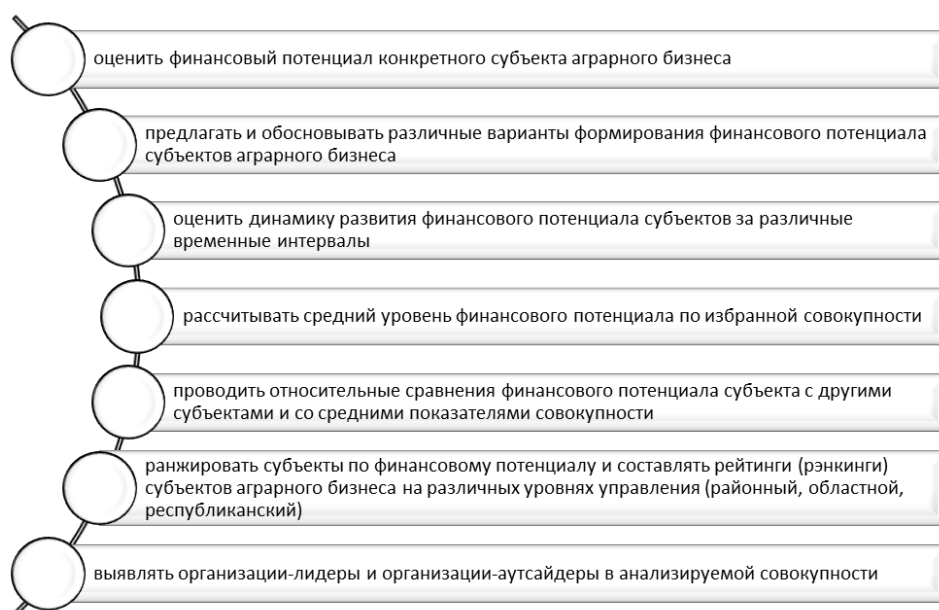

Рисунок 2 – Возможности разработанной методики агрегированной оценки финансового потенциала аграрного бизнеса

Примечание. Собственная разработка автора на основании расчетов по предлагаемой методике.

потенциала субъектов аграрного бизнеса, которая предоставляет широкие возможности для управленческих целей и обладает преимуществами перед уже известными методиками для оценки финансового потенциала.

Заключение. Агрегированные оценки удобны для принятия управленческих решений, ведь они позволяют охарактеризовать ситуацию на основе единого показателя, который выражает внутрисистемные зависимости между компонентами системы. Предлагаемая методика агрегированной оценки финансового потенциала аграрного бизнеса базируется на том, что финансовый потенциал является выражением производственного потенциала сельскохозяйственной организации, который в свою очередь зависит от ресурсного потенциала. В конечном итоге изменения количества и качества ресурсов организации за счет вложения в них финансовых ресурсов приводят к изменению финансового потенциала организации.

В основе разработанной автором методики агрегированной оценки финансового потенциала аграрного бизнеса лежит применение нового для оценки эффективности аграрного бизнеса логико-аксиологического подхода. Содержательная сторона методики агрегированной оценки финансового потенциала аграрного бизнеса состоит в определении финансового потенциала субъекта аграрного бизнеса исходя из предложенных коли-

чественных показателей компонентов, его формирующих. Предложенная методика включает: 1) смоделированную покомпонентную структуру и устойчивые внутрисистемные взаимосвязи субъекта аграрного бизнеса для формирования его финансового потенциала; 2) определенную систему ценностей и функциональности каждого из компонентов, формирующих финансовый потенциал субъекта аграрного бизнеса; 3) выявленные зависимости преобразования фактической базы знаний в итоговые результаты.

В отличие от существующих, данная методика позволяет измерить финансовый потенциал с учетом внутрисистемных взаимосвязей, ценностей и функциональности формирующих его компонентов, а также определить необходимые изменения в ресурсах субъекта аграрного бизнеса для наилучшей реализации финансового потенциала.

Применение методики позволяет провести оценку финансового потенциала и планировать входящие денежные потоки для управляемого изменения выходящих денежных потоков субъектов аграрного бизнеса, что позволит повысить уровень обоснованности финансирования инвестиций в аграрном бизнесе из разных источников.

Активными пользователями методики агрегированной оценки финансового потенциала аграрного бизнеса могут стать: во-первых, сами субъекты аграрного бизнеса – для принятия обоснованных

управленческих решений по повышению эффективности их хозяйственно-финансовой деятельности; во-вторых, органы государственного управления на макроуровне и региональном уровне – для относительного сравнения финансовых потенциалов различных субъектов аграрного бизнеса друг с другом и в среднем по совокупности в целях повышения качества управления финансовым развитием аграрного сектора; в-третьих, инвесторы – для принятия решений о возможности, необходимости, целесообразности и эффективности вложения денежных средств в инвестиционные проекты по развитию аграрного бизнеса.

Литература

1. Брызгалова, Е.В. Особенности оценки финансового потенциала строительных компаний / Е.В. Брызгалова // Экономика и социум. – 2018. – № 3(46). – С. 155–169.
2. Канкиа, А.Г. Финансовый потенциал деятельности компаний [Электронный ресурс] / А.Г. Канкиа // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2013. – № 3. – Режим доступа: <https://ekonomika.snauka.ru/2013/03/1677> – Дата доступа: 05.01.2024.
3. Гребенникова, В.А. Методы оценки финансового потенциала предприятия / В.А. Гребенникова, М.А. Кирокосян, А.А. Мартиросян // РППЭ. – 2019. – №7 (105). – С. 136–143.
4. Кот, Н.Г. Финансовый потенциал как интегральный показатель будущего развития предприятия / Н.Г. Кот // Вестн. БарГУ. Сер. Ист. науки и археология. Экон. науки. Юрид. науки. – 2018. – Вып. 6. – С. 76–84.
5. Сухова, Л.Ф. Финансовый потенциал предприятия: понятие, сущность, методы измерения / Л.Ф. Сухова // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2016. – № 12(294). – С. 2–11.
6. Хомякова, А.А. Методика оценки финансового потенциала экономических систем микроуровня / А.А. Хомякова, А.Г. Кайгородов // Аудит и финансовый анализ. – 2014. – № 3. – С. 167–174.
7. Чараева, М.В. Управление финансово-экономическим потенциалом организации / М.В. Чараева, А.В. Палеев // Финансовые исследования. – 2014. – № 3(44). – С. 109–118.
8. Çera, G. Improving financial capability: the mediating role of financial behaviour / G. Çera, K.A. Khan, A. Mlouk, T. Brabenec // Economic Research-Ekonomska Istraživanja. – 2021. – Vol. 34, № 1. – P. 1265–1282.
9. Nam, Y. Financial Capability and Financial Planning at the Verge of Retirement Age / Y. Nam, C. Loibl // J Fam Econ. – 2021. – Iss. 42. – P. 133–150.
10. Богатырёва, В.В. Финансовый потенциал как новая экономическая категория в финансовой науке / В.В. Богатырёва, Д.А. Панков, М.П. Самоховец // Бухгалтерский учёт и анализ. – 2022. – № 2. – С. 10–22.
11. Самоховец, М.П. Управление финансовым потенциалом в системе финансового менеджмента / М.П. Самоховец // Бизнес. Образование. Экономика: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 6–7 апр. 2023 г. / редкол.: В.В. Манкевич [и др.]. – Минск: Ин-т бизнеса БГУ, 2023. – С. 246–250.
12. Самоховец, М.П. Управление финансовым потенциалом аграрного сектора экономики / М.П. Самоховец // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XXIV Междунар. науч. конф., Минск, 19–20 окт. 2023 г.: в 3 т. / М-во экономики Респ. Беларусь, Науч.-исслед. экон. ин-т М-ва экономики Респ. Беларусь; редкол.: Н.Г. Берченко [и др.]. – Минск: НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь, 2023. – Т. 2. – С. 219–220.
13. Самоховец, М.П. О методических подходах к оценке финансового потенциала аграрного бизнеса / М.П. Самоховец // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. – 2023. – № 6. – С. 68–80.
14. Самоховец, М.П. Подходы к оценке производственного потенциала организаций АПК / М.П. Самоховец // Техника и технология пищевых производств: материалы XV Юбил. Междунар. науч.-техн. конф., Могилев, 19–20 апр. 2023 г.: в 2 т. / Учреждение образования «Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий»; редкол.: А.В. Акулич (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: БГУТ, 2023. – Т. 2. – С. 282–283.
15. Самоховец, М.П. Характеристика денежных потоков экономических субъектов в концепции финансового потенциала / М.П. Самоховец // Право. Экономика. Психология. – 2023. – № 1(29). – С. 48–52.
16. Аршинский, Л.В. Логико-аксиологический подход к оценке состояния систем / Л.В. Аршинский // Современные технологии. Моделирование. – 2013. – № 3(39). – С. 140–146.
17. Аршинский, В.Л., Методика экспертного оценивания качества функционирования производственно-экономических систем на основе знаний технологий / В.Л. Аршинский, Л.В. Аршинский, Х. Доржсурэн // Вестн. ИрГТУ. – 2018. – № 3(134). – С. 63–78.
18. Самоховец, М.П. Количественная оценка ресурсов сельскохозяйственных организаций Республики Беларусь в региональном аспекте / М.П. Самоховец // Право. Экономика. Психология. – 2023. – № 3(31). – С. 41–47.

Поступила в редакцию 08.02.2024

Об оценке гендерного неравенства в Беларуси в контексте международных сравнений

Чёрный В.П., Бельская А.А.

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»

Данная публикация посвящена исследованию международных показателей гендерного неравенства.

Целью статьи является оценка и анализ гендерного неравенства в Республике Беларусь в контексте международных сравнений со странами с переходной экономикой.

Материал и методы. Информационно-эмпирическую базу составили публикации ключевых международных организаций в области исследования гендерного неравенства. В работе применялись методы экономического и статистического анализа и оценки результатов.

Результаты и их обсуждение. Проведено исследование показателей гендерного неравенства. Эти критерии предоставляют обширную информацию о различных аспектах жизни женщин и их положении в обществе. Сделан акцент на институциональных основах гендерного неравенства. Осуществлен сравнительный анализ позиций Республики Беларусь в этих рейтингах в сопоставлении со странами-соседями и партнёрами по ЕАЭС, что весьма важно для понимания процессов, протекающих в белорусской экономике.

Заключение. Созданная международная научно-методическая база с использованием гендерных индикаторов позволяет измерить гендерное неравенство в количественных и качественных параметрах, построить рейтинги, проследить динамику, изучить тенденции, оценить взаимосвязь с другими жизненно важными процессами (социальными, экономическими, коммуникационными, политическими). Результаты, приведённые в исследовании, могут быть использованы в разработке гендерной политики, направленной на смягчение гендерного неравенства в Республике Беларусь.

Ключевые слова: гендерное неравенство, гендерная политика, показатели гендерного неравенства, гендерная экономика.

On Assessing Gender Inequality in Belarus in the Context of International Comparisons

Chorny V.P., Belskaya A.A.

Education Establishment «Vitebsk State Technological University»

This article deals with the study of international indicators of gender inequality.

The purpose of the article is to assess and analyze gender inequality in the Republic of Belarus in the context of international comparisons with countries with economies in transition.

Material and methods. The information and empirical base consisted of publications of key international organizations in the field of gender inequality research. The work used methods of economic and statistical analysis and evaluation of results.

Findings and their discussion. A study was conducted on indicators of gender inequality. These criteria provide extensive information about various aspects of women's lives and their position in society. Emphasis is placed on the institutional foundations of gender inequality. A comparative analysis of the positions of the Republic of Belarus in these ratings in comparison with neighboring countries and partners in the EAEU was carried out, which is very important for understanding the processes taking place in Belarusian economy.

Conclusion. The created international scientific and methodological base using gender indicators makes it possible to measure gender inequality in quantitative and qualitative parameters, build ratings, track dynamics, study trends, and assess the relationship with other vital processes (social, economic, communication, political). The results presented in the study can be used in the development of gender policies aimed at mitigating gender inequality in the Republic of Belarus.

Key words: gender inequality, gender policy, indicators of gender inequality, gender economy.

В марте 2020 г. выступая в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке перед участниками специального мероприятия, посвящённого Международному женскому дню, Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш заявил: «Существование гендерного неравенства в наше время – это огромная несправедливость и самая большая проблема в сфере прав человека» [1].

Проблема гендерного неравенства является одной из самых актуальных в настоящее время и находит своё отражение в Декларации тысячелетия и в Целях устойчивого развития.

В 2023 году Нобелевским лауреатом по экономике стала профессор Гарварда и научный сотрудник Национального бюро экономических исследований США Клаудия Голдин. Её вклад в науку

Таблица 1 – Позиции стран в международных рейтингах гендерного равенства

Наименование рейтинга	GGI		GII		SIGI		WPS		WBL	
	место	знач.	место	знач.	место	знач.	место	знач.	место	знач.
Латвия	13	0,794	39	0,142	19	12,8	20	0,872	1–14	100
Литва	9	0,800	30	0,098	17	12,3	16	0,886	30–35	93,8
Польша	60	0,722	31	0,105	44	18,5	27	0,859	30–35	93,8
Украина	66	0,714	48	0,188	34	16,3	117	0,626	69–76	85,0
Армения	61	0,721	50	0,198	67	23,7	48	0,772	45–49	87,5
Беларусь	41	0,752	29	0,096	не представл.		69	0,733	121–122	75,6
Казахстан	62	0,721	42	0,177	59	20,9	70	0,729	121–122	75,6
Кыргызстан	84	0,700	81	0,345	83	29,4	95	0,673	116–117	76,9
Россия	не представл.		43	0,178	не представл.		56	0,752	134	73,1
Число стран в рейтинге	146		170		179		177		190	
Год публикации	2023		2024		2023		2023		2024	

Источник: [2–6].

связан с новыми подходами к оценке и объяснению причин гендерного неравенства на рынке труда.

Важным пунктом в анализе гендерной дифференциации является исследование международных индексов оценки гендерного неравенства, созданных международным экспертным сообществом.

Материал и методы. Информационно-эмпирическую базу исследования составили публикации ключевых международных организаций в области изучения гендерного неравенства:

1. Глобальный индекс гендерного разрыва (Global Gender Gap Index, GGI).
2. Индекс гендерного неравенства (Gender Inequality Index, GI).
3. Индекс социальных институтов и гендера (Social Institutions and Gender Index, SIGI).
4. Индекс «Женщины, мир и безопасность» (The Women, Peace and Security Index, WPS Index).
5. Индекс «Женщины, бизнес и право» (Women, Business and the Law).

Результаты и их обсуждение. Рассмотрим особенности составления каждого из вышеперечисленных индексов и позиции, которые занимает в них Республика Беларусь в сравнении с нашими странами-соседями, а также партнерами по ЕАЭС.

1. Глобальный индекс гендерного разрыва (Global Gender Gap Index, GGI) был разработан Всемирным экономическим форумом (World Economic Forum) в 2006 году. В настоящее время является самым цитируемым индексом, позволяющим отслеживать прогресс разных государств в вопросах гендерного равенства.

GGI даёт количественную оценку масштабов гендерного неравенства по 14 различным переменным в четырех ключевых областях: здравоохранение, уровень образования, экономическое участие и расширение политических прав и возможностей и позволяет отслеживать прогресс во времени.

Летом 2023 года экспертами Всемирного экономического форума был опубликован очередной ежегодный отчёт о гендерном равенстве Global Gender Gap Report 2023 [2]. За последние два года Беларусь опустилась в данном рейтинге на восемь позиций, сперва с 33-го на 36-е место, а затем на 41-е место. При том, что сейчас в рейтинге отображается 146 стран, а в предыдущем было 156 государств. Однако среди стран – членов ЕАЭС Беларусь по-прежнему остается лидером по общему уровню гендерного равенства. Позиции остальных рассматриваемых стран отображены в сводной таблице 1.

По мнению экспертов Всемирного экономического форума, у женщин в Беларуси отмечаются высокие возможности участия в экономике. Однако политические возможности оцениваются негативно. Невысокое место по уровню образовательных возможностей скорее объясняется в целом благополучной ситуацией в большинстве стран мира.

В докладе Global Gender Gap Report измеряется неблагоприятное положение женщин по сравнению с мужчинами. При этом индекс GGI ранжирует страны по гендерному равенству, а не по расширению прав и возможностей женщин.

2. Индекс гендерного неравенства (Gender Inequality Index, GII) составляется Программой развития Организации Объединённых Наций (ПРООН). Впервые он был опубликован в 2013 году в ежегодном Отчёте о развитии человечества.

Индекс GII представляет собой совокупный показатель гендерного неравенства по трём измерениям:

а) репродуктивное здоровье – зависит от уровня материнской смертности и подростковых беременностей;

б) расширение прав и возможностей женщин – измеряется двумя показателями: долей мест в парламенте, занимаемых представителями каждого пола, и уровнем достижения высшего образования;

в) участие женщин на рынке труда – определяется тем, сколько мужчин и женщин старше 15 лет задействованы в рынке труда.

ПРООН считает эти измерения взаимодополняющими, поскольку неравенство в одном измерении имеет тенденцию влиять на неравенство в другом.

Цель GII заключается в количественной оценке или определении стоимости гендерного равенства с точки зрения развития человеческого потенциала. Чем выше значение индекса, тем больше неравенство между женщинами и мужчинами и тем больше потери для человеческого развития, и наоборот, чем ниже значение индекса, тем выше в стране уровень равноправия.

Последний рейтинг, опубликованный весной 2024 года, рассчитан для 170 стран [3]. Ещё 21 страна ООН отсутствует в этом рейтинге из-за отсутствия достоверной информации. Самые высокие позиции в данном рейтинге занимают Дания, Норвегия и Швейцария. Это страны, в которых гендерное неравенство проявляется меньше всего.

В данном рейтинге Беларусь занимает 29 место из 170 стран, представленных в нем [3]. Следует отметить, что это самая высокая позиция, которую занимает наша республика во всех рассматриваемых нами рейтингах. Более того, в этом рейтинге Беларусь опережает все рассматриваемые в рамках данной статьи страны. Основной вклад в это даёт коэффициент материнской смертности, который имеет в Беларуси самое низкое значение в мире. Позиции остальных рассматриваемых стран в индексе GII представлены в сводной таблице 1.

На последних строчках данного рейтинга – Нигерия, Папуа-Новая Гвинея, Йемен.

Индекс гендерного неравенства рассматривается в качестве одного из ключевых показателей

социального развития, так как показывает уровень гендерного разрыва, который существует в тех или иных странах между женщинами и мужчинами в разных областях. Результаты исследования используются для расчёта Индекса человеческого развития (Human Development Index), выпускаемого Организацией Объединённых Наций (ООН).

3. Индекс социальных институтов и гендера (Social Institutions and Gender Index, SIGI) составляется Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) с 2009 года и представляет собой межстрановой показатель дискриминации в отношении женщин в социальных институтах. SIGI охватывает основные социально-экономические области, которые затрагивают женщин и девочек на протяжении всей их жизни, и представляет собой невзвешенный сводный индекс, состоящий из четырёх субиндексов:

а) дискриминация в семье;

б) ограничение физической неприкосновенности;

в) ограниченный доступ к производственным и финансовым ресурсам;

г) ограничение гражданских свобод.

Каждый субиндекс включает в себя несколько подпунктов, так что индекс оценивает страны в целом по 16 показателям и 25 основным переменным. В рамках этих аспектов изучаются различия между женщинами и мужчинами с точки зрения прав и возможностей, отраженные в законодательстве, практике и подходах.

Индекс социальных институтов и гендера (SIGI) документирует сохранение и распространённость гендерной дискриминации в странах, находящихся на разных этапах развития. Значения SIGI варьируются от 0 до 100 баллов, где 0 указывает на отсутствие дискриминации, а 100 указывает на абсолютную дискриминацию в отношении женщин.

Целью SIGI является поддержка разработки политики путём предоставления качественных данных лицам, ответственным за политику и принятие решений, экспертам и исследователям, международным и благотворительным организациям, а также общественности в целом.

В 2023 году Организация экономического сотрудничества и развития опубликовала 5-е издание Индекса социальных институтов и гендера (SIGI). Оно охватывает 179 стран по сравнению со 180 странами в 2019 году [4].

Страны разделены на пять групп в соответствии с их показателем SIGI:

1) очень низкий уровень дискриминации ($0 < \text{SIGI} < 20$) – включает 55 стран;

2) низкий уровень дискриминации ($20 < \text{SIGI} < 30$) – включает 30 стран;

3) средний уровень дискриминации ($30 < \text{SIGI} < 40$) – включает 18 стран;

4) высокий уровень дискриминации ($40 < \text{SIGI} < 50$) – включает 19 стран;

5) очень высокий уровень дискриминации ($50 < \text{SIGI} < 100$) – включает 18 стран.

Первые три места в рейтинге занимают соответственно Норвегия, Бельгия и Швеция. Страны – члены ЕАЭС: Армения, Казахстан и Кыргызстан имеют значение SIGI соответственно 23,7, 20,9 и 29,4 балла, и все относятся к группе стран с низким уровнем дискриминации ($20 < \text{SIGI} < 30$). В этом рейтинге Казахстан находится на 59-м месте, Армения – на 67-м, Кыргызстан – на 84-м. Беларусь и Россия в данном рейтинге не представлены. Все наши соседи: Литва, Латвия и Украина относятся к группе стран с очень низким уровнем дискриминации ($0 < \text{SIGI} < 20$), и занимают соответственно 17-е, 19-е и 34-е место.

Рассмотренные выше индексы гендерного равенства, такие как GGI и GPI направлены на измерение лишений и неравенства между мужчинами и женщинами на уровне результатов. Их внимание сосредоточено на верхней и видимой части айсберга, и они, как правило, включают меры, связанные с охватом мальчиков и девочек образованием, различиями в доходах и заработной плате, неравенством в доступе к медицинским услугам и т.д.

В свою очередь, SIGI изучает подводную или невидимую часть айсберга (дискриминационные нормы и социальные институты). Связь между SIGI и другими индексами гендерного равенства заключается в том, что дискриминационные социальные институты являются основной причиной гендерного разрыва, наблюдаемого на уровне результатов.

Целью SIGI является предоставление качественных данных лицам, ответственным за политику и принятие решений, экспертам и исследователям, международным и благотворительным организациям, а также общественности в целом.

4. Индекс «Женщины, мир и безопасность» (The Women, Peace and Security Index, WPS Index) публикуется с 2017 года раз в два года Джорджтаунским институтом женщин, мира и безопасности (GIWPS) и Центром по гендерным вопросам, миру и безопасности в Осло (PRIO) при поддержке Министерства иностранных дел

Норвегии. Данный индекс состоит из 13 показателей, классифицированных по трем измерениям: инклюзивность (экономическая, социальная, политическая); справедливость (формальная и неформальная дискриминация); и безопасность (на индивидуальном и общественном уровнях).

Согласно индексу WPS, лидерами рейтинга являются страны Европы, причем первое место занимает Дания. Остальные страны с наиболее комфортными условиями для женщин включают Швейцарию, Швецию, Финляндию, Исландию, Люксембург, Норвегию, Австрию и Нидерланды [5].

Беларусь заняла 69-ю строчку из 177 стран мира, включённых в данный рейтинг. В прошлом рейтинге WPS, составленном в 2021 году, наша страна была гораздо выше и занимала 38-ю строчку. Остальные страны члены ЕАЭС занимают следующие позиции: Армения – 48-е место, Казахстан – 70-е, Кыргызстан – 95-е, Россия – 56-е [5].

Из наших соседей Литва расположилась на 16-м месте, Латвия – на 20-м, Польша – на 27-м. Украина оказалась на 117-м месте – это на сегодня худший показатель в Европе. Составители рейтинга WPS говорят о корреляции между участием страны в вооруженных конфликтах и показателем индекса: страны, где женщины живут хорошо, как правило, являются странами, где женщины не вовлечены в военные действия.

Исходя из данных индекса, можно сделать вывод, что наилучшие условия для женщин, как правило, предоставляются в мирных, демократических и процветающих государствах, способных быстро адаптироваться к изменениям, таким как изменение климата. Однако сегодняшний мир сталкивается с разнообразными кризисами, такими как пандемия COVID-19 и военные конфликты, которые угрожают положению женщин в обществе и могут стереть десятилетия прогресса.

Индекс WPS можно использовать для отслеживания тенденций, руководства для разработки политики и привлечения правительств к ответственности за их обещания продвигать права женщин и возможности.

5. Исследование Всемирного банка «Женщины, бизнес и право» (Women, Business and the Law) измеряет правовые различия между доступом мужчин и женщин к экономическим возможностям в 190 странах мира. В марте 2024 года вышло десятое его издание в серии исследований «Женщины, бизнес и право, 2024» [6].

В отчёте представлены 35 аспектов закона, которые оцениваются по восьми показателям.

Таблица 2 – Ранжирование стран с переходной экономикой по занятым местам в международных рейтингах гендерного равенства

	GGI	GII	SIGI	WPS	WBL	Сумма баллов	Итоговое место
Латвия	2	4	2	2	1	11	2
Литва	1	2	1	1	2	7	1
Польша	4	3	6	3	2	18	3
Украина	7	7	3	9	5	31	6
Армения	5	8	8	4	4	29	5
Беларусь	3	1	4*	6	7	21	4
Казахстан	6	5	7	7	7	32	7
Кыргызстан	9	9	9	8	6	41	9
Россия	8*	6	5*	5	9	33	8

Источник: собственная разработка.

Каждый показатель представляет собой отдельный этап трудовой жизни женщин. Данные показатели построены на основе взаимодействия женщин с законом по мере их продвижения по жизни и карьере: мобильность, рабочее место, оплата, брак, родительство, предпринимательство, активы и пенсия.

Оценки на уровне индикатора получаются путём расчёта невзвешенного среднего значения вопросов в рамках этого индикатора и масштабирования результата до 100. Затем общие баллы рассчитываются путём взятия среднего значения каждого индикатора, где 100 представляет собой максимально возможный балл.

Если проранжировать страны мира в порядке убывания значения индекса «Женщины, бизнес и право», то для стран – членов ЕАЭС мы получим следующие результаты: Армения – 45-е место, Беларусь и Казахстан – 121-е место, Кыргызстан – 116-е место, Россия – 134-е место из 190 стран, представленных в данном рейтинге.

Важнейшая проблема, согласно данному исследованию, заключается в том, что во многих странах внедряют правильные законы, но на практике они плохо работают, должным образом не исполняются.

Проранжируем позиции, занятые странами в каждом из рейтингов. При этом 1 балл будет начисляться за первое место, 2 балла – за второе и т.д. Баллы, набранные каждой страной, отобразим в таблице 2. В некоторых текущих рейтингах не нашли отражение отдельные страны. В частности, в последнем рейтинге GGI не представлена Россия, а в SIGI – Россия и Беларусь. Для наших расчётов будем использовать данные

из этих рейтингов прошлых лет: в рейтинге GGI в 2021 г. Россия занимала 81-е место (0,708); рейтинге SIGI в 2019 г. Беларусь занимала 35-е место (21%), Россия – 39-е (21%).

Данные таблицы 2 свидетельствуют, что наилучшая ситуация с гендерным равенством среди рассмотренных стран с переходной экономикой отмечается в прибалтийских государствах: Литве и Латвии, затем идёт Польша. Среди стран – членов ЕАЭС лучше всего ситуация с гендерным равенством обстоит в Беларуси (сумма набранных баллов меньше всего), немногим хуже ситуация наблюдается в Армении, ещё чуть хуже и примерно схожая ситуация отмечается в Казахстане и России, и самые большие проблемы с гендерным равенством в Кыргызстане.

На наш взгляд, исключение России и Беларуси из последнего рейтинга SIGI, а также России из рейтинга GGI обусловлено, скорее всего, политическими факторами. Намечившаяся тенденция может привести к дальнейшему снижению позиций этих стран в международных гендерных рейтингах, а то и вовсе к возможному исключению данных стран из некоторых других рейтингов.

В Республике Беларусь согласно Национальному плану действий по обеспечению гендерного равенства под гендерной политикой понимается комплекс правовых и организационно-административных мер национального и регионального уровней, направленных на достижение и сохранение юридического и фактического равенства мужчин и женщин, а также предоставление равных возможностей женщинам и мужчинам (девочкам и мальчикам) для самореализации и развития во всех сферах общественных отношений [8].

В настоящее время в стране продолжают проводиться мероприятия, ориентированные на решение приоритетных задач гендерной политики. Особенность Беларуси заключается в том, что женщин в целом не ограничивают в доступе к рынку труда. Наиболее высока доля занятых женщин в сфере услуг (73,6%). Даже наоборот, государство максимально заинтересовано в том, чтобы каждый гражданин вне зависимости от пола был трудоустроен в условиях дефицита рабочей силы [7]. Активное участие женщин в экономике отчасти связано с превышением спроса на рабочую силу над ее предложением, которое наблюдается в Беларуси. Ситуация на рынке труда особенно обострилась в последние несколько лет, когда белорусы, в основном до 40 лет, стали массово покидать страну. Поэтому власти стараются максимально вовлечь в экономическую деятельность все население трудоспособного возраста.

В то же время доступ женщин на рынок труда по-прежнему имеет определенные ограничения. Далеко не всегда молодым девушкам легко устроиться на работу: работодатели опасаются, что они скоро уйдут в декрет, и в течение трех лет их будет сложно заменить. Таким образом, длительный декретный отпуск в Беларуси играет против женщин.

Также в нашей стране существует разница между уровнем заработных плат мужчин и женщин, в 2019 году он составил 26,9 процента [8]. Однако сегодня данный разрыв в большей или меньшей степени характерен для многих стран.

Условия декретного отпуска являются и одной из причин, по которым женщины в Беларуси имеют меньше возможностей для карьерного роста, чем мужчины. Поскольку в Беларуси не принято, чтобы маленькими детьми занимались отцы, отпуск по уходу за ребенком обычно предоставляется матерям. Помимо этого, женщины на пять лет раньше выходят на пенсию, что ограничивает время, в течение которого можно построить карьеру.

Наряду с этим в Беларуси не созданы благоприятные условия для женщин в области построения карьеры и занятия высших руководящих должностей на госслужбе. Очевидно, что на государственной службе немногим женщинам удалось занять высокие должности.

Представительство женщин в системе органов исполнительной власти крайне низкое. По состоянию на начало апреля 2024 года среди пяти заместителей премьер-министра нет ни одной

женщины. Посты министров в 22 министерствах занимают мужчины, а в двух министерствах (Мининформ и Минтруда и соцзащиты) эти должности остаются вакантными. Исходя из данных “Global Gender Gap Report 2023”, Беларусь можно причислить к тем 75 странам, где доля женщин-министров составляет менее 20%.

В 2024 году депутатами Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь восьмого созыва стали 37 женщин, что составляет 33,6% общего состава (в 2013 году – 26,6%).

В других сферах также растет представительство женщин. Например, с 2018 по 2022 год доля женщин-предпринимателей выросла с 31,5% до 36,4%, доля женщин среди руководителей учреждений высшего образования – с 9,8% до 14% [9].

С учетом того, что в Беларуси очень сильны позиции государственного аппарата и исходя из проведенного анализа, можно предположить, что хотя по общим критериям гендерного равенства республика имеет высокие показатели, принятие управленческих решений на государственном уровне в Беларуси – остается преимущественно мужской прерогативой.

Однако, следует отметить, что наше государство принимает меры в достижении гендерного равенства в общем в сфере управления, к тому же уже на данном этапе наблюдается позитивный тренд по направлению к гендерному равенству.

Заключение. Таким образом, созданная международная научно-методическая база с использованием гендерных индикаторов позволяет измерить гендерное неравенство в количественных и качественных параметрах, построить рейтинги, проследить динамику, изучить тенденции, оценить взаимосвязь с другими жизненно важными процессами (социальными, экономическими, коммуникационными, политическими) [10].

В любом случае международные гендерные рейтинги показывают, что неравенство между женщинами и мужчинами в Беларуси сохраняется. Нам предстоит предпринять еще немало усилий, чтобы приблизиться к позиции лидеров этих рейтингов.

Литература

1. Структура Организации Объединённых Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unwomen.org>. – Дата доступа: 15.03.2024.

2. Всемирный экономический форум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2023>. – Дата доступа: 15.03.2024.

3. Программа развития Организации Объединённых Наций (ПРООН) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023-24>. – Дата доступа: 15.03.2024.

4. Организация экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/stories/gender/social-norms-and-gender-discrimination/sigi>. – Дата доступа: 16.03.2024.

5. Джорджтаунский институт женщин, мира и безопасности (GIWPS) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://giwps.georgetown.edu/the-index>. – Дата доступа: 16.03.2024.

6. Исследование Всемирного банка «Женщины, бизнес и право» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wbl.worldbank.org/en/reports>. – Дата доступа: 16.03.2024.

7. Лузгина, А. Какое в Беларуси гендерное равенство? [Электронный ресурс] / А. Лузгина. – Режим доступа:

<https://thinktanks.by/publication/2023/08/10/kakoe-v-belarusi-gendernoe-ravenstvo.html>. – Дата доступа: 17.03.2024.

8. О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 дек. 2020 г., № 793. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=c22000793>. – Дата доступа: 17.03.2024.

9. Бучнева, Н. Доля женщин среди белорусских депутатов выросла [Электронный ресурс] / Н. Бучнева. – Режим доступа: <https://thinktanks.by/publication/2024/03/08/bisi-dolya-zhenschin-sredi-belorusskih-deputatov-vyroslo.html>. – Дата доступа: 17.03.2024.

10. Бельская, А.А. Международные индикаторы в оценке гендерного неравенства / А.А. Бельская, М.Д. Мацуганова, В.П. Чёрный // Материалы докладов 56-й Междунар. науч.-техн. конф. преподавателей и студентов: в 2 т. / УО «ВГТУ». – Витебск, 2023. – Т. 1. – 539 с.

Поступила в редакцию 12.04.2024

УДК 316.77:316.356.2-056.26-053.2

Уровни деформации межличностных отношений в семье, воспитывающей ребенка с особенностями психофизического развития

Слепкова В.И., Коженевская Е.Ю.

Институт психологии

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Актуальность исследования продиктована ростом числа детей, имеющих особенности психофизического развития (ОПФР) и необходимостью расширения и совершенствования психологической помощи семьям, воспитывающим таких детей. Изучение внутрисемейных процессов, связанных с трудностями подобных семей, позволит определять точки приложения внимания специалистов для эффективной помощи семьям.

Цель статьи – изучить деформации межличностных отношений в семье, воспитывающей ребенка ОПФР.

Материал и методы. Выборка: 161 человек (51 семья). Из них 72 нормотипичных ребенка в возрасте от 6 до 12 лет и 51 мать. Методики: «Цветовой тест отношений» (ЦТО) А.М. Эткинда, системный тест Геринга (FAST), метод незавершенных предложений Сакса-Леви в модификации М.А. Гусевой, полуструктурированное интервью с матерью, опросник «Взаимодействие родитель–ребенок» И.М. Марковской.

Результаты и их обсуждение. Исследование позволило выделить пять последовательных уровней нарушения внутрисемейного взаимодействия: разочарование, компенсация, сепарация, разобщение и вражда. На первых уровнях подвергается изменениям супружеская подсистема, затем тревога распространяется на детско-родительские и сиблинговые отношения.

Заключение. Особенности взаимодействия внутри супружеской подсистемы определяют эмоциональный климат внутри семьи. При возникновении любых нарушений взаимодействия в семьях, воспитывающих ребенка с ОПФР и нормотипичного ребенка, психологическая помощь должна быть организована с учетом психоземotionalного состояния родителей и их способов совладания со стрессом.

Ключевые слова: семья, семейный кризис, семейный стресс, дети с особенностями психофизического развития.

Stages of the Distortion of Interpersonal Relations in a Family Which Raises a Child with Psychophysical Disability

Slepkova V.I., Kozhenevskaya Ye.Yu.

Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University Institute of Psychology

The relevance of the study is dictated by the growing number of children with special needs and the need to expand and improve psychological assistance to families raising such children. The study of family processes associated with the difficulties of such families will allow us to determine the points of attention of specialists for effective assistance to families.

The purpose is to study the deformations of interpersonal relations in a family raising a child with special needs.

Material and methods. *The sample: 161 people (51 families). Of these, 72 were normal-typical children aged 6 to 12 and 51 were mothers. The methods: "Color Relationship Test" (CRT) by A.M. Etkind., Hering System Test (FAST), Sachs-Leary method of unfinished sentences modified by M.A. Guseva, a semi-structured interview with the mother, "Parent-Child Interaction" questionnaire I.M. Markovskaya.*

Findings and their discussion. *The study made it possible to identify five successive levels of disruption of family interaction: disappointment, compensation, separation, disunity and hostility. At the first levels, the marital subsystem undergoes changes, then anxiety spreads to child-parent and sibling relationships.*

Conclusion. *Features of interaction within the marital subsystem determine the emotional climate within the family. If any disturbances in interaction occur in families raising a child with psychophysical disabilities and a normal-typical child, psychological assistance should be organized taking into account the psycho-emotional state of the parents and their ways of coping with stress.*

Key words: *family, family crisis, family stress, children with psychophysical disabilities.*

В Республике Беларусь ежегодно увеличивается число случаев рождения детей с особенностями психофизического развития (ОПФР) [1]. Когда появляется ребенок, особенно первый, членам семьи приходится осваивать новые способы взаимодействия, возникают новые роли и обязанности, изменяется качество и направленность эмоциональных связей, иерархия семейных ценностей. Начинают складываться родительская подсистема, детско-родительские отношения. Таким образом возникает ситуация нормативного кризиса, преодоление которого требует изменений функционирования всех подсистем семьи и семьи в целом.

Выявление у ребенка особенностей развития добавляет напряженности в семейные отношения, переводит нормативный кризис в разряд ненормативных. Если нормативный кризис естественно возникает при переходе семьи с одного этапа жизненного цикла к другому, он ожидаем и предсказуем, то ненормативные кризисы отличаются своей внезапностью, уникальностью, интенсивностью переживаний, сопровождаются ростом внутриличностных и межличностных конфликтов, ощущением тревоги, напряженности и растерянности, которое переживают все члены семьи, как взрослые, так и дети. Наблюдается острый дефицит ресурсов для преодоления семейного кризиса. Возникает угроза существованию семьи. И даже в том случае сохранения семьи, ненормативные кризисы имеют склонность к затяжному течению [2].

Понятие семейного кризиса было введено в психологию в 1940-х гг. американским психологом R. Hill, и получило свое развитие в работах его последователей: D.H. Olson, P. Boss и другие. Семейный кризис представляет собой дезорганизацию системы, связанную с нехваткой ресурсов и необходимостью пересмотра ролей и обязанностей. Выходом из кризиса становится реорганизация системы в новой форме. В результате система

должна функционировать таким образом, чтобы в новых обстоятельствах ресурсов хватало для удовлетворения потребностей каждого из членов семьи [3].

В случае семейного кризиса эмоциональная нагрузка падает на всех членов семьи без исключения, создавая ситуацию семейного стресса. Семейный стресс – это такое состояние семейной системы, которое складывается в результате взаимодействия стрессовых реакций и копинг-стратегий каждого из членов семьи. Любой сильный индивидуальный стресс в перспективе перерастает в семейный [4]. Это обусловлено эмоциональной и территориальной близостью членов семьи, а также ролевой взаимозависимостью, требующей высокой согласованности.

Когда в семье появляется ребенок с ОПФР, стрессу подвержены, в первую очередь, родители. Со стороны сиблингов стресс носит вторичный характер, являясь реакцией на стресс родителей, особенно на поведение матери [5]. Многочисленные исследования позволили определить характерные деформации, которым подвергается супружеская система, стараясь адаптироваться к ситуации. К таким деформациям относятся: снижение уровня партнерства, повышение ригидности ролевых установок, разобщенность сфер функционирования, снижение самооценки, критическое восприятие партнера, искажение представлений о семейной жизни, повышенная частота конфликтов [6; 7].

Семейный кризис содержит потенциал и для позитивного развития, поскольку он заставляет членов семьи мобилизовать внутренние ресурсы. Повышая сплоченность, объединяя вокруг решения общей задачи, кризис способствует повышению коммуникативной компетентности и изменению жизненных установок на более зрелые и адаптивные [7].

Внутрисемейные процессы в ситуации наличия ребенка с ОПФР как целостное явление,

в котором задействован каждый из членов семьи, изучены недостаточно. При наличии большого количества сведений об изменениях внутри супружеских пар в литературе нет данных о том, как именно эти изменения отражаются на детско-родительских и сиблинговых отношениях. Системный подход к семье позволяет рассмотреть и описать процессы с точки зрения взаимодействия всех участников.

Материал и методы. Для того, чтобы описать реакцию семейной системы на наличие ребенка с ОПФР, на базе ОБО «Белорусский детский хоспис» нами было проведено исследование. Выборка составила 161 человека (51 семья). Из них 72 нормотипичных ребенка в возрасте от 6 до 12 лет и 51 мать. Возраст детей с особенностями развития от 4 до 18 лет. В исследовании принимали участие семьи, в которых есть дети с нарушениями в работе опорно-двигательного аппарата, сопровождающимися или не сопровождающимися интеллектуальными и речевыми нарушениями. Характер интеллектуальных нарушений не должен препятствовать контакту между ребенком с ОПФР и нормотипичным ребенком. Все семьи полные, проживают совместно.

В исследовании были отражены все основные компоненты отношения как между членами семьи, так и к семье: эмоциональный, когнитивный и поведенческий. Подбор методик осуществлялся таким образом, чтобы получить максимально полную картину взаимодействия между членами семьи.

Методики исследования: «Цветовой тест отношений» (ЦТО) А.М. Эткинда, системный тест Геринга (FAST), метод незаконченных предложений Сакса-Леви в модификации М.А. Гусевой, полуструктурированное интервью с матерью, опросник «Взаимодействие родитель–ребенок» И.М. Марковской.

Оценки качества супружеских отношений проводилась по трем параметрам: эмоциональный компонент отношения, отчужденность–близость и наличие открытых конфликтов [8].

Эмоциональная составляющая представлена шкалой «эмоциональная привлекательность» – отторжение, измерялась посредством методики «Цветовой тест отношений» (ЦТО) А.М. Эткинда.

Близость–отчужденность внутри диады оценивалась по расстоянию между фигурками отца и матери в трех репрезентациях: конфликтной, текущей и идеальной, при выполнении ребенком методики «Системный тест Геринга» (FAST).

Конфликтность измерялась показателями шкалы «воспитательная конфронтация» опросника «Взаимодействие родитель–ребенок» (ВРР) Е.И. Марковской.

Эти три компонента, представленные последовательно, отражают уровни нарушений межличностных отношений в супружеской паре.

Полученные данные были обработаны методом корреляционного анализа.

Результаты и их обсуждение. Сопоставив между собой показатели качества супружеских отношений и признаки нарушения внутрисемейных отношений на уровне детско-родительской и сиблинговой подсистем, мы выделили пять уровней деформации семейных отношений (рисунок).

1. *Разочарование.* На этом уровне происходят нарушения эмоциональных связей в супружеской паре. Мать переживает разочарование в супруге, семье, себе, для ребенка снижается значимость отца. Внешняя сторона взаимодействия не нарушена.

2. *Компенсация.* Второй уровень связан с отчуждением супругов друг от друга в ответ на конфликт. Отчуждение в ответ на конфликт – нормальное явление, но здесь играет роль величина дистанции.

На данном уровне ребенок отмечает отстраненность отца от матери и от ребенка с ОПФР. Тревога выходит за границы супружеской подсистемы и затрагивает детско-родительские отношения: уменьшается эмоциональная привлекательность нормотипичного ребенка для матери. При этом внешне она стремится сохранить и даже улучшить с ним отношения, проявляя больше близости и стремясь к большей последовательности.

Нарушения проявляются и в сиблинговой подсистеме: ребенок, используя тот же копинг, что и родители, отстраняется от сиблинга с ОПФР в конфликтной ситуации, ниже его оценивает, имеет более пассивную установку на помощь сиблингу. Одновременно он старается компенсировать это помощью по дому, поскольку склонен идентифицировать себя с семьей, что говорит о повышении уровня ответственности.

Поскольку здесь мы видим попытки со стороны матери и нормотипичного ребенка компенсировать поведением внутреннее недовольство ситуаций, мы можем предполагать, что и супруг на данном уровне будет стремиться взять больше ответственности за материальное благополучие, что одновременно позволит ему обоснованно отстраниться от семейного взаимодействия.

3. *Сепарация.* Уровень представлен как привычная отчужденность между супругами. Разделение сфер функционирования позволяет супругам избегать конфликтов.

Мать сохраняет последовательность в отношении к нормотипичному ребенку, но уже не стремится иметь с ним близкие отношения. Ребенок протестует против авторитета родителей и иерархии, воспринимая ее искаженно, то есть как доминирование, а не как опека слабого над сильным. Это говорит о наличии в семье борьбы за власть между супругами.

Ребенок транслирует негативные установки по отношению к сиблингу, отмечает отрицательное отношение к нему родителей, то есть на этом уровне родители не скрывают своего негативного отношения к проблеме.

4. *Разобщение.* Ребенок воспринимает дистанцию между супругами как позитивный признак. Отсутствие взаимодействия между членами семьи из признака конфликта или обычного положения вещей переходит в желательное поведение.

В данном случае страдает отношение матери к себе. Мать не ассоциирует семью ни с собой, ни с супругом. Это говорит об отсутствии семейной идентичности на уровне супружеской подсистемы. Проживая совместно, родители не воспринимают друг друга как членов одной семьи. Ребенок подчеркивает ведущую роль отца в конфликте.

Уровень последовательности в поведении матери по отношению к ребенку возрастает, что свидетельствует о переходе последовательности в ригидность.

Ребенок отмечает свою отстраненность от матери, от отца и от сиблинга с ОПФР. Нарушены отношения в сиблинговой подсистеме: ребенок выражает желание отстранить сиблинга от себя и от матери, он ниже оценивает сиблинга, считает, что к нему плохо относятся и родители, и окружающие, пессимистично воспринимает его будущее.

5. *Вражда.* Открытая конфронтация супругов указывает на низкую коммуникативную компетентность родителей и отказ от попыток справиться с тревогой своими силами.

Здесь страдает отношение матери к себе, супругу, семье. Полностью нарушено представление о семейной идентичности: даже дети здесь уже не связаны для матери с понятием «семья». Та семья, в которой она живет, не соответствует ее внутренним представлениям о семье. Мать недовольна ребенком, последовательность в ее собственном поведении сменяется контролем за поведением ребенка.

Нормотипичный ребенок отрицательно оценивает семью, отмечает нарушение отношений с матерью. В представлении об идеальной семье ребенок хочет видеть себя «маленьким», фрустрирована его потребность в безопасности. Он не ассоциирует сиблинга с семьей, старается избегать взаимодействия с ним, все параметры отношения к нему хуже, чем на предыдущей стадии.

Представляя параметры оценки супружеских отношений последовательно, можно отследить, как на самых первых уровнях внутри пары растет недовольство друг другом, связанное с ожиданием большего участия со стороны другого. Супруги стремятся изменить способы взаимодействия таким образом, чтобы снизить напряженность и избежать открытого проявления агрессии. В данном случае дистанция позволяет замедлить рост напряжения. Такой способ взаимодействия может стать привычным и желательным для членов семьи. Возможен и такой вариант, при котором открытые конфликты не пресекаются, а специально провоцируются для того, чтобы избавиться от внутреннего напряжения, поскольку другие члены семьи используются в качестве мишеней для агрессии. Это максимально эгоистичный и разрушительный способ поведения в объективно сложной ситуации.

Реорганизация системы возможна на каждом из описанных уровней. Члены семьи могут воспользоваться внутренними ресурсами и конструктивными способами совладания, такими как когнитивная переоценка ситуации, уменьшение тревоги, интернализация локуса контроля, повышение коммуникативной компетентности [9].

Заключение. В данной статье показано, как тревога, зарождаясь внутри супружеской подсистемы, распространяется на детско-родительские и сиблинговые отношения, интенсифицируя семейный кризис.

Родительская подсистема является ядром эмоциональной жизни семьи. Деформации внутри нее приводят к нарушениям во всех других сферах, включая сиблинговую и детско-родительскую. Поскольку любая система стремится к гомеостазу, члены семьи как можно дольше пытаются функционировать в привычном режиме, несмотря на необходимость изменений. Таким образом перемены некоторое время могут быть скрыты, но напряжение внутри системы нарастает. Пока родители способны бороться с тревогой, наличие ребенка с ОПФР не нарушает внутрисемейные отношения для нормотипичного

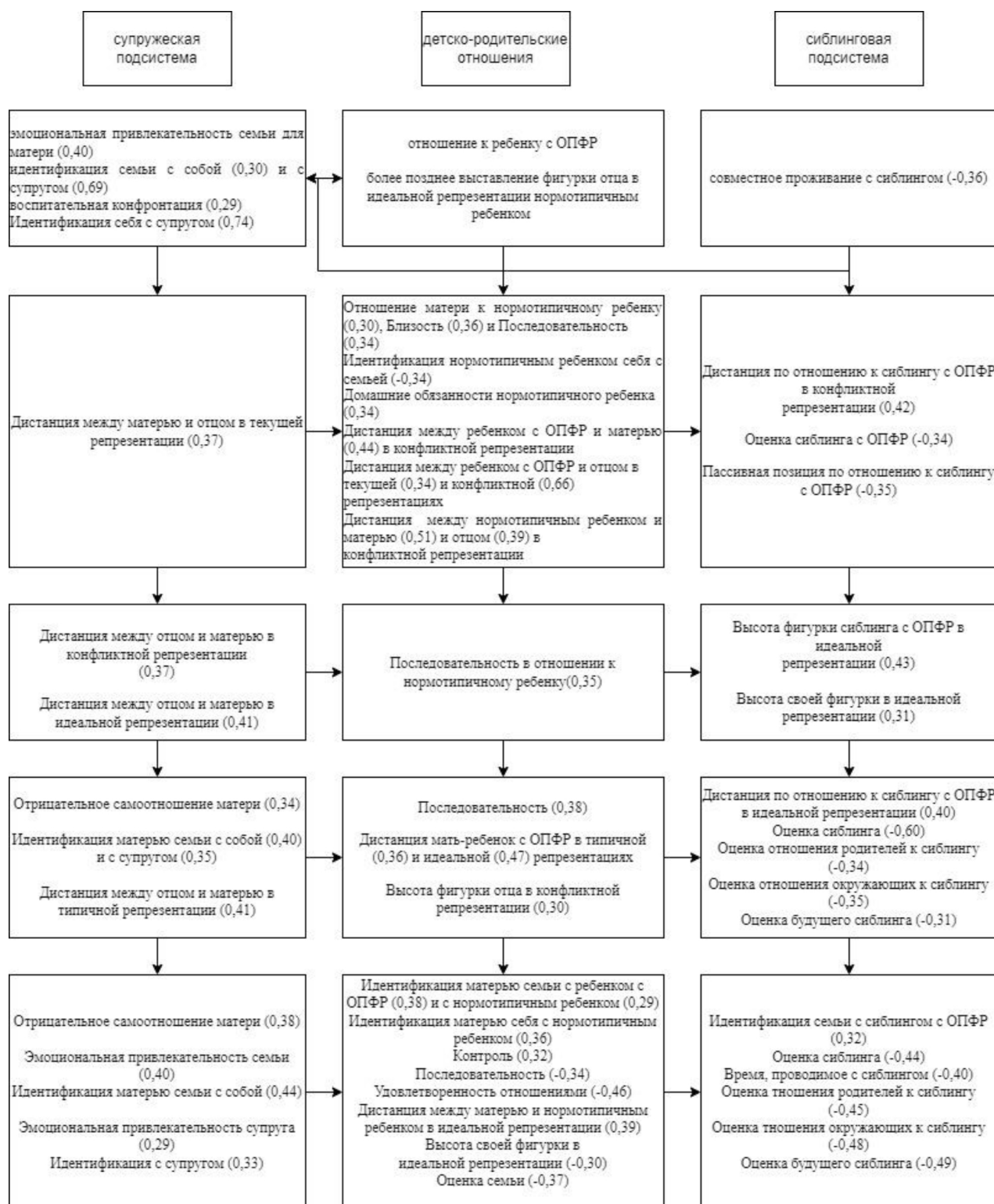

Рисунок – Динамика нарушений внутрисемейных отношений в семьях, воспитывающих нормотипичного ребенка и ребенка с ОПФР

ребенка. В случае появления в семье ребенка с ОПФР, негативные переживания нормотипичного ребенка связаны не с тем дискомфортом, который ребенок испытывает со стороны сиблинга, а с неустойчивым эмоциональным состоянием родителей и нарушениями их взаимодействия. Отношения сиблингов развиваются в ситуации, при которой ребенок с ОПФР является или непосредственной причиной, или катализатором конфликтов родителей.

Понимание этапов генерализации деформаций отношений позволит системно подходить к планированию оказания психологической помощи семьям, имеющим ребенка с ОПФР и нормотипичного ребенка/детей.

Литература

1. БелТА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/minobrazovanija-v-belarusi-ezhegodno-uvelicivaetsja-kolichestvo-detej-s-osobennostjami-592621-2023/>. – Дата доступа: 23.02.2024.
2. Котельникова, Ю.С. Феноменологические и методологические аспекты ненормативных супружеских кризисов в молодой семье / Ю.С. Котельникова // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – Сер. 59, № 4. – С. 419–422.
3. Boss, P. Family Stress Management: A Contextual Approach / P. Boss. – USA: SAGE Publications, Inc, 2002. – 217 p.
4. Михайлова, Н.Ф. Систематическое исследование индивидуального и семейного стресса повседневной жизни в полных семьях подростков с сенсорными нарушениями / Н.Ф. Михайлова // Вестн. С.-Петерб. ун-та. – 2013. – Сер. 12, № 4. – С. 75–88.
5. Иванова, В.С. Личностные особенности матерей и родительно-детские отношения в семьях, воспитывающих детей-инвалидов с детским церебральным параличом / В.С. Иванова, Е.В. Гребенникова, И.Л. Шелехов // Науч.-пед. обозрение. – 2017. – Сер. 2, № 16. – С. 48–53.
6. Василенко, И.В. Ребенок-инвалид в семье: динамика отношений и зоны напряжений / И.В. Василенко // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2019. – Сер. 11, № 3. – С. 83–95.
7. Гутова, Т.С. Проблема влияния ребенка-инвалида на супружеские взаимоотношения / Т.С. Гутова, Ю.В. Пидшморга // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – Сер. 71, № 1. – С. 288–291.
8. Коженевская, Е.Ю. Супружеские и сиблинговые отношения в семьях, воспитывающих ребенка с особенностями психофизического развития / Е.Ю. Коженевская // Вопросы психологии. – 2023. – № 1. – С. 53–64.
9. Баранова, Е.В. Психологическая помощь семье, находящейся в кризисе / Е.В. Баранова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 5. – С. 110–114.

Поступила в редакцию 18.03.2024

Особенности структурно-содержательных характеристик вербального и невербального компонентов социально-перцептивных образов матерей различного типа и их детей

Стреленко А.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье представлены результаты исследования, посвященного определению особенностей структурно-содержательных характеристик вербального и невербального компонентов социально-перцептивных образов матерей различного типа и их детей. Основной целью работы стало выявление достоверных различий в структуре Я-, Он-, Ты-, Ты-образов в будущем, а также особенностей содержательных характеристик социально-перцептивных образов.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 332 человека различных возрастных когорт, из них: приемных матерей – 112 человек, от 27 до 71 года, воспитывающие приемных детей ($M=50,3$; $SD=7,72$); биологических матерей – 106 человек, от 22 до 55 лет, воспитывающие родных детей ($M=37,3$; $SD=7,58$); будущих матерей – 114 человек, от 19 до 46 лет, не имеющие опыта воспитания родных или приемных детей ($M=23,6$; $SD=4,04$). Использовались методики: «СОЧ(И)» – структура образа человека (иерархическая) (В.Л. Ситников), вербальная и невербальная части. Применялись статистические методы: методы описательных статистик, H -критерия Краскела–Уоллиса, W -критерий Вилкоксона.

Результаты и их обсуждение. Достоверные различия определены по когнитивному и регулятивному параметрам вербального компонента социально-перцептивных образов. Приемные матери в текущем отражении воспринимают приемных детей с отрицательной установкой, а в перспективном отражении – с нейтральной; у биологических матерей в текущем отражении отношение к родным детям не выявлено, а в перспективном отражении определена положительная установка; будущие матери в текущем и перспективном отражении воспринимают воображаемых детей с положительной установкой. Особенности когнитивно-семиотического параметра невербального компонента выявлено мало осознаваемое сопоставление и противопоставление социально-перцептивных образов, в основе которых лежит механизм проекции.

Заключение. Полученные результаты имеют важное значение для развития нового научного направления в области социальной психологии – социально-перцептивной детерминации материнско-детского взаимодействия как составной части системы профессиональной семейной заботы.

Ключевые слова: социально-перцептивные образы, Я-образ, Он-образ, Ты-образ, приемные матери, биологические матери, будущие матери, социальная установка, проекция.

Features of Structural and Content Characteristics of the Verbal and Non-Verbal Components of Social and Perception Images of Different Type Mothers and their Children

Strelenko A.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article presents the findings of a research on identification of features of structural and content characteristics of verbal and non-verbal components of social and perception images of different type mothers and their children. The purpose of the study is to identify reliable differences in the structure of I, He, You, You-images in the future and features of the content of social and perception images.

Material and methods. 332 participants of different ages took part in the research. 112 of them (27 – 72-year-old) were foster mothers ($M=50,3$; $SD=7,72$); biological mothers (22 – 55-year-old) – 106 ($M=37,3$; $SD=7,58$); expectant mothers who didn't have children (19 – 46-year-old) – 114 ($M=23,6$; $SD=4,04$). The following methods were used: "SIP(H)" method – structure of the image of the person (hierarchical) (V.L. Sitnikov), verbal and non-verbal parts. Statistical methods were used: methods of descriptive statistics, Kruskal – Wallis test, Wilcoxon test was.

Findings and their discussion. Credible differences are determined by the cognitive and regulative parameters of the verbal component of social and perceptual images. Foster mothers in the current reflection perceive foster children with a negative attitude, and in the prospective reflection – with a neutral attitude; in the current reflection the attitude to native children is not revealed in biological mothers, and in the prospective reflection a positive attitude is determined; future mothers in the current and prospective reflection perceive imaginary children with a positive attitude. The features of the cognitive-semiotic parameter of the non-verbal component are the little-perceived comparison and contrast of social and perception images based on the projection mechanism.

Conclusion. *The findings are important for the development of a new scientific direction in the field of social psychology – the social and perception identification of mother-child interaction, as an integral part of the system of professional family care.*

Key words: *social and perceptual images, I-image, He-image, You-image, foster mothers, biological mothers, expectant mothers, social attitude, projection.*

Проблема социально-перцептивного отражения материнско-детского взаимодействия является актуальной с позиций рассмотрения как фундаментальных, так и прикладных аспектов социально-психологического знания. Ранее нами отмечалось значение социально-перцептивной детерминации, объединяющая в себя социально-перцептивные образы и социальные установки, а также ее влияние на жизнеспособность разных типов матерей. Выявленные закономерности определяют значимость социально-перцептивной динамики и устанавливают их роль в процессах коммуникации и жизнеспособности семьи [1]. В то же время проблема социально-перцептивного отражения имеет важное прикладное значение как при реализации задач психологического сопровождения семей различного типа, так и при решении вопросов регулирования межличностных отношений в семье, в том числе материнско-детского взаимодействия.

В основе материнско-детского взаимодействия лежат представления матери о себе как родителя своих детей, представления об образах детей, отражение особенностей родительского отношения к ним [2–4]. Несмотря на то, что проблема социально-перцептивных образов взрослых и детей неоднократно рассматривалась в работах российских (А.А. Реан [5], В.Л. Ситников [6] и др.), белорусских (И.Е. Валитова [7], А.А. Стреленко [8–10] и др.) и отчасти зарубежных (Dong S. et al. [11], M. Tester-Jones et al. [12], N.K. Schoemaker et al. [13], L. Maister et al. [14]) ученых, можно с уверенностью сказать, что до сих пор в области социально-психологического знания отмечается существенный вакуум в установлении особенностей и механизмов социально-перцептивной детерминации, рассматриваемой нами как системное психическое образование, возникающее в условиях отражения субъектами индивидуальности объектов, включенных в социально-перцептивный процесс, результатом которого становятся комбинаторные сочетания социально-перцептивных образов и социальных установок, вербально и невербально обуславливающие межличностное взаимодействие.

Соответственно, развивающийся в настоящее время социально-перцептивный подход сосредоточен на изучении восприятия других людей, которое тесно связано с уровнем самовосприятия.

Более того, эта связь имеет направленный вектор. С одной стороны, богатство представлений о себе определяет богатство представлений о других, с другой – чем подробнее раскрываются другие, тем полнее представления о себе. Исходя из этого, становится актуальным изучение проблемы социально-перцептивной детерминации материнско-детского взаимодействия, потому что по сравнению с отцами, матери больше занимаются воспитанием своих детей, проводят с ними больше времени и чаще общаются [15].

Целью нашего исследования стало выявление особенностей структурно-содержательных характеристик вербального и невербального компонентов социально-перцептивных образов матерей различного типа и их детей.

Материал и методы. В исследовании применялась методика «СОЧ(И)» – структура образа человека (иерархическая) (В.Л. Ситников) [16]. Анализ социально-перцептивных образов был проведен по показателям 13 структурных характеристик. В структуре материнских представлений о себе (Я-образы) и представлений о детях (Он-образы абстрактных детей, Ты-образы реальных или воображаемых детей, Ты-образы реальных или воображаемых детей в будущем) были выделены три группы характеристик, отражающие когнитивный (интеллектуальные, интеллект социальный, метафорические характеристики), регулятивный (волевые, телесные, эмоциональные, социальные характеристики), конативный параметры (деятельностные, конвенциональные, поведенческие характеристики) вербального компонента социально-перцептивных образов. В отдельную группу вошли модальные характеристики (положительные, нейтральные, отрицательные), которые отражают отношение (оценку) к объекту/субъекту восприятия, т.е. социальную установку.

Помимо вербальной части, в исследовании была использована невербальная ее часть. Как ранее было сказано, в основу ее анализа положена интерпретация результатов ранжированного выбора из пяти геометрических форм: квадрата (1), треугольника (2), прямоугольника (3), круга (4), ломаной линии – зигзага (5) [6; 16].

Работа была проведена с участием 332 человек различных возрастных когорт, из них: приемных

Таблица 1 – Показатели достоверности различий по модальным характеристикам Я-образов матерей и Он-образов абстрактных детей

Модальные характеристики социально-перцептивных образов	Критерий Вилкоксона, уровень значимости 0,01					
	Я-, Он-образы приемных матерей		Я-, Он-образы биологических матерей		Я-, Он-образы будущих матерей	
Положительные	–	–	–	–	–	–
Нейтральные	–4,431	0,000	–2,315	0,021	–	–
Отрицательные	–	–	–	–	–	–

матерей – 112 человек, от 27 до 71 года, воспитывающие приемных детей ($M=50,3$; $SD=7,72$); биологических матерей – 106 человек, от 22 до 55 лет, воспитывающие родных детей ($M=37,3$; $SD=7,58$); будущих матерей – 114 человек, от 19 до 46 лет, не имеющие опыта воспитания родных или приемных детей ($M=23,6$; $SD=4,04$).

Применялись методы описательных статистик, Н-критерия Краскела–Уоллиса, W-критерий Вилкоксона. Статистическая обработка осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 23 for Windows.

Результаты и их обсуждение. Проведенная процедура проверки на нормальность распределения изучаемого признака показала ее отсутствие. Соответственно изучаемый признак, т.е. показатели структуры социально-перцептивных образов, не имеет нормального распределения.

В дальнейшем с целью проверки гипотезы о наличии статистических различий в структурных характеристиках вербального компонента социально-перцептивных образов матерей был использован непараметрический Н-критерий Краскела–Уоллиса. Были сформулированы статистические гипотезы – H_0 : средние результаты в каждой выборке равны; H_1 : по крайней мере в одной выборке результаты отличаются.

По результатам проверки гипотезы достоверные различия подтверждены по интеллектуальным ($p \leq 0,01$), социальным ($p \leq 0,01$), телесным ($p \leq 0,01$), эмоциональным ($p \leq 0,01$), нейтральным ($p \leq 0,01$), отрицательным ($p \leq 0,01$) характеристикам Я-образов матерей различного типа. Достоверные различия определены по интеллектуальным ($p \leq 0,01$), интеллекту социальному ($p \leq 0,01$), социальным ($p \leq 0,01$), телесным ($p \leq 0,01$), эмоциональным ($p \leq 0,01$), нейтральным ($p \leq 0,01$), отрицательным ($p \leq 0,01$) характеристикам при отражении матерями Он-образов абстрактных детей. Различия подтверждены по деятельност-

ным ($p \leq 0,01$), интеллектуальным ($p \leq 0,01$), поведенческим ($p \leq 0,05$), социальным ($p \leq 0,01$), телесным ($p \leq 0,01$), эмоциональным ($p \leq 0,01$), положительным ($p \leq 0,01$), нейтральным ($p \leq 0,01$), отрицательным ($p \leq 0,01$) характеристикам при отражении матерями Ты-образов приемных, родных, воображаемых детей. Достоверные различия определены по волевым ($p \leq 0,05$), интеллектуальным ($p \leq 0,01$), интеллекту социальному ($p \leq 0,01$), конвенциональным ($p \leq 0,01$), поведенческим ($p \leq 0,01$), социальным ($p \leq 0,01$), телесным ($p \leq 0,01$), эмоциональным ($p \leq 0,01$), положительным ($p \leq 0,01$), нейтральным ($p \leq 0,01$) характеристикам при отражении матерями Ты-образов приемных, родных и воображаемых детей в будущем.

Соответственно у матерей различного типа достоверные различия отмечаются по интеллектуальным, социальным, телесным, эмоциональным, нейтральным характеристикам и не определяются по метафорическим структурным характеристикам социально-перцептивных образов. Причем, наименьшее их количество определяется по Я-образам матерей, а наибольшее – Ты-образам детей в будущем.

В дальнейшем с целью проверки гипотезы о достоверности различий по модальным характеристикам социально-перцептивных образов матерей нами был использован непараметрический W-критерий Вилкоксона. Были сформулированы статистические гипотезы – H_0 : средние в характеристиках двух образов совпадают; H_1 : средние в характеристиках двух образов отличаются.

Как видно из таблицы 1, достоверные различия определены по нейтральным характеристикам Я-образов и Он-образов абстрактных детей приемных и биологических матерей.

Проведенный анализ по показателям средних значений модальных характеристик Я-образов матерей и Он-образов абстрактных детей указал на повышение значений нейтральных характе-

Таблица 2 – Сравнение средних по модальным характеристикам Я-образов матерей и Он-образов абстрактных детей

Социально-перцептивные образы	Модальные характеристики	N	Min	Max	μ	σ
Я-образы приемных матерей	Нейтральные	112	0,00	13,00	4,2143	3,07688
Он-образы абстрактных детей приемных матерей	Нейтральные	112	0,00	14,00	2,7768	2,63965
Я-образы биологических матерей	Нейтральные	106	0,00	17,00	5,0000	3,01741
Он-образы абстрактных детей биологических матерей	Нейтральные	106	0,00	10,00	4,1604	2,46552

Таблица 3 – Показатели достоверности различий по модальным характеристикам Я-, Ты-образов у приемных, биологических, будущих матерей

Модальные характеристики социально-перцептивных образов	Критерий Вилкоксона, уровень значимости 0,01					
	Я-, Ты-образы приемных матерей		Я-, Ты-образы биологических матерей		Я-, Ты-образы будущих матерей	
Положительные	–4,258	0,000	–	–	–6,202	0,000
Нейтральные	–3,505	0,000	–3,609	0,000	–5,655	0,000
Отрицательные	–7,128	0,000	–	–	–6,526	0,000

ристик в Я-образах приемных и биологических матерей. Результаты исследования представлены в таблице 2.

Аналогичным образом было проведено исследование по определению достоверных различий модальных характеристик Я- и Ты-образов детей приемных, биологических, будущих матерей. Результаты исследования показали на достоверные различия по положительным, нейтральным, отрицательным характеристикам Я-образов приемных матерей и Ты-образов приемных детей; на достоверные различия по нейтральным характеристикам Я-образов биологических матерей и Ты-образов родных детей; на достоверные различия по положительным, нейтральным, отрицательным характеристикам Я-образов будущих матерей и Ты-образов воображаемых детей. Результаты исследования представлены в таблице 3.

Проведенный анализ по определению средних значений модальных характеристик Я-образов матерей и Ты-образов их детей указал на повышение таких значений у приемных матерей по положительным и нейтральным характеристикам в их Я-образах; на повышение таких значений по отрицательным характеристикам в Ты-образах приемных детей. У биологических матерей повышение средних значений определено по нейтральным характеристикам их Я-образов. У будущих матерей выявлено повышение средних значений по положительным характеристикам Ты-образов

воображаемых детей; выявлено повышение средних значений по нейтральным и отрицательным характеристикам Я-образов будущих матерей. Результаты исследования представлены в таблице 4.

В дальнейшем было проведено исследование по определению достоверных различий модальных характеристик Я- и Ты-образов детей приемных, биологических, будущих матерей в перспективном отражении. Результаты исследования показали на достоверные различия по нейтральным характеристикам Я-образов приемных матерей и Ты-образов приемных детей в будущем; на достоверные различия по положительным, нейтральным, отрицательным характеристикам Я-образов биологических матерей и Ты-образов родных детей в будущем; на достоверные различия по положительным, нейтральным, отрицательным характеристикам Я-образов будущих матерей и Ты-образов воображаемых детей в будущем. Результаты исследования представлены в таблице 5.

Проведенный анализ по определению средних значений модальных характеристик Я-образов матерей и Ты-образов их детей в будущем указал на повышение таких значений по нейтральным характеристикам в Я-образах приемных матерей. У биологических матерей повышение средних значений определено по положительным характеристикам Ты-образов родных детей в будущем; по нейтральным и отрицательным характери-

Таблица 4 – Сравнение средних по модальным характеристикам Я-, Ты-образов у приемных, биологических, будущих матерей

Социально-перцептивные образы	Модальные характеристики	N	Min	Max	μ	σ
Я-образы приемных матерей	Положительные	112	4,00	20,00	12,0982	3,72225
Ты-образы приемных детей	Положительные	112	0,00	19,00	9,9196	4,41361
Я-образы будущих матерей	Положительные	114	3,00	20,00	11,8070	3,46123
Ты-образы воображаемых детей	Положительные	114	4,00	20,00	14,9737	3,53606
Я-образы приемных матерей	Нейтральные	112	0,00	13,00	4,2143	3,07688
Ты-образы приемных детей	Нейтральные	112	0,00	13,00	3,1161	2,20460
Я-образы биологических матерей	Нейтральные	106	0,00	17,00	5,0000	3,01741
Ты-образы родных детей	Нейтральные	106	0,00	10,00	3,8962	2,14223
Я-образы будущих матерей	Нейтральные	114	0,00	13,00	5,4035	2,56498
Ты-образы воображаемых детей	Нейтральные	114	0,00	12,00	3,2895	2,64315
Я-образы приемных матерей	Отрицательные	112	0,00	5,00	0,6607	1,07010
Ты-образы приемных детей	Отрицательные	112	0,00	16,00	3,0982	3,27139
Я-образы будущих матерей	Отрицательные	114	0,00	9,00	2,0789	2,07874
Ты-образы воображаемых детей	Отрицательные	114	0,00	5,00	0,6140	1,08496

Таблица 5 – Показатели достоверности различий по модальным характеристикам Я-, Ты-образов в перспективном отражении у приемных, биологических, будущих матерей

Модальные характеристики социально-перцептивных образов	Критерий Вилкоксона, уровень значимости 0,01					
	Я-, Ты-образы в будущем приемных матерей		Я-, Ты-образы в будущем биологических матерей		Я-, Ты-образы в будущем будущих матерей	
Положительные	–	–	–7,524	0,000	–7,615	0,000
Нейтральные	–6,683	0,000	–7,135	0,000	–7,592	0,000
Отрицательные	–	–	–6,864	0,000	–6,918	0,000

стикам Я-образов. У будущих матерей выявлено повышение средних значений по положительным характеристикам Ты-образов воображаемых детей в будущем; выявлено повышение средних значений по нейтральным и отрицательным характеристикам Я-образов будущих матерей. Результаты исследования представлены в таблице 6.

В отношении особенностей содержательных характеристик социально-перцептивных образов матерей различного типа, сгруппированных по структурно-частотному принципу, было определено, себя и своих детей матери воспринимают: *добрыми, ответственными, заботливыми, отзывчивыми, веселыми, дружелюбными,*

Таблица 6 – Сравнение средних по модальным характеристикам Я-, Ты-образов в будущем у приемных, биологических, будущих матерей

Социально-перцептивные образы	Модальные характеристики	N	Min	Max	μ	σ
Я-образы биологических матерей	Положительные	106	3,00	20,00	12,5755	3,72622
Ты-образы родных детей в будущем	Положительные	106	8,00	20,00	16,2547	2,94088
Я-образы будущих матерей	Положительные	114	3,00	20,00	11,8070	3,46123
Ты-образы воображаемых детей в будущем	Положительные	114	5,00	20,00	15,7368	3,24802
Я-образы приемных матерей	Нейтральные	112	0,00	13,00	4,2143	3,07688
Ты-образы в будущем приемных детей	Нейтральные	112	0,00	10,00	1,7946	1,78148
Я-образы биологических матерей	Нейтральные	106	0,00	17,00	5,0000	3,01741
Ты-образы родных детей в будущем	Нейтральные	106	0,00	10,00	2,2547	2,16492
Я-образы будущих матерей	Нейтральные	114	0,00	13,00	5,4035	2,56498
Ты-образы воображаемых детей в будущем	Нейтральные	114	0,00	9,00	2,6140	1,94394
Я-образы биологических матерей	Отрицательные	106	0,00	10,00	1,7736	1,97259
Ты-образы родных детей в будущем	Отрицательные	106	0,00	4,00	0,2830	0,71387
Я-образы будущих матерей	Отрицательные	114	0,00	9,00	2,0789	2,07874
Ты-образы воображаемых детей в будущем	Отрицательные	114	0,00	11,00	0,4649	1,19867

красивыми, общительными, умными. У приемных матерей добавляются: *трудолюбивыми, внимательными, ласковыми, любознательными, аккуратными, активными*. У биологических матерей присоединяются: *целеустремленными, любимыми, внимательными и аккуратными*. У будущих матерей – *целеустремленными, честными, любимыми, активными, спокойными, воспитанными* [17].

В невербальном компоненте, представленным когнитивно-семиотическим параметром отражаются простые геометрические формы образов матерей и их детей. В таблице 7 описаны результаты показателей абсолютной и относительной частоты сопоставления и противопоставления матерями своих образов детским образам посредством ассоциации с геометрическими формами.

Как видно из таблицы 7, 79% приемных матерей сопоставляют свой образ с образами абстрактных детей, а противопоставляют себя абстрактным детям 14% приемных матерей. В свою очередь 59% приемных матерей представляют, что приемные дети будут похожи на них самих, а 36% приемных матерей воспринимают приемных детей как свою противоположность. В отношении сопоставления и противопоставления Я-образов приемных матерей с Ты-образами приемных детей в будущем 82% представляют, что в перспективе приемные дети будут похожи на них самих, однако 17% приемных матерей воспринимают приемных детей в будущем своей противоположностью.

У 56% биологических матерей их Я-образы близки к образам абстрактных детей, однако противопоставляют свой образ образам абстрактных

Таблица 7 – Сопоставление и противопоставление когнитивно-семиотического параметра невербального компонента социально-перцептивных образов матерей

Матери	Частота	Я-образы–Он-образы		Я-образы–Ты-образы		Я-образы–Ты-образы в будущем	
		С	П	С	П	С	П
Приемные	Абс.	88	15	65	40	91	19
	Отн.	79%	14%	59%	36%	82%	17%
Биологические	Абс.	59	32	73	22	79	28
	Отн.	56%	30%	69%	21%	75%	26%
Будущие	Абс.	63	39	78	27	81	27
	Отн.	55%	34%	68%	24%	71%	24%

Примечание: С – Сопоставление; П – противопоставление; абс. частот. – абсолютная частота; отн. частот. – относительная частота.

детей 30% матерей. Больше половины, 69% биологических матерей, воспринимают родных детей как подобных самим себе, однако 21% воспринимает родных детей как свою противоположность. У 75% биологических матерей наиболее близкими являются их Я-образы и Ты-образы родных детей в будущем, однако 26% биологических матерей отмечают противопоставление своим Я-образам образы родных детей в будущем.

У 55% будущих матерей определено сопоставление своих Я-образов с образами абстрактных детей, а у 34% будущих матерей установлено противопоставление их Я-образам образов абстрактных детей. Большее число будущих матерей 68% представляет, что воображаемый ребенок будет похож на них самих, причем 24% воспринимают будущих детей своей противоположностью. Как и у биологических матерей, в группе будущих матерей наиболее близкими образами являются Я-образы и образы воображаемых детей в будущем, на это указывают результаты 71% будущих матерей. В аналогичном сопоставлении у 24% будущих матерей отмечается противопоставление образов воображаемых детей в будущем своим собственным Я-образам. Интересным является то, что, не имея опыта взаимодействия со своими родными детьми, 71% будущих матерей рассчитывает, что в будущем их воображаемые дети станут похожи на них самих, а 24% матерей убеждены, что их дети останутся противоположностью и в будущем.

Заключение. Таким образом, особенностями вербального компонента социально-перцептивных образов является специфика восприятия себя и детей матерями с различным типом родительства. У матерей достоверные различия определены по когнитивному и регулятивному параметрам

вербального компонента социально-перцептивных образов, что свидетельствует о различиях в познавательной и эмоциональной сторонах материнского отношения к себе и детям. По сравнению с собственным самовосприятием, разные типы матерей в перспективном отражении определяют более дифференцированные образы своих детей.

У матерей в социально-перцептивных образах определяется значимо больше различий по нейтральным характеристикам, что свидетельствует о наличии индифферентных чувств, предполагающих проявление нейтрального отношения как к партнеру по взаимодействию, т.е. объекту восприятия, так и к себе, как субъекту восприятия. В сравнении с детскими образами у приемных и биологических матерей таких различий значимо больше при отражении собственных Я-образов.

При отражении образов абстрактных детей приемные и биологические матери воспринимают себя индифферентно. У будущих матерей при сравнении образов себя с образами абстрактных детей по модальным характеристикам достоверных различий не обнаружено.

При восприятии реальных детских образов, приемные матери в текущем отражении воспринимают себя позитивно или нейтрально, а приемных детей воспринимают достоверно больше негативно; в перспективном отражении приемные матери воспринимают себя нейтрально, а в отношении восприятия приемных детей достоверные различия не определены. При восприятии реальных детских образов, биологические матери в текущем отражении воспринимают себя нейтрально, а в отношении восприятия родных детей достоверные различия не определены; в перспективном отражении биологические матери отражают себя

нейтрально или негативно, а родных детей воспринимают позитивно. При восприятии воображаемых детских образов, будущие матери в текущем и перспективном отражении воспринимают себя или нейтрально или негативно, а воображаемых детей и в текущем, и в перспективном отражении воспринимают достоверно больше позитивно. Соответственно, при отражении себя в родительской роли матери и при отражении матерями своих детей определяется социальная установка.

Содержательные характеристики социально-перцептивных образов матерей различного типа сводятся к тому, что себя и детей они воспринимают: добрыми, ответственными, заботливыми, отзывчивыми, веселыми, дружелюбными, красивыми, общительными, умными. К ним у приемных матерей добавляются: трудолюбивыми, внимательными, ласковыми, любознательными, аккуратными, активными; у биологических матерей присоединяются: целеустремленными, любимыми, внимательными и аккуратными; у будущих матерей включаются: целеустремленными, честными, любимыми, активными, спокойными, воспитанными.

Особенностями когнитивно-семиотического параметра невербального компонента является мало осознаваемое сопоставление и противопоставление социально-перцептивных образов. В основе сопоставления лежит механизм прямой проекции, при которой человек приписывает другим качества, которыми обладает он сам. В основе противопоставления лежит механизм обратной проекции, при которой индивид приписывает самому себе те мысли и качества, которыми хотел бы обладать.

Полученные результаты имеют важное значение для развития нового научного направления в области социальной психологии – социально-перцептивной детерминации материнско-детского взаимодействия как составной части системы профессиональной семейной заботы.

Литература

1. Стреленко, А.А. Закономерности социально-перцептивной детерминации и жизнеспособности матерей / А.А. Стреленко // Интеграция образования. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 403–424. – DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.112.027.202303.403-424>.
2. Авдеева, Н.Н. Особенности материнского отношения и привязанность ребенка к матери / Н.Н. Авдеева // Психологическая наука и образование. – 2006. – Т. 11, № 2. – С. 82–92.
3. К проблеме дифференциации основных понятий в системе отношений «Родитель–ребенок»: теоретический и эмпирический аспекты / Л.А. Головей [и др.] // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2014. – № 2. – С. 84–95.
4. Конищева, А.В. Подходы к исследованию родительского отношения в российской психологии / А.В. Конищева // Психология и право. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 88–96. – DOI [10.17759/psylaw.2022120308](https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120308).
5. Реан, А.А. Восприятие матери: общие тенденции и гендерно-социальные особенности / А.А. Реан // Нац. психол. журн. – 2017. – № 2(26). – С. 85–91. – DOI [10.11621/prj.2017.0209](https://doi.org/10.11621/prj.2017.0209).
6. Ситников, В.Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых / В.Л. Ситников. – СПб.: Химиздат, 2001. – 288 с.
7. Валитова, И.Е. Образ ребенка у матерей детей с отклонениями в развитии / И.Е. Валитова // Социальная педагогика. – 2021. – № 1. – С. 60–66.
8. Strelenko, A.A. Psychology Features of Child-Parent Interaction of Foster Mothers with Foster Children / A.A. Strelenko // Mental Health & Human Resilience International Journal. – 2022. – Vol. 6, no 2. – P 1–4. – DOI: <https://doi.org/10.23880/mhrij-16000191>.
9. Стреленко, А.А. Социально-перцептивная детерминация родительско-детского взаимодействия приемных и биологических матерей / А.А. Стреленко // Психолого-педагогический поиск. – 2023. – № 4(68). – С. 153–162. – DOI [10.37724/RSU.2023.68.4.018](https://doi.org/10.37724/RSU.2023.68.4.018).
10. Стреленко, А.А. Системно-ресурсная концепция социально-перцептивной детерминации родительско-детского взаимодействия: монография / А.А. Стреленко. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. – 504 с.
11. To excel and to be happy: Parenting behaviors, parenting stress, and sociocultural contexts in Dutch and urban Chinese families / Dong S. et al. // Early Childhood Research Quarterly. – 2023. – Vol. 62, no 1. – P. 139–149. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2022.08.004>.
12. Daily relationships among maternal rumination, mood and bonding with infant / M. Tester-Jones et al. // Behaviour Research and Therapy. – 2023. – Vol. 165. – P. 1–8. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.brat.2023.104309>.
13. Positive parenting in foster care: Testing the effectiveness of a video-feedback intervention program on foster parents' behavior and attitudes / N. K. Schoemaker et al. // Children and Youth Services Review. – 2020. – Vol. 110. – P. 1–11. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.104779>.
14. Self or (M)other? Infants' Sensitivity to Bodily Overlap With Their Mother Reflects Their Dyadic Coordination / L. Maister et al. // Child Development. – 2020. – Vol. 91, no 5. – P. 1631–1649. – DOI: <https://doi.org/10.1111/cdev.13361>.
15. Савеньшева, С.С. Материнское отношение как фактор психического развития ребенка раннего возраста / С.С. Савеньшева, В. Ф. Чицова // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2013. – № 3. – С. 32–41.
16. Ситников, В.Л. Применение методики СОЧ(И) при проведении судебно-психологических экспертиз в рамках семейного кодекса / В.Л. Ситников, А.А. Стреленко, В.Ф. Енгальчев // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2021. – № 2. – С. 77–87. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/41339>. – Дата доступа: 01.02.2024.
17. Стреленко, А.А. Социально-перцептивная детерминация родительско-детского взаимодействия: монография / А.А. Стреленко; М-во образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – 289 с. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/36663>. – Дата доступа: 16.02.2024.

Поступила в редакцию 04.03.2024

Психолого-педагогическое сопровождение рефлексии участников групп взаимопомощи для лиц с химической аддикцией

Крестьянинова Т.Ю.¹, Торчило Ю.Н.², Карпов А.М.³, Герасимова В.В.³, Артёменко Т.К.¹

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,

²Учреждение здравоохранения «Витебский областной клинический центр психиатрии и наркологии»,

³Казанская государственная медицинская академия – филиал ФГБОУ ДПО РМАНПО Минздрава России

В статье рассматривается психолого-педагогическое сопровождение рефлексии участников групп взаимопомощи для лиц с химической аддикцией.

Цель работы: проследить процессы и рефлексии, происходящие в группах взаимопомощи, работающих по Программе «12 шагов» и изложить их в доступной для понимания форме для лиц, осуществляющих медицинское, социальное и психологическое сопровождение зависимых.

Материал и методы. Исследование проводилось в группах 12-шаговой фасилитации, организованных на базе УЗ «Витебский областной клинический центр психиатрии и наркологии». Использовались методы: наблюдения и самонаблюдения, клинической беседы, формализации и синтеза, гипотетико-дедуктивный метод.

Результаты и их обсуждение. Изучены и описаны, в доступной для понимания форме процессы и рефлексии, происходящие в группах взаимопомощи, работающих по Программе «12 шагов» для лиц, осуществляющих медицинское, социальное и психологическое сопровождение зависимых.

Заключение. Посещение 12-шаговых групп взаимопомощи усиливает эффект бригадной работы психиатра-нарколога, психотерапевта, психолога, создавая обширную принимающую безопасную среду. Процессы и рефлексии, происходящие в группах, обеспечивают переход от инфантильного состояния к осознанному проживанию собственной жизни.

Ключевые слова: группы взаимопомощи, алкогольная аддикция, Программа «12 шагов», фасилитация.

Psychological and Pedagogical Support for the Reflection of Participants in Mutual Assistance Groups for People with Chemical Addiction

Krestyaninova T.Yu.¹, Torchilo Yu.N.², Karpov A.M.³, Gerasimova V.V.³, Artemenko T.K.¹

¹Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University",

²Health Care Establishment "Vitebsk Regional Clinical Center of Psychiatry and Narcology",

³Kazan State Medical Academy – FGBOU DPO RMANPO Branch of Ministry of Health of Russia

The article deals with the psychological and pedagogical support for the reflection of participants in mutual assistance groups for people with chemical addiction.

The purpose of the work is to trace the processes and reflections which take place in mutual assistance groups working under the 12-step Program and to present them in an understandable form for persons engaged in medical, social and psychological support of addicts.

Material and methods. The study was conducted in 12-step facilitation groups organized on the basis of Vitebsk Regional Clinical Center of Psychiatry and Narcology. The following methods were used: observation and self-observation, clinical conversation, formalization and synthesis, hypothetical-deductive method.

Findings and their discussion. The processes and reflections occurring in mutual assistance groups working under the 12-step Program have been studied and described in an understandable form for persons engaged in medical, social and psychological support of addicts.

Conclusion. Attending 12-step mutual assistance groups enhances the effect of the team work of a psychiatrist-narcologist, psychotherapist, psychologist, providing an extensive accepting safe environment. Processes and reflections taking place in groups ensure the transition from an infantile state to a conscious living of one's own life.

Key words: mutual aid groups, alcohol addiction, 12-step program, facilitation.

Клинический протокол оказания медицинской помощи пациентам с психическими и поведенческими расстройствами (Республика Беларусь), а также Стандарт специализированной медицин-

ской помощи при синдроме зависимости, вызванном употреблением психоактивных веществ (ПАВ) (Россия), указывают на то, что «...важную роль играет психообразование пациентов и их

семей и необходимость медицинской реабилитации, включающей психотерапию, психологическую помощь и социальную работу с пациентом после достижения воздержания от употребления ПАВ. Данный этап направлен на предупреждение рецидивов синдрома зависимости; реализуется путем пребывания пациента как в стационарных, так и в амбулаторных реабилитационных отделениях (центрах), длительной поддерживающей психотерапии в амбулаторных условиях. Постреабилитационная фаза предусматривает посещение групп самопомощи «Анонимные алкоголики» или «Анонимные наркоманы» и других, участие в терапевтических сообществах пациентов при организациях здравоохранения. Медицинская реабилитация может проводиться и пациентам, получающим заместительную поддерживающую терапию или фармакотерапию сопутствующих психических и поведенческих расстройств. Данный этап по согласованию с пациентом может длиться неопределенно долго...» [1–3].

Социально-психологическое сопровождение химических аддиктов осуществляется на государственном уровне: в психологических консультациях, через телефонную службу доверия, в амбулаторных и стационарных программах, учреждениях исполнения наказания. Кроме того, существуют частные, религиозные (католические, православные, протестантские) реабилитационные центры. Одним из компонентов реабилитации везде является признание собственной несостоятельности в отношении вещества (1-й шаг 12-шаговой программы). Сопровождая аддиктов, мы, вслед за Роналдом Т. Поттер-Эфроном, отметили, что «...лицам, страдающим алкоголизмом и вступившим на путь трезвости, сложно социализироваться и преодолеть сложившееся в обществе негативное мнение об этой болезни без переживания чувства собственной несостоятельности и, еще большего одиночества, чем в период злоупотребления алкоголем...», и это подтолкнуло нас к созданию безопасного психологического пространства [4; 5].

Администрацией УЗ «Витебский областной клинический центр психиатрии и наркологии» было принято решение, предоставить помещение в диспансере и пригласить adeптов Программы «12 шагов Анонимных Алкоголиков» для организации группы, посещение которой рекомендовалось бы пациентам с алкоголизмом, наряду с курацией психологом. Выбор 12-шаговых групп взаимопомощи обусловлен их преобладанием как в Республике Беларусь, так и во всем мире. Филип Дж. Флорес указывает, что такие группы более

адаптивны к терапевтическому процессу, отличаются способностью к быстрой самоорганизации, фокус группы находится в «здесь и сейчас», в группе всегда присутствует наблюдающее эго (люди со свободным от конфликтов восприятием того, что происходит), правила группы создают изолирующий барьер для нежной и легко проницаемой психической «кожи» аддикта, в группе также присутствует эмоциональная окраска [6]. Кроме того, такие группы обладают некоторой своей философией и, по сути, являются самоорганизующимися, т.е. в случае гипотетической ситуации лишения помещения группа не погибает, а возобновляет работу в другом месте. Таким образом, нами соблюден принцип «Не навреди!». В настоящий момент имеется 13-летний опыт фактически фасилитации 12-шаговой группы взаимопомощи.

В Казанской государственной медицинской академии на основе Программы «12 шагов Анонимных Алкоголиков», разработана и с 2016 года применяется программа реабилитации «7 ступеней к свободе от зависимостей». Программа основана на биопсихосоциодуховной структуре человека и общества, активизирует и объединяет ресурсы личности и общества, расширяет формат освобождения от зависимостей до восстановления целостности личного и общественного сознания и добровольной нормативности поведения. Программа содержит следующие ступени:

1. Осознание проблемы через повторение симптомов и их взаимосвязей.
2. Дистанцирование здоровой части личности от зависимой субличности.
3. Конфронтации между ними.
4. Усиление и развитие здоровой части личности.
5. Умения различать свои цели, задачи, способы их достижения от чужих, которыми навязчиво подменяют свои.
6. Формирование навыка осознанно защищаться от провокаций, противопоставлять им свою систему представлений и убеждений.
7. Превращение своих стратегических противников в единомышленников и союзников [7].

Цель настоящей работы: проследить процессы и рефлексии, происходящие в группах взаимопомощи, работающих по Программе «12 шагов» и изложить их в доступной для понимания форме для лиц, осуществляющих медицинское, социальное и психологическое сопровождение зависимых.

Материал и методы. Эмпирической базой работы являлись группы 12-шаговой фасилитации, организованные на базе УЗ «Витебский областной клинический центр психиатрии и наркологии».

Для реализации цели исследования в работе использовались методы: наблюдения и самонаблюдения, клинической беседы, формализации и синтеза, гипотетико-дедуктивный метод.

Результаты и их обсуждение. Долгосрочное наблюдение, анализ клинических бесед с участниками позволили сделать следующее обобщение процессов, происходящих в группах взаимопомощи, работающих по Программе «12 шагов».

Шаг 1. Мы признали свое бессилие перед алкоголем, признали, что мы потеряли контроль над собой.

Ключевыми в первом шаге Программы «12 шагов Анонимных Алкоголиков» являются несколько моментов: признание собственного бессилия в вопросе контроля употребляемого вещества; признание неуправляемости жизни; идентификация с другими зависимыми. Отметим, что признание бессилия, т.е. отсутствие контроля над употреблением, — объединяющий момент Программы «12 шагов АА» с любой другой реабилитационной программой или методом лечения алкогольной аддикции.

В вопросе признания бессилия, программа руководствуется двумя моментами: 1. Наличие феномена «тяги», которая начинается после первой рюмки или дозы, и усиливается с каждой последующей (с точки зрения медицины характеризует биологический аспект заболевания). 2. Невозможность прекратить употребление самостоятельно, т.е. с помощью силы воли. В этой связи, в 12-шаговых программах применяется категория «Безумие» — ожидание другого результата от раз за разом повторяемых действий, т.е. страдая алкоголизмом продолжительное время, аддикт, как правило, понимает, что первая рюмка является началом следующего запоя, но волшебным путем верит, что в этот раз будет по-другому.

Важным моментом в Программе «12 шагов» является так называемое *дно*, состояние, по словам адептов 12-шаговой программы, когда «употреблять уже больше невозможно (алкоголь перестает приносить облегчение) и не употреблять невозможно (настолько сильным является биологический компонент зависимости)» [8]. *Дно* хорошо тем, что от него можно оттолкнуться и «всплыть». Достижение аддиктом *дна* сопровождается тяжелыми психологическими переживаниями, и может быть обставлено различными внешними обстоятельствами (потеря любимой работы, разрыв любовных или семейных отношений, осознание, что человек уже несколько лет не только не занимался любимым видом спорта, но и не интересовался достижениями и новостями в этом виде спорта). Нужно отметить,

что у каждого аддикта *дно* индивидуально. Состояние *дна*, как правило, в естественном развитии процесса болезни достигается достаточно поздно, на 3-й стадии, порой проходит не один год болезни. Можно ли использовать Программу «12 шагов» на ранних стадиях алкоголизма, когда клиент не достиг *дна*, социально и профессионально сохранен? Можно, если только человек задает себе вопросы: «Не слишком ли много я пью?», «Как я буду отмечать праздник, я не успел купить спиртное до закрытия магазина?»... и т.п. В такой ситуации может помочь прием: «Докрутить пленку до конца», а также разнообразный опыт членов группы взаимопомощи. Например, одна молодая женщина воспользовалась метафорой: «Я считаю себя алкоголиком, потому что с этой болезнью, как с беременностью, нельзя быть чуть-чуть беременной» [4].

Следует отметить, что в 12-шаговой программе аддикту предлагается самому поставить себе диагноз. Критерии абсолютно просты: невозможность контролировать количество выпитого и невозможность бросить употреблять самостоятельно. Психолог или нарколог могут предложить для выявления алкогольной зависимости пройти тест по выявлению приносящего вред потребления алкоголя (AUDIT), что способствует «перевороту» в сознании аддикта (признание зависимого человека больным, аннулирует стигму и легитимизирует лечение) [4].

У алкогольного аддикта, в какой бы клинической стадии болезни он не находился, в группе взаимопомощи мы наблюдали идентификацию, т.е. он осознает:

1. Эти люди выпивали столько же, как и он, и имели такие же последствия употребления.

2. Эти люди сохраняют трезвость, благодаря применению Программы «12 шагов».

Подобную идентификацию не может лично обеспечить ни лечащий нарколог, ни консультирующий психолог, в этом плане у аддикта всегда будет оставаться момент недоверия, которое может быть преодолено, по нашему опыту, предложением познакомиться с адептами 12-шаговой программы и/или посетить группу взаимопомощи.

Казалось бы, 1-й шаг программы относится к бессилию выпившего алкоголика, бессилию остановиться, начав пить, оно же вторичное патологическое влечение к алкоголю, оно же утрата количественного контроля. Однако, существует бессилие трезвого алкоголика, бессилие оставаться трезвым, оно же первичное патологическое влечение к алкоголю.

Первый шаг может быть выполнен быстро, но скорее всего он потребует времени, так как

полное, безоговорочное принятие собственного бессилия и несостоятельности, является тяжелым, может быть сокрушительным ударом по Эго. Сегодня, при наличии различных, как медикаментозных, так и психологических подходов, к облегчению состояния алкогольного аддикта, на принятие бессилия могут уйти годы! Наиболее тяжело 1-й шаг дается лицам с маргинальным эгоцентризмом, медицинским работникам, священнослужителям, выходцам из дисфункциональных семей, всю жизнь находящимся в тени значимой фигуры родителей.

В процессе наблюдения было выявлено, что в группах взаимопомощи, учитывая стигматизацию общества, у химических аддиктов преобладают неадекватные формы самооценки личности, как правило, заниженные. И, даже имея очень солидный срок чистоты и трезвости, члены группы не могут, да и не ставят себе целью вступать в конфронтацию с эгоцентричным новичком, чье образование, место работы или семья, малые социальные потери поддерживают защитные механизмы психики, препятствуя идентификации с группой. В такой ситуации врач-нарколог или психолог может выступать как фасилитатор, придавая значимость посещению группы взаимопомощи и моменту признания бессилия, например, фразой: «Это заслуживает уважения, знать свои слабые места, и соблюдать все рекомендации, чтобы избежать “пляски по граблям”». Таким образом, с одной стороны, клиент признает бессилие: «Я не могу больше употреблять алкоголь», с другой – сила и мужество по-прежнему ему присущи!

Как показывает общение с алкогольными аддиктами, находящимся на больших сроках поддержания трезвости (10 и более лет), первый шаг Программы «12 шагов АА» остается по-прежнему актуальным в нескольких моментах.

Первый: научившись успешно жить без алкоголя, аддикт начинает чувствовать себя обычным человеком, память о последствиях употребления притупляется, посещение групп взаимопомощи кажется неактуальным, но воспоминания о чувстве облегчения, которое когда-то наступало следом за первой выпиваемой рюмкой по-прежнему храниться в памяти, время от времени всплывая фоном как вариант действия в ситуациях, в которых это самое облегчение ожидаемо (последний рабочий день перед отпуском, окончание продолжительной физической работы, разрыв или узаконивание отношений – перечень велик и индивидуален).

Второй банален и связан с первым. Притупляется чувство опасности, связанное с ситуациями,

в которых присутствует алкоголь. Родственники, друзья не обязаны становиться приверженцами «сухого закона», если в окружении есть химический аддикт, игнорирование же совместных мероприятий со стороны зависимого усугубляет самостигматизацию. Нарушение так называемой техники безопасности иногда приводит к ситуации неосознанного употребления (запах от бокала шампанского возбудил обонятельные и вкусовые рецепторы, рюмка со спиртным, стоящая рядом со стаканом с водой, предложение чокнуться и отставить, машинальное употребление протянутого спиртного, решение охладиться пивом в жаркий день на фоне двадцатилетней трезвости...). Рекомендацией по предотвращению такой ситуации является установление регулярности посещения групп взаимопомощи «живых» или онлайн, чтение тематической литературы, работа с семейным психологом по достижению истинного взаимопонимания в семье по вопросу досуга.

Шаг 2. Пришли к убеждению, что только Сила, более могущественная, чем мы, может вернуть нам здравомыслие.

Среди специалистов-наркологов пустулируется тезис: «Бросают пить все, кто действительно этого хочет». Как правило, аддикт, обратившийся к 12-шаговой программе имеет богатый опыт прекращения употребления алкоголя с помощью морально-волевых качеств, народной и официальной медицины и сформировавшийся комплекс «неудачника», тяжелые переживания стыда и вины по этому поводу.

Концепция Программы «12 шагов» предлагает взглянуть на аддикта с другой стороны, не на как неудачника, а как на больного хронической, прогрессирующей, смертельной болезнью, который нуждается в помощи. Второй шаг программы предлагает «идти и убеждаться», что есть люди, страдающие алкогольной зависимостью, которым удалось организовать и сохранять высокое качество жизни, не возвращаясь к употреблению алкоголя.

Далее программа предполагает сформировать индивидуальную концепцию Высшей Силы, это может быть традиционная, религиозная парадигма, принятая в той или иной конфессии, или «Бог, как я его понимаю», или положение: «Бог есть, и это не я»... Основное правило: концепция личной Высшей Силы должна быть такова, чтобы с ней можно было установить доверительные отношения.

Концепция Высшей Силы необходима, ввиду наличия в личности алкогольного аддикта нарциссического эгоцентричного ядра. Доктор Тьебо пишет в «АА взрослеет»: «...Для так называемого типич-

ного алкоголика характерно присутствие нарциссически эгоцентричного ядра, где доминирует чувство собственного всемогущества и намерение любой ценой сохранить свою внутреннюю неприкосновенность... Алкоголик в душе не выносит никакого контроля со стороны людей или Бога. Он, алкоголик, сам является хозяином своей судьбы и должен оставаться им впредь. Он будет отстаивать эту точку зрения во что бы то ни стало... Духовное пробуждение начинается тогда, когда человек перестает надеяться на собственное всемогущество...» [8]. Что же происходит с рефлексией 2-го шага по мере увеличения срока сохранения трезвости? – Аддикт имеет четкое представление о Высшей Силе, и эта Высшая Сила самому зависимому нравится.

Шаг 3. Приняли решение препоручить свою волю и свою жизнь Богу, как мы Его понимаем.

С точки зрения Программы «12 шагов» зависимый во всех сферах жизни должен руководствоваться принципом: «Я планирую жизнь, выполняю действия, а результат оставляю на волю Высшей Силы». В первую очередь, это начинает работать в отношении употребления алкоголя. Ранее, до применения принципов 12 шагов, цели алкогольного аддикта в поддержании трезвости выглядели следующим образом: «Во что бы то ни стало, удержаться от употребления»; «Остановиться в употреблении после 3-й рюмки»; «Оправдать употребление». В случае неудачи в достижении этих целей, наступают тяжелые переживания чувства вины, стыда, самоуничтожение. Чаще всего, зависимый не в состоянии справиться с негативными эмоциями и принимает решение заглушить переживания следующей порцией алкоголя.

Приняв принципы Программы, аддикт не планирует трезвость во что бы то ни стало, так как принимает бессилие в этом вопросе, а планирует ряд действий по поддержанию трезвости: посещение собраний групп взаимопомощи, суточный план, общение с другими зависимыми, чтение литературы, самоанализ. А саму трезвость препоручает Высшей Силе, просит ее об этом позаботиться.

В динамике выздоровления, в процессе сохранения трезвости, аддикт использует «механизм препоручения» во всех эмоционально сложных жизненных ситуациях, автоматически приходит «конструкт»: «Я сделал все, что мог, результат – за Высшей Силой. Ситуация разрешилась, отлично, спасибо. Закончилась неудачно, спасибо, значит будет что-то лучшее». Препоручая, адепт 12-шаговой программы избавляется от «застрева-ния» в проблеме и мучительных руминаций.

Шаг 4. Глубоко и бесстрашно оценили себя и свою жизнь с нравственной точки зрения.

Программа «12 шагов» в 4-м шаге предполагает проведение самоанализа (инвентаризации) жизни по трем аспектам: 1) злоба, обиды, раздражение; 2) страхи; 3) отношения. Эти действия позволяют аддикту выявить триггерные ситуации для употребления алкоголя и выработать новую тактику поведения.

Шаг 5. Признали перед Богом, собой и каким-либо другим человеком истинную природу наших заблуждений.

В ходе выполнения Программы, а именно в 4-м шаге, открывается ряд недостатков и дефектов характера, которые проявляются с «завидным постоянством», доставляя раз за разом неприятности. Пятый шаг позволяет аддикту в первый раз задуматься над тем, почему же до сих пор не сделаны выводы? Что мешает признать ошибки? В чем страхи?

Надо отметить, что зависимому чрезвычайно сложно признать ошибки, недостатки и дефекты характера перед священником, психологом, врачом, поскольку такие лица автоматически размещаются в когорту значимых. Таким образом усугубляется чувство вины, стыд. Гораздо легче признать изъяны в группе взаимопомощи или перед наставником из числа зависимых, который делится обнаруженными у себя недостатками, укрепляя идентификацию, одобряя и поддерживая. С помощью группы или наставника аддикт обнаруживает в структуре своей личности эгоцентризм, являющийся «корнем всех проблем и недостатков», а присутствующие дополнительно свидетельствуют, что он не одинок в такой проблеме и Программа «12 шагов» позволяет эффективно с ней справиться.

Как правило, среди аддиктов мы наблюдали неадекватно заниженный уровень самооценки и полное обесценивание своих достоинств. Поэтому целесообразно при проведении «инвентаризации» выявлять и признавать достоинства и лучшие качества.

Принимая во внимание тот факт, что Программа «12 шагов» зародилась в лоне протестантской церкви, 5-й шаг ее можно считать аналогом генеральной исповеди. В динамике поддержания трезвости участники Программы также как возвращаются к инвентаризации, также возвращаются и к признанию недостатков, будь то перед членом группы взаимопомощи, или духовным наставником, или случайным попутчиком, или психологом. Часто в рамках принятого в сообществе Анонимных

Алкоголиков наставничества, наставник рассказывает о недостатках, выявленных в инвентаризациях 4-го шага своему подопечному, тем самым поддерживая новичка в Программе.

Шаг 6. Полностью подготовили себя к тому, чтобы Бог избавил нас от всех наших недостатков.

С помощью 6-го шага описывается лучшая коппинг-стратегия для аддикта на всю оставшуюся жизнь, обеспечивающая невозвращение к употреблению.

В динамике выздоровления, с увеличением срока поддержания трезвости, алкогольный аддикт начинает замечать ряд новых недостатков и изъянов характера, как правило, это качества, присущие личности с неадекватно заниженной самооценкой и зависимой от мнения других людей. Самоанализ аддикта выявляет обычно черты взрослого ребенка алкоголика или человека с другой семейной дисфункцией: замкнутость в себе, страх людей и авторитетных лиц; поиск одобрения, при этом утрата способности быть собой; страх разгневанных людей и любых критических замечаний в их адрес; чтобы удовлетворить болезненную потребность в покинутости, они стали социально поощряемыми зависимыми (трудоголиками, например); проживание жизни с позиции жертвы и эта слабость влечет в любовные и дружеские связи; чрезмерно развитое чувство ответственности, им проще заботиться о других, чем о себе; это позволяет не замечать собственные недостатки; чувство вины, при защите своих границ; зависимость от эмоционального возбуждения; склонность путать любовь с жалостью и склонность «любить» людей, которых можно «жалеть» и «спасать»; алекситимия; осуждение себя, не развитое чувство собственного достоинства; страх быть брошенными.

Шаг 7. Смиренно просили Его исправить наши изъяны.

При качественно сделанных 4–5 шагах мы наблюдали у зависимого желание исправить все дефекты характера и понимание, что Высшая Сила, присутствующая в Программе, может выполнять лишь роль опоры, работу по устранению недостатков аддикту придется выполнять самостоятельно. Важно, чтобы не занимать большую часть психики и времени контролем, принять, что избавляться от дефектов предстоит не в том порядке, в котором хотел бы сам зависимый, а в том, в котором Высшая Сила распорядится, т.е. случай представится [9].

В динамике выздоровления поддерживающий трезвость много лет адепт 12-шаговой Программы

может столкнуться с «духовной и интеллектуальной гордыней». Запрос в группе взаимопомощи может быть следующим: «потерян смысл жизни», «жизнь не устраивает». Подобный запрос может быть направлен к психологу, курирующему группу. Кроме того, клинически предъявляются жалобы, характерные для развития астенического синдрома. Возвращаясь к 6–7 шагу, такой аддикт приходит к пониманию того, что единственный человек, осуждающий себя и других – он сам. Недостатки, присущи всем людям, и человеческая жизнь – череда ошибок и уроков, но всегда существует возможность духовно расти и меняться, опираясь на свои достоинства.

Шаг 8. Составили список всех тех людей, кому мы причинили зло, и преисполнились желанием заглядеть свою вину перед ними.

В 12-шаговой программе 8–9 шаги являются началом выхода из изоляции, это первые шаги к жизни без страха. Предполагается составление списка людей и организаций, которым был нанесен физический, моральный и материальный ущерб и, соответственно, план его возмещения.

Шаг 9. Лично возмещали причиненный этим людям ущерб, где только возможно, кроме тех случаев, когда это могло повредить им или кому-либо другому.

Начиная общаться с людьми и возмещая ущерб, многие адепты 12-шаговой программы отмечают, что немало страхов было надуманных, а обретенная свобода вдохновляет.

В динамике, спустя годы абстиненции, аддикт может вспомнить еще факты нанесенного ущерба, по нашему мнению, психика предъявляет такие воспоминания по мере готовности пройти через ситуацию возмещения ущерба, готовности вести диалог с пострадавшей стороной.

Шаг 10. Продолжали самоанализ и когда допускали ошибки, сразу признавали это.

Освоение последних трех шагов Программы (10–12) позволяют эффективно поддерживать трезвость и испытывать радость жизни. 10-й шаг нельзя путать или заменять работой с дневником чувств. Справедливости ради, нужно сказать, что в 12-шаговой программе АА очень мало говорится о чувствах и эмоциях, в основном о проявлениях вины, стыда, ужаса. Вероятно, это связано с двумя моментами: 1) в активном алкоголизме чувства являются «замороженными» – это защитная реакция психики; 2) алкогольные аддикты имеют заниженную самооценку и, соответственно, спектр их чувств и эмоций по отношению к себе находится в отрицательной полярности. Таким образом, для

психолога, открывается обширное поле деятельности: работа с чувствами и с самооценкой.

С точки же зрения Программы 10-й шаг – это продолжение работы, начатой в 4-м шаге, и продолженной до 9-го шага включительно. При обнаружении проявлений себялюбия, нечестности, злобы, страха, Программа рекомендует следующий алгоритм действий:

1. Просить Высшую Силу избавить.
2. Обсудить свое состояние с кем-либо.
3. Если кому-нибудь нанесен ущерб, принести извинения и помириться.
4. Переключиться на какое-нибудь маленькое доброе дело (сделать комплимент, предложить чашку чаю, помыть посуду, покормить птиц...).

Шаг 11. Стремись путем молитвы и размышления углубить соприкосновение с Богом, как мы понимали Его, молясь лишь о знании Его воли, которую нам надлежит исполнить, и о даровании силы для этого.

В 12-шаговых сообществах существует понятие Высшей Силы или «Бог, как мы понимали его», фактически каждый член имеет свое личное представление о той Силе, благодаря которой трезвость стала возможной. 11-й шаг предписывает регулярное обращение к этой Силе, утром, вечером, в течение дня, как только возникают сомнения в том, как должно поступить. Алкогольная аддикция характеризуется чувством глубокого одиночества, поэтому Программа рекомендует видеть в Высшей Силе, прежде всего, Друга, а не Божество. У аддикта появиться ощущение сопричастности к группе взаимопомощи, социуму, Вселенной.

Шаг 12. Достигнув духовного пробуждения, к которому привели эти шаги, мы старались донести смысл наших идей до других алкоголиков и применять эти принципы во всех наших делах.

Содержание 12-го шага – это донесение информации о возможности выздоровления до алкоголиков, которые встречаются в повседневной жизни. Срок работы над этим шагом: пожизненно.

Заключение. Программа «12 шагов АА» – это своеобразная жизненная философия, философия бескорыстной помощи человеку человеком и духовного возрастания. С психологической точки зрения в Программе инфантилизм аддикта возрастает до мудрости взрослого человека, осознанно проживающего свою собственную жизнь. Посещение 12-шаговых групп взаи-

помощи усиливает эффект бригадной работы психиатра-нарколога, психотерапевта, психолога, обеспечивая обширную принимающую безопасную среду. Изучение международного опыта психолого-педагогического сопровождения аддиктов указывает на эффективность любой формы организации групп взаимопомощи, при условии ее регулярности и долгосрочности посещения [4; 6; 7].

Литература

1. Клинический протокол оказания медицинской помощи пациентам с психическими и поведенческими расстройствами: прил. к приказу М-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 31.12.2010 г. № 1387 / Респ. науч.-практ. центр психич. здоровья; [О.Р. Айзберг [и др.]]. – Минск: Проф. изд-во, 2011. – 374 с. – (Психиатрия, психотерапия и клинич. Психология: 2220-1122; 2011, прил.).
2. Оказание медицинской помощи пациентам с психическими и поведенческими расстройствами вследствие употребления психоактивных веществ (взрослое и детское население). Клинический протокол: прил. к приказу М-ва здравоохранения Респ. Беларусь 08.11.2022 г. № 108. URL: <https://prosm.by/normativnye-akty/protokoly-lecheniya/postanovlenie-mz-rb-%E2%84%96108-ot-08.11.2022.html?ysclid=lsnizj35aj986734456> (дата обращения: 15.02.2024).
3. Стандарт специализированной медицинской помощи при синдроме зависимости, вызванном употреблением психоактивных веществ: прил. к приказу М-ва здравоохранения Российской Федерации от 17 мая 2016 г. N 302н. URL: <https://psychiatr.ru/download/2685?view=1&name=302%D0%BD.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).
4. Крестьянинова, Т.Ю. Организация психологического принимающего пространства для лиц с алкогольной аддикцией / Т.Ю. Крестьянинова // Психологическая студия: сб. ст. студентов, магистрантов, аспирантов, молодых исследователей каф. прикладной психологии ВГУ имени П.М. Машерова. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – Вып. 13. – С. 142–144.
5. Роналд, Т. Поттер-Эфрон. Стыд, вина и алкоголизм: клиническая практика / Т. Поттер-Эфрон Роналд. – Москва: Ин-т общегуманитар. исследований, 2002. – 406 с.
6. Флорес, Ф.Дж. Групповая психотерапия зависимостей / Ф.Дж. Флорес. – М.: Ин-т общегуманитар. исследований, 2016. – 736 с.
7. Карпов, А.М. Семь ступеней к свободе от зависимостей. Концепция программы реабилитации / А.М. Карпов [и др.] // Вопросы наркологии. – 2017. – № 6(154). – С. 148–150.
8. Анонимные алкоголики – взгляд изнутри [Текст]: [перевод]. – Киров: ОАО «Дом печати – ВЯТКА», 2011. – 24 с.
9. АА взрослеет. Краткая история АА / пер. с англ. – Киров: ОАО «Дом печати – ВЯТКА», 2008. – 327 с.
10. Шаги 6–7. Малая группа по шагам // Vesvalo: сайт. – URL: <http://vesvalo.net/index.php?showtopic=11208> (дата обращения: 12.09.2023).

Поступила в редакцию 18.03.2024

Психологическая помощь подросткам, склонным к аутоагрессивному поведению

Косареvская Т.Е., Яцухно О.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Актуальность темы вызвана тем, что в подростковом возрасте самоповреждающее поведение является одним из распространенных видов аутоагрессии. Действия подростков зачастую характеризуются импульсивностью и нерегулируемостью.

Цель исследования – определить эффективность психокоррекционной работы с подростками, склонными к аутоагрессивному поведению, с учетом взаимосвязи аутоагрессии и личностных особенностей.

Материал и методы. Для решения поставленных задач использовался комплекс взаимодополняющих диагностических методик; статистические методы обработки данных, полученных до и после проведения коррекционной работы с подростками. В исследовании приняли участие 78 респондентов, в возрасте от 14 до 17 лет. В клиническую группу вошли подростки с диагностированными невротическими и соматоформными нарушениями, связанными со стрессом; эмоциональным расстройством детского и подросткового возраста, в нормативную группу вошли школьники без диагнозов.

Результаты и их обсуждение. Предложена и апробирована программа мероприятий, направленных на уменьшение рисков аутоагрессивного поведения. Показана эффективность психокоррекционной работы, целью которой являлось: обучение навыкам саморегуляции эмоций и межличностного взаимодействия, развитие навыков самоэффективности и формирование психологической нечувствительности к негативному социальному влиянию.

После психокоррекционной работы получены статистически значимые различия по следующим шкалам: спонтанная агрессивность, депрессивность и раздражительность. Произошло улучшение психоэмоционального состояния подростков и снижение уровня тревожности. Подростки легче вступали в контакт со сверстниками, смогли использовать более адаптивные и социально приемлемые способы эмоционального реагирования.

Заключение. В результате проведенных мероприятий улучшилось осознание подростками рисков аутоагрессивного поведения, понимание взаимосвязи аутоагрессии с эмоциональным состоянием. Предложенная программа может использоваться для профилактической и психокоррекционной работы с подростками.

Ключевые слова: аутоагрессивное поведение, личностные особенности, подростковый возраст, психокоррекционная программа.

Psychological Aid for Teenagers Prone to Autoaggressive Behavior

Kosarevskaya T.E., Yatsukhno O.N.

Education Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University»

The relevance of the topic is due to the fact that in adolescence, self-harmful behavior is one of the common types of auto-aggression. The actions of adolescents are often characterized by impulsiveness and uncontrollability.

The purpose of the study is to determine the effectiveness of psycho-correctional work with adolescents prone to auto-aggressive behavior; taking into account the relationship between auto-aggression and personal characteristics.

Material and methods. To solve research problems, a set of complementary diagnostic techniques was used: statistical methods for processing data obtained before and after correctional work with adolescents. The study involved 78 respondents, aged from 14 to 17. The clinical group included adolescents with diagnosed neurotic and somatophoric disorders associated with stress, emotional disorder in childhood and adolescence, the normative group included schoolchildren without diagnoses.

Findings and their discussion. A program of measures aimed at reducing the risks of auto-aggressive behavior was proposed and tested. The effectiveness of psycho-correctional work was shown, the purpose of which was to teach the skills of self-regulation of emotions and interpersonal interaction, develop self-efficacy skills and develop psychological insensitivity to negative social influence.

After psycho-correctional work, statistically significant differences were obtained on the following scales: spontaneous aggressiveness, depression and irritability. An improvement in the psycho-emotional state of adolescents took place as well as a decrease in the level of anxiety. Teenagers came into contact with peers more easily and were able to use more adaptive and socially acceptable ways of reacting emotionally.

Conclusion. As a result of the activities carried out, adolescents' awareness of the risks of auto-aggressive behavior and understanding of the relationship between auto-aggression and emotional state improved. The proposed program can be used for preventive and psycho-correctional work with adolescents.

Key words: self-aggressive behavior; personal characteristics, adolescence, psychocorrectional program.

Актуальность темы вызвана тем, что в подростковом возрасте самоповреждающее поведение является одним из распространенных видов аутоагрессии. Поведенческие реакции подростков зачастую характеризуются импульсивностью и нерегулируемостью, связанными с недостаточной способностью контролировать свои эмоции. Это может приводить к агрессивным действиям, обусловленным сильным эмоциональным возбуждением. Проблема аутоагрессивного поведения представляет не только научный интерес, но имеет и социальную значимость [1].

В группу высокого риска попадают подростки с нарушениями психического развития, включенные в неформальные группы, депривированные и виктимизированные. Как правило, подростки получают опыт в группах сверстников или через интернет-сайты с идентичной тематикой для быстрого способа достичь желаемого одобрения со стороны ровесников. Это обеспечивает аутоагрессивному поведению устойчивость в подростковых группах. Подростки с аутоагрессивным поведением из-за страха недовольства подобными действиями окружения достаточно редко обращаются за квалифицированной помощью. Чаще всего аутоагрессивное поведение встречается у следующих возрастных групп: женщины в возрасте 15–19 лет, мужчины в возрасте 20–24 года. Отмечается линейный характер аутоагрессивного поведения: при возникновении самоповреждений однократно, происходит их повторяемость с большей интенсивностью, где одним из факторов риска является возраст [2].

Цель работы – определить эффективность психокоррекционной работы с подростками, склонными к аутоагрессивному поведению с учетом взаимосвязи аутоагрессии и личностных особенностей.

Материал и методы. Для решения исследовательских задач использовался комплекс взаимодополняющих методов: анализ научной литературы по исследуемой проблеме, обобщение и систематизация полученной информации; статистические методы обработки и анализа полученных данных и следующие психодиагностические методики:

1. Фрайбургский многофакторный личностный опросник (Тест FPI).
2. Анкета «Модификации тела и самоповреждения» (Н.А. Польская, А.С. Кабанова).
3. Методика оценки эмоционального интеллекта Н. Холла (опросник EQ).
4. Торонтская алекситимическая шкала (Toronto Alexithymia Scale, TAS).

5. Шкала тревожности Спилбергера–Ханина.

Исследование проводилось в ГУО «Средняя школа № 46 г. Витебска», УЗ «Витебский областной детский клинический центр» г. Витебска.

В исследовании приняли участие 78 респондентов, из них 44 (56%) – женского пола, 34 (44%) – мужского пола в возрасте от 14 до 17 лет; 22 респондента – клиническая выборка (подростки с выставленными невротическими и соматоформными нарушениями, связанными со стрессом, эмоциональным расстройством детского и подросткового возраста), 56 – нормативная выборка (школьники) [3].

Результаты и их обсуждение. По результатам эмпирического исследования на нормативной и клинической группах был сделан вывод о том, что низкий уровень эмоционального интеллекта респондентов подросткового возраста повышает склонность к аутоагрессивному поведению. В клинической группе у респондентов аутоагрессивное поведение связано с желанием «уйти от негативных эмоций», при этом в общей выборке аутоагрессивное поведение носит ситуативный характер.

В исследовании не было выявлено ни одного подростка с высоким уровнем эмоционального интеллекта (ЭИ). Большая часть респондентов имели средний уровень ЭИ. Им было сложнее совладать со стрессом, возможно в силу недостаточно высокого уровня управления эмоциями, жизнестойкости, неумения в полной мере понять эмоции других людей и построить конструктивный контакт с окружающими. Подростки, которые испытывали трудности в распознавании собственных или чужих эмоций, имели низкое понимание факторов, вызывающих эти эмоции, не обладали качеством контроля внешнего выражения эмоций и способности вызывать желаемые эмоции у других людей, склонны были к выражению агрессивного и самоповреждающего поведения. Подробнее результаты диагностического исследования представлены в нашей публикации [3].

В связи с этим важнейшим направлением профилактики аутоагрессивного поведения является развитие эмоционального интеллекта у подростков. Своевременная психологическая помощь, забота со стороны родителей, внимание со стороны сверстников позволяет подростку справиться со своим состоянием. В случае нарушения отношений с близкими людьми подросткам необходима профессиональная психологическая помощь [2]. Также важно проведение семинаров и тренингов

(в рамках общеобразовательных мероприятий, в рамках психотерапии) с целью обучения и улучшения качества применения навыков саморегуляции эмоций и проявления гнева, обучения навыкам релаксации.

Нами была разработана и апробирована на практике «Программа мероприятий, направленных на уменьшение рисков аутоагрессивного поведения», состоящая из восьми занятий, предназначенная для подросткового и юношеского возраста. Состав группы – от 5 до 11 человек. Продолжительность занятия 1,5–2 часа.

Цель психокоррекционной программы – обучение навыкам саморегуляции эмоций и межличностного взаимодействия, которые способствуют развитию позитивной адаптации к социальной среде, а также контролю и направлению собственной жизни в соответствии с собственными интересами и потребностями. Кроме того, программа ориентирована на развитие навыков самоэффективности и формирования психологической нечувствительности к негативному социальному влиянию.

Применялись элементы арт-терапии, гештальт-подхода, телесной терапии (включая упражнения на дыхание и снятие психофизического и эмоционального напряжения), медитация. Выбор этих подходов определялся различными психологическими факторами, такими как повышенный уровень агрессивности, тревожности, эмоциональная нестабильность, проблемы взаимоотношений, низкая самооценка и сложности эмоциональной саморегуляции у подростков [1].

Программа включала следующие этапы:

1. Диагностика нарушений в эмоционально-волевой сфере. В рамках нее применялись методы, разработанные с учетом целей исследования, проводился анализ факторов, имеющих связь с аутоагрессивным поведением.

2. Исследование индивидуальных особенностей и выявление факторов, влияющих на развитие аутоагрессивного поведения. Эти факторы могут быть биологическими, такими как наличие психического расстройства или перинатальной патологии в анамнезе, личностными – например, повышенный уровень тревожности, и социальными – например, неполная семья или асоциальное поведение родителей, а также низкий образовательный уровень семьи.

3. В рамках оказания психотерапевтической и психокоррекционной помощи с целью развития навыков социального взаимодействия и адаптации реализованы следующие мероприятия:

- Повышение самооценки и степени интегрированности личности.
- Развитие адаптивных возможностей на основе сильных сторон личности.
- Обучение успешному преодолению конфликтных ситуаций в межличностном взаимодействии.
- Анализ проявлений индивидуально-психологических особенностей с целью профилактики аутоагрессивного поведения.

4. Индивидуальная психокоррекционная работа, включающая углубление понимания личностных особенностей и использование когнитивно-поведенческой терапии.

5. Групповая тренинговая работа, направленная на развитие коммуникативных навыков с целью осознания и снижения факторов риска развития аутоагрессивного поведения, а также обучения новым способам поведения.

Основной задачей программы являлась помощь подросткам в осознании рисков аутоагрессивного поведения, понимании ими взаимосвязи аутоагрессии с психоэмоциональным состоянием.

Благодаря анализу собственной жизни подростки осознавали свои взаимоотношения с другими людьми, учились распознавать способы поведения, вызывающие у них негативные эмоции. Понимание причин поведения, эмоциональных установок и их неконструктивного характера, а также взаимосвязь между различными воздействующими факторами и возникновением, развитием и сохранением реакций – все эти аспекты становились ясны при проведении индивидуальной психокоррекционной работы с подростками.

В ходе данной работы подростки также становятся способными понимать, артикулировать и относиться искренне к своим чувствам, начинают осознавать свои проблемы и переживания. В результате подростки получают возможность изменять свои неадекватные установки, способы своих эмоциональных реакций на более адаптивные и социально приемлемые.

Групповая работа проводилась с группой участников, имеющих схожую психопатологическую симптоматику аутоагрессивного поведения. Групповая динамика является необходимым терапевтическим механизмом, при котором моделируются межличностные взаимодействия в психологически безопасной обстановке для участников группы. Основная цель групповой терапии заключалась в создании ситуации, где каждый участник группы сможет осознать взаимосвязь между психологическими факторами и саморазрушительным

Таблица 1 – Тематический план программы, направленной на снижение уровня тревоги и снятие психоэмоционального напряжения

Тема занятия	Цель занятия	Количество часов
1. Знакомство. Правила работы группы	Создание безопасной атмосферы, формирование внутренней мотивации групповой деятельности	2
2. Что значит быть агрессивным?	Актуализация представлений участников об агрессивном, аутоагрессивном поведении, работа с собственными агрессивными чувствами; развитие рефлексии	2
3. Обучение релаксации	Обучение навыкам эмоциональной регуляции, самостоятельному формированию желаемых эмоциональных состояний и повышению осознанности	2
4. Обучение навыкам саморегуляции эмоций	Обучение приемам снятия состояния тревожности	2
5. Переосмысление предыдущего опыта, смысла жизни	Обучение приемам переосмысления ценностей	2
6. Дыхательные техники	Обучение приемам дыхательных техник для снижения уровня тревожности	2
7. Что такое стресс?	Обучение навыкам снижения стресса, развитие стрессоустойчивости	2
8. Самоценность	Осознавание образа Я, формирование уверенности в себе	2

поведением. Взаимодействие между участниками группы позволило им оценить свою роль в таких конфликтах и через это осознание лучше понять свои потребности и особенности взаимоотношений с окружающими.

Еще одним важным механизмом психологической коррекции являлось активное воздействие психолога на участников группы, направленное на конфронтацию с их собственными отношениями, проблемами, эмоциями и поведением. Данный эффект достигался путем обратной связи, формирующейся между каждым участником и группой в целом. В результате совместной работы в группе каждый подросток осваивал такие навыки, как понимание и осознание ситуаций, вызывающих у него напряжение и тревогу; анализ своего вклада в возникновение психогенных факторов; способность видеть себя глазами других, оценивать реакцию окружающих на свое поведение, осознавать свои мотивы и потребности; создавать и поддерживать здоровые межличностные связи. Особенностью обратной связи в групповой психотерапии является то, что она происходит в реальной ситуации межличностного эмоционального взаимодействия, что помогает отказаться от негативных эмоционально-поведенческих моделей и способствует формированию навыков эффективного общения. Групповая работа помогает подростку ощутить

эмоциональную поддержку группы, осознать свою ценность и стать более спонтанным в выражении своих чувств. Он учится точнее выразить свои эмоциональные состояния, обсудить свои проблемы и соответствующие им эмоции. Подросток начинает осознавать неадекватность некоторых своих эмоциональных реакций и вносит изменения в свои отношения.

Ход проведения коррекционной программы представлен в тематическом плане в таблице 1.

Проверка эффективности программы проводилась повторной диагностикой с помощью методики «Фрайбургский личностный опросник (FPI)». Результаты сравнительного анализа клинической группы до и после проведения психокоррекционной программы с использованием критерия Манна–Уитни представлены в таблице 2.

Как видно из таблицы 2, выявлены значимые различия по следующим шкалам: невротичность ($p \leq 0,022$) – уровень невротизации перед проведением психокоррекционных мероприятий у подростков выше; реактивная агрессивность ($p \leq 0,02$) – перед проведением психокоррекционных мероприятий подростки в клинической группе были более агрессивны и импульсивны; депрессивность ($p \leq 0,048$) – у подростков перед проведением психокоррекции показатели этой характеристики также значительно выше; раздражительность снизилась ($p \leq 0,001$).

Таблица 2 – Результаты сравнительного анализа клинической группы до и после проведения психокоррекционной программы

Шкалы	Клиническая группа (до проведения психокоррекции)	Клиническая группа (после проведения психокоррекции)	U-критерий Манна–Уитни
Раздражительность	6,89	5,41	258,5
Депрессивность	4,23	4,16	405,5
Общительность	4,4	6,47	139,5
Застенчивость	4,54	3,51	185
Реактивная агрессивность	6,51	5,44	273,5
Открытость	5,09	6,75	165,5
Невротичность	3,96	3,25	381,5
Маскулиность–феминизм	5,69	5,22	443,5
Эмоциональная лабильность	5,26	6,81	174
Экстраверсия– интроверсия	4,6	5,25	426,5

Заключение. Таким образом, в результате проведенных мероприятий произошло улучшение психоэмоционального состояния подростков и снижение уровня тревожности. Подростки легче вступают в контакт со сверстниками, у них увеличивается уровень общительности, они могут изменить способ своего эмоционального реагирования на более адаптивный и социально приемлемый.

Основные направления работы психолога, призванные уменьшить риск самоповреждающего поведения, могут включать следующие меры: обучение методам самоконтроля эмоций и волевым способам регуляции эмоционального состояния, социально приемлемым способам реагирования на агрессию; обучение умению распознавать и контролировать свои эмоции, включая адекватное их выражение; формирование навыков поведения в ситуациях конфликта и управления самими конфликтами; коррекция самооценки

и формирование позитивного отношения к себе; разработка эффективных стратегий преодоления жизненных трудностей.

Литература

1. Клинико-психологические особенности самоповреждающего поведения подростков / А.А. Баканова [и др.] // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. – 2020. – № 10. – С. 60–69.
2. Особенности самооценки состояний одиночества и безнадежности у подростков с самоповреждающим поведением на фоне разных стрессовых ситуаций / Н.Ю. Федунина [и др.] // Перспективы психологической науки и практики: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 16 июня 2017 г. – Москва: Моск. гос. ун-т дизайна и технологии, 2017. – С. 668–671.
3. Яцухно, О.Н. Взаимосвязь аутоагрессии и эмоционального интеллекта в подростковом возрасте / О.Н. Яцухно, Т.Е. Косаревская // Право. Экономика. Психология. – 2023. – № 4(32). – С. 62–67.

Поступила в редакцию 18.03.2024

Гендерные проявления буллинга в подростковой образовательной среде

Лауткина С.В., Крупская И.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья посвящена психологической проблеме буллинга в подростковой образовательной среде. Представлен анализ результатов эмпирического исследования гендерных проявлений буллинга среди подростков.

Цель работы – выявление гендерных проявлений буллинга в подростковой образовательной среде.

Материал и методы. Выборку исследования составили 22 испытуемых 12–17 лет, из них 17 девочек и 5 мальчиков, учащиеся 6, 9, 10-х классов средних школ. Для измерения буллинга использовался «Опросник по буллингу» (SMOB) Хорста Каспера.

Результаты и их обсуждение. По результатам опроса получены данные об общем числе жертв буллинга и о случаях буллинга I и II. Так, 41% подростков находится непосредственно в ситуации буллинга (девочек – 47%, мальчиков – 20%); 27% обучающихся подвергаются нападкам не менее одного раза в неделю уже более полугода, а 14% – становятся жертвами буллинга реже 1 раза в неделю и длится травля менее полугода. 1/3 учащихся подвергается постоянной травле, психологическому насилию. Вне зависимости от пола, жертвы становятся объектом травли со стороны 2–4 одноклассников или представителей старших классов.

Заключение. Установлены собственно случаи буллинга, психологическое и прямое физическое насилие, вербальная агрессия, бойкотирование, косвенная и вербальная травля. Выявлен повышенный уровень вербальной агрессии у испытуемых. Жертвы насилия замалчивают и не рассказывают о происходящей травле; они обращаются за помощью только к друзьям. Девочки подвержены прямому физическому буллингу (29%), скрытому – девочки и мальчики. У мальчиков буллинг чаще связан с самоутверждением и борьбой за власть, у девочек – направлен на эмоциональную деструктуризацию.

Ключевые слова: буллинг, агрессивное поведение, буллинг-структура, агрессор, жертва, наблюдатель, подростковый возраст, подростковая образовательная среда, гендерные особенности, пол, профилактика.

Gender Manifestations of Bullying in the Adolescent Educational Environment

Lautkina S.V., Krupskaya I.I.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article is devoted to the psychological problem of bullying in the adolescent educational environment. The analysis of the results of an empirical study of gender manifestations of bullying among adolescents is presented.

The purpose of the work is to identify gender manifestations of bullying in the adolescent educational environment.

Material and methods. The study sample consisted of 22 subjects aged 12–17 years, 17 of them girls and 5 boys, students in grades 6, 9, and 10 of secondary schools. Horst Kasper's "Bullying Questionnaire" (SMOB) was used to measure bullying.

The results and their discussion. According to the results of the survey, data were obtained on the total number of victims of bullying and on cases of bullying I and II. Thus, 41% of teenagers are directly in a bullying situation (girls – 47%, boys – 20%); 27% of students have been attacked at least once a week for more than six months, and 14% become victims of bullying less than once a week and the bullying lasts less than six months. 1/3 of the students are subjected to constant harassment and psychological violence. Regardless of gender, victims become the object of harassment by 2–4 classmates or representatives of the senior classes.

Conclusion. The actual cases of bullying, psychological and direct physical violence, verbal aggression, boycotting, indirect and verbal harassment have been established. An increased level of verbal aggression was revealed in the subjects. Victims of violence are silent and do not talk about the ongoing harassment; they seek help only from friends. Girls are exposed to direct physical bullying (29%), hidden bullying – girls and boys. For boys, bullying is more often associated with self-affirmation and a struggle for power, for girls it is aimed at emotional deconstructurization.

Key words: bullying, aggressive behavior, bullying structure, aggressor, victim, observer, adolescence, adolescent educational environment, gender characteristics, gender, prevention.

Буллинг (от англ. *bullying* – травля) – агрессивное поведение со стороны одного человека или группы лиц, осуществляемое систематически и продолжительное время, с целью причинения физического и психического вреда другому человеку, который не может себя защитить [1]. Учеными из России выделены наиболее восприимчивые к насилию возрастные периоды развития ребенка, дела-

ющие его наиболее уязвимым – это дошкольный и подростковый возраст. В этом возрасте уязвимость для буллинга связана с происходящими в организме ребенка гормональными, анатомо-физиологическими, эмоционально-личностными изменениями [2].

Наравне с буллингом появляются новые разновидности насилия, формы травли – виктимблейминг, харассмент, аутинг, stalking, хейзинг,

интернет-троллинг, кибертравля, которые наносят психологические травмы жертвам. В американских источниках виды буллинга подразделяются на флейминг (перепалки), нападки, самозванство, хеппислепинг (радостное избиение), клевету, выманивание конфиденциальной информации для ее дальнейшего распространения, остракизм (отчуждение, изоляция, бойкот), киберпреследование [3].

Для всех видов буллинга характерны следующие **характеристики**: *систематичность* (от одного до нескольких месяцев и более), *дисбаланс власти* (жертва не способна защитить себя), *агрессивное поведение* (физически и психически наносится ущерб человеку, который выбран жертвой), *групповой процесс* (затрагивает всю группу – агрессоров, жертв, свидетелей травли), *осознанность* (нанесение физического и психологического вреда другому человеку намеренно и осознанно).

Целью буллинга является желание скрыть свою неполноценность за агрессивным поведением [4]. Согласно аффективно-динамической теории И.А. Фурманова, агрессия является одним из способов адаптации и основной составляющей активности человека [5]. Однако буллинг отличается от *ситуативной агрессии* устойчивым способом доминирования и утверждения своего статуса в группе, намеренностью унижений. Такие особенности характерны для физического и вербального видов, а также для личной и виртуальной форм буллинга. Отличие же буллинга от *конфликта*, который является нормальным явлением, в неравенстве сил его участников и в продолжительности по времени.

Кроме того, буллинг направлен на лишение жертвы уверенности в себе, унижение человеческого достоинства, подрыв и ослабление физического, душевного здоровья и благополучия. Данный феномен может прекратиться только после удаления жертвы или агрессора физически, либо вмешательства в этот процесс третьей стороны.

Основные *факторы* возникновения буллинга делятся на две группы: *индивидуальные* (виктимность, агрессия, конформность) и *групповые* (неблагоприятный психологический климат, отсутствие единства и сплоченности группы, самоопределение личности в группе).

В.Р. Петросянц называет *факторы*, влияющие на формирование ролей в буллинге: уровень коммуникативных способностей, агрессивность, аффективные переживания, самоотношение, враждебность, социометрический статус, поведение в конфликтной ситуации, наличие социальной поддержки [6].

Специалисты утверждают, что буллинг происходит при совпадении *следующих факторов*: *низкая*

самооценка (наиболее заметно у «особенных» детей – при заикании, интеллектуальных нарушениях, сенсорной депривации, задержке психического развития, синдроме дефицита внимания с гиперактивностью и др.); *психологические проблемы* (тревожность, комплекс неполноценности, замкнутость, застенчивость, мнительность, низкая коммуникативность); *незащищенность* (иначе травля прекратится быстро).

Ряд исследователей используют понятие «предикторы» для обозначения возможных факторов, способствующих возникновению и образованию насилия. Так, под *предиктором* (от англ. глагола *predict* – «прогнозировать», «предсказывать») понимается некий показатель, прогностический параметр, фактор, влияющий и указывающий на возможность появления какого-то события. **Предикторы буллинга** в подростковом возрасте можно разделить на: 1) *социальные* (друзья с девиантным поведением, поведение родителей, культ насилия в обществе и средствах массовой информации, атмосфера образовательного учреждения); 2) *внутриличностные* (переживание переходного периода); 3) *поведенческие* (слабая успеваемость в школе, вандализм, ранняя судимость); 4) *персональные* (заниженная или неадекватно завышенная самооценка, плохое воспитание, импульсивность) и 5) *внутрисемейные* (проблемы в детско-родительских отношениях, завышенные требования к ребенку, не совпадающие с его способностями, сложные отношения между сиблингами, развод родителей) [7].

Ученые выделяют *виды* или *типы буллинга* в зависимости от критериев деления. Так, Д. Лэйн [8] называет: физическое и психическое насилие; И.С. Бердышев [7] – поведенческий, словесный и собственно агрессивный буллинг с физическим насилием; А. Гуттенбуль [9] – прямой (физический и вербальный) и косвенный (скрытый) – намеренное распространение слухов и сплетен, социальная депривация и др. А. Гуттенбуль отмечает, что для мальчиков характерен физический буллинг и активное участие в нем, для девочек – вербальный буллинг и косвенное участие [9]. В других исследованиях дается несколько другая картина; отмечено, что у мальчиков чаще наблюдается физическая и косвенная агрессия, у девочек – негативизм, вербальная агрессия, враждебность, ведение психологической войны против своих жертв [10].

По данным Л.М. Семенюк, для 10–11-летних подростков характерна физическая агрессия, к 14–15 годам превалирует вербальная агрессия, при этом физическая не снижается. Две формы агрессии максимально выделяются в 14–15 лет. Также

до 10–11 лет не так ярко выражены разные формы агрессии, а в возрасте 14–15 лет появляется более четкая дифференциация форм по частоте встречаемости [11]. А.А. Бочавер и К.Д. Хломов резюмируют, что прямую травлю испытывают в основном дети младших классов, а косвенной – подвержены учащиеся средней и старшей школы [12].

Наиболее четкое представление о возможных ролях в травле представлена «буллинг-структурой». «*Буллинг-структура*» состоит из инициаторов (обидчиков), помощников инициатора (именно они пользуются прямым буллингом и подражают обидчику), защитников жертвы (меньше всех замечены в травле по отношению к другим детям и реже попадают под воздействие буллинга, обладают наибольшим влиянием в классе), жертв и наблюдателей (свидетелей) [8; 13].

Последствия буллинга действуют разрушительно на развитие личности всех участников. Так, в процессе буллинга *жертвы* получают нарушение идентичности, низкую самооценку, ощущение беспомощности и безысходности, социальную дезадаптацию. У жертвы наблюдаются негативные последствия от травли: нарушения сна, аппетита, сосредоточенности, снижение учебной мотивации, социальная изоляция, потеря уважения к себе, развитие депрессивных тенденций, невротических расстройств, формирование посттравматического синдрома и делинквентного поведения. Роль жертвы и неудачника зачастую экстраполируется на другие сферы отношений. Жертвы буллинга, становясь взрослыми, часто страдают от депрессивных и нервных расстройств, менее успешны в профессии, ведут уединенный образ жизни.

Агрессоры (буллеры, обидчики, булли, организаторы травли) получают удовольствие от власти. Агрессоры способны на властные и насильственные действия по отношению к своим сверстникам или детям младше себя, показывают слабое развитие социальных и когнитивных навыков. Буллеры имеют высокий уровень притязаний и завышенную самооценку, импульсивны, раздражительны, склонны ко лжи и обману, легко возбудимы, не признают компромиссы; для них не свойственно общение по общепринятым правилам и нормам; авторитет повышают за счет унижения других. Зачастую за враждебным поведением буллера скрывается его неполноценность и самоутверждение, компенсация своей неуспешности за счет жертвы.

Вследствие асоциальных способов поведения, буллеры, выйдя из подросткового возраста во взрослую жизнь, занимаются противоправными криминальными действиями и попадают под су-

димность, либо становятся диктаторами и тиранами в семье. У агрессора после применения насилия, сознательного и регулярного унижения жертвы формируется стойкое ощущение вседозволенности и безнаказанности. Опыт травли губителен для личности обидчика, у него нарушаются механизмы формирования эмоциональной близости с людьми.

Помощники принимают участие в травле, но не начинают ее, высмеивают жертву, наносят ей физические травмы. Для них характерен средний уровень притязаний, податливость по отношению к окружающим, несамостоятельность, трусливость, но и достаточно характерная авторитарность. Помощниками в буллинге становятся по причинам: развлечение в преследовании жертвы, завоевание благосклонности лидера, подчинение стадному чувству, боязнь оказаться на месте жертвы, желание самоутвердиться или отомстить за свои неудачи.

В роли *наблюдателей* (свидетелей) чаще выступают подростки с низкой самооценкой, легко поддающиеся внешнему влиянию, несамостоятельные, переживающие страх, стыд за свое бездействие, ощущающие небезопасность среды и в то же время имеющие желание присоединиться к агрессору. При продолжительном действии травли у наблюдателей отмечается ослабление способности к эмпатии. Кроме получения отрицательных эмоций, проявляя свою пассивность, наблюдатели дают понять буллеру-агрессору, что с ними можно также поступать. Группа наблюдателей по количеству всегда самая большая.

К *последствиям буллинга* относятся: *аффективные* (большое количество негативных эмоций, высокий уровень тревожности), *поведенческие* (грубость, апатия, бродяжничество, воровство, враждебность), *когнитивные* (рассеянность, нарушения концентрации памяти, абстрактного мышления, трудности сосредоточения, неустойчивость внимания), *соматические нарушения* (бессонница, головные боли, кошмары, нарушение желудочно-кишечного тракта и сна); *суицидальные мысли и попытки* (склонность к виктимности, потеря интереса к окружающему миру); *нарушение школьной адаптации* (пропуски уроков, отказ от обучения, плаксивость, снижение успеваемости) [13].

Кроме того, исследователи отмечают, что даже, если случаи травли в школе происходят редко или появились недавно, нельзя оценивать такое положение как нормальное, потому что наблюдаются негативные последствия буллинга: травля «развращает» агрессора, снижает его мотивацию и учебные достижения, наблюдается ухудшение психологического и физического здоровья «жертв», нарушается

положительная атмосфера в классе в целом и др. [14; 15]. Таким образом, анализ исследований в области буллинга в школьной образовательной среде показывает актуальность и социальную значимость изучения данного феномена на группе обучающихся подростков.

Материал и методы. Эмпирическое исследование проводилось в УО КУП «Детский реабилитационно-оздоровительный центр “Жемчужина”» Витебской области. В исследовании приняли участие 22 испытуемых, учащиеся 6, 9, 10-х классов средних школ, 17 девочек и 5 мальчиков. Возрастной диапазон испытуемых от 12 до 17 лет.

В качестве диагностического инструментария использован опросник по буллингу (SMOB) Хорста Каспера [14]. Автор опросника – немецкий педагог Х. Каспер более 40 лет проработал в школе, из них 25 лет – директором. Зная изнутри проблему школьного насилия, Х. Каспер создает опросник «SMOB» (от нем. *Schülermobbing* – школьный моббинг) для изучения буллинга (моббинга) в школе. За основу был взят опросник Х. Лемана «LIPТ» («Leymann Inventory of Psychological Terror») для взрослых. Для создания опросника Х. Каспер [14] выделил *пять основных критериев буллинга* (характерны и для детей, и для взрослых): 1) конфликт приобретает стабильные формы, становится прочным; 2) имеется существенный перевес сил: из двух сторон одна (чаще всего это отдельный человек) оказывается в положении слабой и притесняемой; 3) этот человек часто (не реже одного раза в неделю); 4) на протяжении длительного времени (не менее полугода) подвергается нападкам и притеснениям; 5) у него почти нет шансов своими силами справиться с данной ситуацией.

В «Опроснике по буллингу» выделяется две формы: буллинг I и буллинг II. Буллинг I квалифицируется тогда, когда действия буллинга совершаются как максимум ежедневно, как минимум один раз в неделю, и такие нападки длятся более полугода. Буллинг II диагностируется: 1) в тех случаях, когда действия буллинга встречаются несколько раз в месяц или реже; буллинг длится больше полугода, но травля происходит реже, чем один раз в неделю; 2) учащиеся становятся жертвами травли как максимум ежедневно, как минимум раз в неделю, но для жертв буллинг начался недавно и длится менее полугода. Таким образом, в обеих формах буллинга I и II действия буллинга остаются одинаковыми, различается частота их реализации и длительности периода травли.

В опросник «SMOB» входит 11 тем и 94 утверждения-ответа. Испытуемый должен обвести

номера с описанными в них действиями, с которыми он сталкивался. Тематика действий затрагивает различные варианты буллинга – физическое насилие, вербальное насилие, угрозы, отвержение, а так же как часто это происходит, как давно началось, кто и сколько человек принимает участие в буллинге и др. Данные вопросы затрагивают все аспекты ситуации буллинга в образовательном учреждении, позволяют выявить наличие буллинга и самих «жертв» буллинга. В настоящее время опросник «SMOB» успешно применяется в мировой практике и имеет надежную репутацию в диагностике буллинга.

Результаты и их обсуждение. По результатам исследования (таблицы 1 и 2) установлено 225 действий буллинга по отношению к жертвам со стороны обидчиков. При оценке видов буллинга выявляется наличие прямого буллинга (собственно случаи буллинга) и отсутствие рисков косвенного (скрытого) буллинга. Оба вида травли выявлены в 41% случаев. Данный показатель соответствует нормативному показателю мировой практики – 42% (по данным Х. Каспера), в России (на отечественной выборке) получен показатель – 31%. При этом девочки становятся чаще жертвами травли, чем мальчики. В нашем исследовании 27% подростков стали жертвами прямого буллинга – буллинг I (нормативный показатель мировой практики – 16%, в России (на отечественной выборке) – 13%). В то время как буллинг II, в отличие от I, в два раза ниже по показателям и составляет 14%, при нормативном показателе в мировой практике – 26%, в России (на отечественной выборке) – 18% [15–17].

При этом статистика жертв прямого буллинга (буллинг I) по полу неоднородна. Данный вид буллинга выявлен только у девочек (35%). Скрытый буллинг (буллинг II) обнаружен у мальчиков в 20% (10 класс) случаев и у 12% девочек (6 класс), то есть девочки (47%) становятся чаще жертвами буллинга, чем мальчики (20%). Данные С. Кривцовой и др. на российской выборке говорят о том, что мальчики и девочки подвергаются буллингу примерно в равной степени [15].

По данным опроса, в 93% случаев буллинг осуществлялся одноклассниками жертв, в 7% – представителями других классов. В качестве буллеров учителя и руководство школ респондентами не назывались. Жертвы буллинга отмечают, что 27% нападков в отношении них совершали буллеры в количестве от двух до четырех человек, в 9% – их было более четырех, в 5% случаев нападки совершал один человек.

Физический буллинг выявлен среди жертв буллинга I – 5 девочек (по 2 из 6 и 10-х классов,

Таблица 1 – Результаты «Опросника по буллингу» в абсолютных числах

Статистика	Мал.	Дев.	Сумма	Примечание
Число опрошенных	5	17	22	Данные об общем числе опрошенных
Действия буллинга	26	199	225	Данные об общем числе действий буллинга, перечисленных в пунктах 1–55
Случаи буллинга I	0	6	6	Число учащихся, в отношении которых действия буллинга начались не менее чем полгода назад (пункты 62–64) и осуществлялись не менее одного раз в неделю (пункты 56–58). Это и есть собственно случаи буллинга
Случаи буллинга II	1	2	3	Число всех учащихся, в отношении которых действия буллинга совершались: 1) реже, чем один раз в неделю (пункты 59–60) и длятся менее полугода (пункты 65–68) или 2) минимум один раз в неделю и длятся менее полугода или 3) длятся более полугода, но происходят реже, чем раз в неделю
Общее число жертв буллинга	1	8	9	

Таблица 2 – Результаты «Опросника по буллингу»

Статистика	Мал.	Дев.	% от общего числа опрошенных	Примечание
Буллинг I в %	0	35	27	% показатель собственно случаев буллинга (буллинг I) от общего числа опрошенных учащихся; средний показатель в %
Буллинг II в %	20	12	14	% показатель случаев буллинга II
Число жертв буллинга в %	20	47	41	% учащихся, являющихся жертвами обеих форм буллинга (I и II)

1 – из 9-го класса) и выражался в виде ударов, толканий, запугиваний, отбирания вещей. Психологическое насилие в социальных сетях отмечено среди жертв буллинга I и II у 4 девочек (по 2 девочки из 6 и 10-х классов). Наиболее распространенной формой психологического буллинга среди школьников являются критика, обидные требования, сплетни о жертве, выставление на посмешище перед другими, распространение лжи и слухов. Далее по уменьшению выбранных пунктов – перебивание, крики на жертву, нежелание вместе работать, высмеивание внешности, обидные прозвища, критика из-за родителей, увлечений, угрозы на словах, исключение из общения, передразнивание.

Результаты анализа показывают, что буллинг прогрессирует, так как физической и косвенной травле (распространение слухов, сплетен и негативной информации о жертве, игнорирование в общении, перебивание в разговоре) подвергаются девочки не только средних, но и старших классов агрессорами своего же пола. Такие нападки на социальную репутацию при обследовании у каждой второй девочки. Независимо от возраста девочки, чаще мальчиков, становятся объектом нападения

с целью лишения денег и вещей, жертвами сплетен, ругательств, обидных прозвищ; сталкиваются с обидными отзывами о их внешности или одежде, с отказом с ними разговаривать, часто их выставляют на посмешище.

По сравнению с мальчиками, девочки чаще становятся жертвами подобных нападков, они сталкиваются с изоляцией в общении и бойкотированием. Так, 9 девочек из 17 и 2 мальчика из 5 подвергаются бойкотированию и изоляции (демонстрирование отвержения через жесты и позы, игнорирование в общении и в играх, полное игнорирование, запрещение другим детям разговаривать с бойкотируемыми, перебивание в разговоре).

Результаты анализа ответов опросника позволяют установить тех лиц, которым более всего доверяют подростки в ситуации буллинга. Так, подростки больше всего рассказывают о ситуациях буллинга своим друзьям (14 отметок); могут обратиться за помощью к учителю, директору школы и родителям (по 4 отметки); психологу и в психологический центр, родственникам, другому человеку, никто не нужен для обращения (по 3 отметки); не к кому обратиться, но нужен такой человек (1 отметка).

При этом все обследуемые мальчики отметили обращение за помощью только к друзьям, все остальные позиции с выбором помощи выбрали только девочки.

Таким образом, доверие своим друзьям, в первую очередь, объясняется самой главной для психологического развития ведущей деятельностью этого возрастного периода – общению со сверстниками. Именно в общении приобретается эмоциональная и социальная зрелость; подросток учится понимать и различать свои и чужие эмоции. Друг, сверстник – равный, разделяющий взгляды и убеждения, с ним легче откровенничать и делиться; он всегда может дать ценный совет.

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование позволило составить *психологический портрет подростков, подвергшихся буллингу* (вне зависимости от пола). Так, жертвы насилия обладают рядом характерных психологических *особенностей*: чувствительностью, застенчивостью, неуверенностью в себе, пугливостью, отсутствием близких друзей, склонностью к депрессии. Они страдают от визуальных физических недостатков, имеют отличительные черты (нарушение здоровья, отсутствие или ограничение модной одежды, обуви, мобильного телефона, компьютера). Они плохо коммуницируют, склонны выполнять роль подчиняющегося в межличностных взаимоотношениях, имеют низкое положение в социальной группе. Жертвы травли повышено тревожны, испытывают чувство страха, имеют неадекватно низкую самооценку, застенчивы, склонны к самообвинению, не агрессивны, не способны защищать себя.

В *психологическом портрете подростков с высоким уровнем агрессии* (вне зависимости от пола), которые чаще выступают буллерами, выделяются следующие характеристики: 1) низкий уровень эмпатии, неспособность поставить себя на место других людей, понять их эмоциональное состояние; 2) эгоцентризм, склонность думать только о себе и своих интересах, не обращая внимания на чувства и потребности других людей; 3) нестабильное отношение с окружающими, неспособность устанавливать длительные и положительные контакты с другими людьми; 4) слабая саморегуляция, импульсивность, не способность контролировать собственное поведение; 5) стремление к власти, желание добиваться признания, унижая других; 6) самовлюбленность, раздражительность, низкая терпимость к фрустрации, преобладание негативных и отрицательных эмоций и их быстрое возникновение; 7) избегание ответственности за свои поступки и др. Характер комплекса неполноценно-

сти у высокоагрессивных подростков сопровождается одновременным стремлением к признанию у окружающих путем подавления интересов других людей. Этому могут способствовать страхи и тревоги, связанные с личными проблемами, самоутверждением и закрытостью внутреннего мира, недовольством собой, а также авторитарным стилем воспитания внутри семьи и наличием физического наказания в отношении ребенка.

Таким образом, специалисты учреждения образования должны проводить постоянную работу по профилактике буллинга, а при наличии таких случаев – по его коррекции. Специалистам школы следует активно противодействовать проявлениям буллинга, не путая его с детской и подростковой активностью, агрессивностью, виктимизацией.

Заключение. Буллинг является формой деструктивного межличностного взаимодействия, негативным социальным явлением, в котором скрываются психологическая неполноценность и несостоятельность личности, направляющая свои агрессивные и насильственные действия на другого человека. Психологические особенности участников буллинга различаются в зависимости от позиции в ситуации травли. В процессе буллинга реализовываются роли агрессора (обидчика), жертвы и наблюдателя (свидетеля). Роль агрессора в буллинге относительно стабильна. С возрастом отношение подростков к буллингу и его формам проявления меняется. Наибольшее отрицательное переживание испытывают жертвы буллинга, их переживания могут привести жертву даже к суициду.

Анализ данных опроса респондентов свидетельствует о наличии случаев травли в подростковой среде. Большинство опрошенных респондентов подвергались психологическому насилию, вербальной агрессии. Оба вида травли (буллинг I и II) совершаются со стороны сверстников. Случаи прямого буллинга (буллинг I) выявлены только у девочек. Скрытый буллинг (буллинг II) обнаружен у мальчиков и девочек, однако девочки чаще мальчиков становятся жертвами буллинга. Девочки чаще подвержены прямому физическому насилию и бойкотированию. По сравнению с мужским буллингом, женская травля опаснее, так как ярче персонализирована и эмоционально более деструктивна.

Прямой буллинг проявляется физически в виде нанесения телесных повреждений, щипаний, пинков со злым умыслом, ударов, кражи и порчи вещей, отбирания или требования денег и вербально – запугивание с помощью жестоких слов, грубой коммуникации с целью унижения перед всеми, постоянных угроз и словесных оскорблений, насмешек

о внешнем виде, инвалидности и др. Подростки обоих полов чаще подвергаются буллингу со стороны 2–4 одноклассников или сверстников; чаще всего жертвы буллинга обращаются за помощью и советом к своим друзьям, в единичных случаях доверяют информацию, рассказывают о случаях буллинга родителям, педагогам, психологам, руководству школы.

Проведенное исследование позволило описать вне зависимости от пола респондентов психологические портреты подростков – жертв и буллеров.

Эффективная коррекция буллинга специалистами возможна при взаимодействии с учителями и родителями учащихся. Такая коррекция включает различные стратегии реагирования, в зависимости от ситуации, и предполагает выработку определенной программы действий, которая направлена на улучшение межличностных отношений в классе (снижение конфликтности, гуманизация отношений, развитие коммуникативных навыков у подростков, формирование толерантности), индивидуально-коррекционную работу как с жертвами буллинга (стабилизация психоэмоционального состояния, повышение самооценки и социометрического статуса в классе, развитие навыков коммуникации, информирование о возможных способах реагирования на агрессию, знакомство с адресом психологической помощи и телефонами доверия), так и с их родителями (установление доверительного контакта, консультирование по эффективным способам реагирования на изменение поведения детей, рекомендации по улучшению психоэмоционального климата в семье), а также буллерами (снижение агрессивности, конфликтности, информирование об ответственности за действия, которые могут быть отнесены к буллингу, формирование толерантного отношения к одноклассникам).

Таким образом, формы работы и используемые упражнения по профилактике буллинга позволяют специалистам учить подростков сглаживать конфликтные ситуации, сдерживать распространение агрессивного и негативного поведения, формировать у подростков позитивную модель поведения, способствуют гармонизации межличностных отношений в классе и недопущению ситуаций травли.

Литература

1. Мальцева, О.А. Профилактика жестокости и агрессивности в подростковой среде и способы ее преодоления / О.А. Мальцева // Тюмен. гос. ун-т. – 2009. – № 7. – С. 51–54.
2. Алексеева, Л.С. Жестокое обращение с детьми: его последствия и предотвращение / Л.С. Алексеева. – М.: Нац. книж. центр, ИФ «Сентябрь», 2016. – 160 с.

3. Малкина-Пых, И.Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях: справочник практического психолога / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Изд-во Эксмо, 2015. – 960 с.

4. Ларченко, Н.А. Буллинг – причины, формы, профилактика: метод. материал / Н.А. Ларченко. – Волгоград, 2015. – 23 с.

5. Фурманов, И.А. Социальная психология агрессии и насилия: профилактика и коррекция: учеб. пособие для студентов учреждений высшего образования по специальности «Психология» / И.А. Фурманов. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. – 401 с.

6. Петросянц, В.Р. Психологические характеристики старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде [Электронное ресурс] / В.Р. Петросянц. «The Emissia Offline Litters». – Режим доступа: <http://www.emissia.org/offline/2010/1479.htm>. – Дата доступа: 02.02.2024.

7. Бердышев, И.С. Медико-психологические последствия жестокого обращения в детской среде. Вопросы диагностики и профилактики: практ. пособие для врачей и социальных работников / И.С. Бердышев, М.Г. Нечаева. – СПб.: СПб ГУ СПСиД «Региональный центр «СЕМЬЯ», 2005. – 44 с.

8. Лэйн, Д. Школьная травля (буллинг) / Детская и подростковая психотерапия / под ред. Д. Лэйна, Э. Миллера. – СПб.: Питер, 2001. – С. 240–276.

9. Гутгенбуль, А. Зловещее очарование насилия. Профилактика детской агрессивности и жестокости и борьба с ними / А. Гутгенбуль. – СПб.: Акад. проект, 2000. – 217 с.

10. Шалагинова, К.С. Гендерные особенности буллинга в подростковом возрасте / К.С. Шалагинова, Т.И. Куликова, С.А. Залыгаева // Психологическая наука и образование. – 2019. – № 4. – С. 62–71.

11. Семенюк, Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции: учеб. пособие / Л.М. Семенюк. – М.: Моск. психол.-соц. ин-т: Флинта, 1998. – 96 с.

12. Бочавер, А.А. Буллинг как объект исследований и культурный феномен / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Психология. – 2013. – Т. 10, № 3. – С. 149–159.

13. Буллинг в условиях образовательной среды: межкультурный аспект: монография / Н.В. Кухтова [и др.]; под ред. Н.В. Кухтовой, С.М. Шингаева. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова [Электронный ресурс]. – 2018. – 171 с. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/16884>. – Дата доступа: 15.01.2024.

14. Kasper, H., Heinzelmann-Arnold I. Schülermobbing – tun wir was dagegen! Smob-Fragebogen mit Anleitung und Auswertungshilfe. Klasse 5–13. / H. Kasper, I. Heinzelmann-Arnold. – Lichtenau: AOL-Verlag, 2010. – 48 p.

15. Кривцова, С. Буллинг в школах мира: Австрия, Германия, Россия / С. Кривцова, А. Шапкина, А. Белевич / Образовательная политика. – 2016. – № 3(73). – С. 97–119.

16. Янова, Н.Г. Психолого-педагогические риски буллинга в образовательной среде / Н.Г. Янова // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. – 2019. – № 4(15). – С. 189–197.

17. Viereg, E. Mobbing im Klassenzimmer. Bestandsaufnahme körperlicher und psychosozialer Gewalt an drei steirischen Hauptschulen. 2012. URL: http://www.inter-uni.net/static/download/publication/masterthesen/T_Vieregg_www.pdf [12.12.2012].

Поступила в редакцию 11.04.2024

Артёменко Татьяна Константиновна – аспирант кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Батура Диана Сергеевна – магистрант кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова.

Бельская Анна Александровна – студентка 4-го курса факультета экономики и бизнес-управления УО «ВГТУ».

Богатырёва Валентина Васильевна – ректор ВГУ имени П.М. Машерова, доктор экономических наук, профессор.

Герасимова Вера Вадимовна – доцент кафедры психотерапии и наркологии Казанской государственной медицинской академии – филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования» Министерства здравоохранения Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент.

Гуминский Максим Николаевич – старший преподаватель кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебский филиал учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет “МИТСО”».

Ивашкевич Елена Францевна – заведующий кафедрой истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

Карпов Анатолий Михайлович – заведующий кафедрой психотерапии и наркологии Казанской государственной медицинской академии – филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доктор медицинских наук, профессор.

Кожневская Елена Юрьевна – магистр психологических наук, аспирант кафедры социальной и семейной психологии Института психологии УО «БГПУ имени Максима Танка».

Косаревская Татьяна Евстафьевна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Крестьянинова Татьяна Юрьевна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат биологических наук, доцент.

Крупская Ирина Игоревна – студентка факультета социальной педагогики и психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Лауткина Светлана Владимировна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Панков Дмитрий Алексеевич – заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита в отраслях народного хозяйства Белорусского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор.

Самоховец Мария Павловна – докторант кафедры налогов и налогообложения Белорусского государственной экономической университета, кандидат экономических наук, доцент.

Слепкова Валентина Ивановна – доцент кафедры социальной и семейной психологии Института психологии УО «БГПУ имени Максима Танка», кандидат психологических наук, доцент.

Стаценко Владимир Григорьевич – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

Стреленко Анна Анатольевна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Сухарев Андрей Александрович – доцент кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

Торчило Юрий Николаевич – главный внештатный психотерапевт Витебской области, заведующий диспансером УЗ «Витебский областной клинический центр психиатрии и наркологии», врач-психиатр-нарколог высшей квалификационной категории.

Трацевская Людмила Фёдоровна – доцент кафедры информационных технологий и управления бизнесом ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент.

Чёрный Владислав Павлович – старший преподаватель кафедры маркетинга и финансов УО «ВГТУ».

Яцухно Ольга Николаевна – магистрант кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Artemenko Tatyana Konstantinovna – Graduate Student of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology.

Batura Diana Sergeyevna – Master Student of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Criminal Law and Criminal Process.

Belskaya Anna Aleksandrovna – 4th year Student of Vitebsk State Technological University Faculty of Economics and Business Management.

Bogatyreva Valentina Vasilyevna – Rector of Vitebsk State P.M. Masherov University, Dr.Sc. (Economics), Professor.

Gerasimova Vera Vadimovna – Assistant Professor of Kazan State Medical Academy Department of Psychotherapy and Narcology (Branch of Russian State Medical Academy of Continuous Professional Education), PhD (Psychology), Assistant Professor.

Huminski Maksim Nikolayevich – Senior Lecturer of Vitebsk Branch of Education Establishment of Federation of Trade Unions of Belarus “International University MITSO” Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines.

Ivashkevich Elena Frantsevna – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law, PhD (Education), Assistant Professor..

Karpov Anatoly Mikhailovich – Head of Kazan State Medical Academy Department of Psychotherapy and Narcology (Branch of Russian State Medical Academy of Continuous Professional Education), Dr.Sc. (Medicine), Professor.

Kozhenevskaya Yelena Yuryevna – Master of Psychological Sciences, graduate student of the Department of Social and Family Psychology, Institute of Psychology, Maxim Tank BSPU.

Kosarevskaya Tatyana Evstafyevna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Krestyaninova Tatyana Yuryevna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Biology), Assistant Professor.

Krupskaya Iryna Igorevna – Student of Vitebsk State P.M. Masherov University Faculty of Social Pedagogy and Psychology.

Lautkina Svetlana Vladimirovna – Associate Professor Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Associate Professor.

Pankov Dmitry Alekseevich – Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit in Sectors of the National Economy, Belarusian State Economic University, Dr.Sc. (Economics), Professor.

Samokhovets Mariya Pavlovna – Doctoral Student of Belarusian State Economic University Department of Taxes and Taxation, PhD (Economics), Assistant Professor.

Slepkova Valentina Ivanovna – PhD (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Family Psychology, Institute of Psychology, Maxim Tank BSPU.

Statsenko Vladimir Grigoryevich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Criminal Law and Criminal Process, PhD (History), Assistant Professor.

Strelenko Anna Anatolyevna – PhD (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University, Department of Psychology.

Sukharev Andrei Aleksandrovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law, PhD (Education), Assistant Professor.

Torchylao Yuri Nikolayevich – Senior Psychotherapist of Vitebsk Region, Head of Vitebsk Region Clinical Center for Psychiatry and Narcology, Psychiatrist-Narcologist of Higher Qualification Category.

Tratsevskaya Liudmila Fedorovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Information Technologies and Business Management, PhD (Economics), Assistant Professor.

Chorny Vladislav Pavlovich – Senior Lecturer of Vitebsk State Technological University Department of Marketing and Finances.

Yatsukhno Olga Nikolayevna – Master Student of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology.

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);

- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «Материал и методы» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список литературы должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется

в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неоубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
- номер телефона, адрес электронной почты автора;
- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлекцией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

Scientific and practical journal "Law. Economics. Psychology" publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year postgraduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section "Material and methods";
- section "Findings and their discussions";
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section "Material and methods" includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section "Findings and their discussion" the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section "Conclusion" must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. References should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are

indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows.

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200-250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author's phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the AntiPlagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 4.06.2024. Формат 60x84^{1/8}. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 9,84. Тираж 65 экз. Заказ 79.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.